

ВЕЛИКИЙ
УЧИТЕЛЬ
СИН-ЮНЬ

星雲

禪
話

ЧАНЬСКИЕ
БЕСЕДЫ

**ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

星雲

禪話

**ВЕЛИКИЙ
УЧИТЕЛЬ
СИН-ЮНЬ**

**ЧАНЬСКИЕ
БЕСЕДЫ**

**Санкт-Петербург
1998**

Великий учитель Син-юнь. Чаньские беседы / Пер. с кит. Е. А. Торчинова, К. Ю. Солонина. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. — 384 с.

Буддийская школа *чань* (более известная у нас под японским названием *дзэн*) — одно из ведущих направлений дальневосточного буддизма, оказавшее огромное влияние на духовную жизнь, культуру и искусство Китая, Кореи, Японии и Вьетнама. Школа *чань* (или школа созерцания) провозглашала принцип мгновенного просветления: «Смотри в свою собственную природу и станешь Буддой». Для нее характерен отказ от сложных философских построений во имя непосредственного усмотрения реальности (как она есть) и нашей собственной природы (которая есть природа Будды).

Великий учитель Син-юнь, проживающий в настоящее время на Тайване, — выдающийся современный носитель чаньской духовности и преемник патриархов чаньской традиции Линь-цзи (Риндзай), создатель Международной ассоциации «Свет Будды». Его «Чаньские беседы», исполненные глубины и понимания древних методов практики и жизни чаньских монахов (для которых чань и есть жизнь, а жизнь и есть чань), несомненно вызовут глубокий интерес всех подлинных «паломников в страну Востока» и всех читателей, интересующихся буддийской духовностью.

В книге использованы иллюстрации из оригинальных изданий «Чаньских бесед».

ISBN 5-85803-108-0

- © Великий учитель Син-юнь, 1998
- © Buddha's Light International Association, 1987
- © Е. А. Торчинов, К. Ю. Солонин, перевод на русский язык, 1998
- © «Петербургское Востоковедение», издание на русском языке, 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достопочтенный великий учитель Син-юнь, один из величайших чаньских наставников современности и держатель традиции Линьцзи чань, родился в Китае в 1926 году. В двенадцать лет он принял монашеские обеты и прошел полный постриг в 1941 году. Через восемь лет он приехал на Тайвань, где предпринял огромные усилия для возрождения буддизма. Успех этих усилий выразился в появлении многочисленных новых храмов, буддийских изданий, претворении в жизнь различных буддийских социальных, образовательных и культурных программ, разработанных под личным руководством Син-юня. Благодаря деятельности Международного общества развития буддизма по всему миру были созданы центры распространения буддизма и духовных ценностей традиционной китайской культуры. Великий учитель Син-юнь получил всемирное признание за свои искусные и новаторские методы распространения Дхармы в соответствии с потребностями нашего времени. За свою благородную деятельность Син-юнь выдвигался на Нобелевскую премию мира 1996 года.

Великому учителю Син-юню принадлежат многие книги о буддизме и его учении. Ему принадлежат де-

сять томов «Чаньских бесед» (четыре из которых в настоящем издании переведены на русский язык), он выступил в качестве ответственного редактора при составлении восьмитомного «Словаря буддизма общества "Фо гуан"» («Фо гуан да цы дьянь», 1988) и шестнадцатитомного издания раннебуддийских сутр — агам (1984). Ему также принадлежат такие книги как: «Шакьямуни будда» (1955), «Десять великих учеников Будды» (1959), «Сутра восьми великих прозрений» (1960). Кроме того, несколько томов его лекций по буддизму опубликовано на китайском и английском языках. В 1994—1995 гг. на русском языке были опубликованы 13 лекций Син-юня (четыре брошюры под общим названием «Буддизм в нашей жизни». СПб., 1994—1995).

Великий учитель Син-юнь также является ректором Университета Силай в Лос-Анджелесе. Он принимал участие в работе оргкомитетов многих международных буддийских и буддологических конференций.

В 1993 году великий учитель Син-юнь посетил Россию, создав в Санкт-Петербурге Санкт-Петербургское общество «Фо гуан» («Свет Будды»), являющееся членом созданной им Международной ассоциации «Свет Будды», цель которой — распространение идеалов гуманистического буддизма, знаний о буддизме, благотворительная и образовательная деятельность.

В настоящее время Общество подготовило перевод части «Чаньских бесед» («Чань хуа») великого учителя Син-юня, которые не только привлекут внимание самого широкого читателя своей глубиной и истинно чаньским духом, но и, несомненно, будут способствовать более углубленному пониманию как чаньского буддизма, так и буддийских духовных ценностей вообще.

*Президент Санкт-Петербургского
общества «Фо гуан» («Свет Будды»)
Е. Торчинов*

**ВЕЛИКИЙ
УЧИТЕЛЬ
СИН-ЮНЬ**

**ЧАНЬСКИЕ
БЕСЕДЫ**

ВЕТЕР ДВИЖЕТСЯ ИЛИ ЗАНАВЕСКА ДВИЖЕТСЯ?

風動

，
幡動

После того как великий чаньский учитель Хуй-нэн получил Учение и патру, он более десяти лет скрывался среди охотников¹. После же того как условия созрели, он начал проповедовать в миру, одухотворяя и преображая его. Однажды он зашел в Монастырь Природы Дхарм (Фасинсы) и увидел там двух монахов, смотревших на занавеску и с раскрасневшимися лицами споривших до хрипоты. Шестой Патриарх остановился послушать их спор и понял, что их волнует причина, по которой происходит движение колеблющейся под ветром занавески.

Один монах говорил: «Если бы не было ветра, то как могла бы колыхаться занавеска? А следовательно, движется именно ветер».

Другой отвечал ему: «Если бы не было занавески, то откуда бы мы узнали, что ветер движется? А следовательно, необходимо утверждать, что движется именно занавеска».

Так каждый из спорщиков держался своего и никак не мог переубедить другого. Великий учи-

¹ Речь идет о знаменитом Шестом Патриархе чань Хуй-нэне (ум. 713), которому Пятый Патриарх Хун-жэнь тайно передал символические свидетельства патриаршего достоинства и просветления (чашу для подаяний — патру и рясю), после чего Хуй-нэн вынужден был долго скрываться во избежание соперничества и распрей в монашеской общине (*примеч. перев.*).

тель Хуй-нэн послушал-послушал их и наконец сказал: «Вам двоим вовсе не о чем спорить, и сейчас я рассужу вас. Ведь в движении не находятся ни ветер, ни занавеска. В действительности в движении находится ум каждого из вас!»

Этот гунъань¹ ясно демонстрирует взгляд чаньского учителя на природу внешних объектов. Они проистекают из нашего ума, а отнюдь не являются самостоятельными внеположными сущностями. Все феномены существуют лишь благодаря различительной функции нашего ума и всецело определяются движениями нашего сознания, из которого они и возникают. Когда ум спокоен, тогда и все сущее лишено самодовлеющего существования; когда ум движется, тогда и появляются все различия между явлениями. Поэтому необходимо добиваться состояния равенства и тождественности движения и покоя; только в таком случае наше сознание освободится от всех заблуждений и различающих мыслей. Только тогда мы сможем реализовать мир и покой нирваны.

ОН НЕ МОЖЕТ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

不
肯
承
擔

Однажды глубокой ночью чаньский учитель Ли-цзун встал у входа в монашескую опочивальню и громко закричал: «Вор! Вор!» Все монахи страшно переполошились, а один монах-

¹ Гунъань (более известен под японским названием *коан*) — чаньский парадокс, являющийся объектом созерцания (медитации), стимулирующим обретение пробуждения (просветления) (*примеч. перев.*).

горное уединение, понимая, что его цель — поимка бандита, что сидит в нас самих, то это поистине будет пониманием Учения Будды!

Та проверка, которую устроил чаньский учитель Ли-цзун, показывает все его величие в качестве наставника чань.

Врата «шести корней» — вот кто поистине вор,
Днем и ночью бродящий около нас.
Если мы, бездельничая, шатаемся по улицам,
То кто будет виноват, если мы попадем в беду.

В течение всех двадцати четырех часов блюсти врата наших «шести корней», не позволяя им уклоняться в сферу заблуждения — важнейшая задача чаньского совершенствования, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать.

НУЖНО ЗАБЫТЬ О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ПРОСТОЛЮДИНОМ И СВЯТЫМ¹

凡
聖
兩
忘

Когда чаньский учитель Гуан-юн из Нань-та, Южной Пагоды, впервые посетил чаньского учителя Яншаня², Яншань спросил его: «Зачем ты пришел сюда?» Гуан-юн ответил: «Я пришел повидать Вас, учитель чань, поклониться Вам». Яншань снова спросил его: «Ну что, теперь

¹ Имеются в виду обыватели, не идущие путем буддийского совершенствования, и буддийские святые разных уровней (*архаты, пратьека* — будды и бодхисаттвы).

² Яншань Хуй-цзи (Хуй-цзи с горы Яншань, 807—883) — выдающийся чаньский наставник, один из создателей чаньской школы Гуйян.

ты повидал чаньского учителя?» Гуан-юн ответил: «Повидал». Яншань опять задал вопрос: «Ну и что, отличается ли чаньский учитель по своему виду от ишака или мерина?» Гуан-юн в ответ: «Я увидел, что чаньский учитель и на Будду не похож». Но Яншань никак не мог успокоиться и поэтому вновь обратился к гостю: «Не похож на Будду, а на кого похож-то?» Гуан-юн, который не смел проявить слабость, ответил ему: «Если есть вообще какое-то сходство, то как отличить его от сходства с ишаком или меринком?» Яншань даже вздохнул от удивления, сказав: «Можно забыть о разнице между святым и обывателем, исчерпать все страсти и отринуть эфемерное тело, но еще никто в возрасте всего двадцати лет не мог превзойти тебя. Приветствую тебя, ты поистине хорошо подготовлен!»

Позднее Яншань говорил любому первому встречному что Гуан-юн — будда во плоти.

Каков же смысл этого гуньяня? Может быть, в том, что один человек спрашивает другого, на кого он похож? На этот вопрос очень трудно ответить, поскольку если мы имеем обусловленное причинами сходство, то оно будет предполагать также и несходство. Например, если мы скажем, что данный человек похож на демона, то это также будет означать, что и в демоне есть что-то от человека. Если же мы скажем, что демон похож на человека, то, значит, и в человеке есть нечто демоническое. В «Алмазной сутре»¹ говорится: «Ведь все, что имеет признаки, пусто и

¹ «Алмазная сутра» («Ваджраччхедика праджня-парамита сутра») — один из важнейших текстов махаянского буддизма. Русский перевод выполнен Е. А. Торчиновым. См.: Психоло-

ложно» и еще: «Если смотреть на все признаки: как на непризнаки, то тогда и увидишь Так Приходящего»¹. Что значит «пустой и ложный»? В пустоте нет ни признаков, ни того, чему эти признаки могли бы принадлежать. Поэтому поистине пустота лишена признаков и может посему объять собой и вместить в себя все множество сущего. Поскольку пустота лишена признаков, она может принимать любые образы. Чаньские учителя Яншань и Гуан-юн рассуждали о своей непохожести на ослов и будд, но тогда, в конце — концов, на кого же они похожи? Они похожи на самих себя. Только когда увидишь свою собственную изначальную природу, сможешь дышать одним дыханием с пустотой; на кого же тогда человек станет похож? Он станет похож на безобразный образ пустоты, и только тогда он сможет забыть о противоположности святости и обыденности. И сущность, и ее функции будут рассматриваться в их истинном единстве. Вот что значит усмотреть истинный принцип без образов и признаков.

ЖЕМЧУЖИНА, ПОКРЫТАЯ НЕЧИСТОТАМИ

破
布
裏
眞
珠

Государственный канцлер Пэй Сю² пришел однажды в монастырь Дааньсы. Он спросил монахов монастыря Дааньсы, сказав: «Среди десяти выдающихся учеников Будды

гические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986. С. 53—68; 2-е изд. Новосибирск, 1990.

¹ Так Приходящий (санскр. *Tatхаgата*) — один из основных эпитетов Будды.

² Пэй Сю (765—839) — крупный сановник и государственный деятель эпохи Тан. Интересовался чаньским буддизмом и практиковал его; был знаком со многими выдающимися наставниками своего времени.

каждый был первым в какой-то области. В какой же области был первым Рахула, сын Будды?»

Монахи решили, что это очень простой вопрос с точки зрения буддизма, и дружно ответили: «Он был первым в практике тайных буддийских методов».

Но Пэй Сю остался совершенно не удовлетворен ответом монахов и вновь спросил их: «Есть ли здесь учителя чань?»

В это время чаньский учитель Лун-я работал в огороде на задах монастыря. Монахи попросили его прийти, и Пэй Сю повторил ему свой вопрос:

— В какой области был первым Рахула?

Чаньский учитель Лун-я, нимало не задумываясь, ответил:

— Не знаю!

Пэй Сю, услышав это, чрезвычайно обрадовался, низко поклонился учителю и, восхваляя его, сказал:

— Вот поистине жемчужина среди нечистот.

Все знают, что среди великих учеников Будды Рахула был первым в области практики тайных методов буддизма. Но если они были тайными, то как же можно сказать утвердительно: «Знаем»? Тем не менее все монахи дружно ответили: «Знаем», и только пришедший учитель чань, который, напротив, знал, ответил: «Не знаю». Когда мы нечто знаем, мы знаем, что знаем это; когда мы чего-то не знаем, то знаем, что не знаем этого, но в любом случае поистине такое знание пусто и условно. Мудрость и добродетель неодинаковы: ведь с точки зрения добродетели четыре ляна вполне соответствуют половине цзиня, а для мудрости четыре ляна — это четыре ляна, а половина цзиня — это половина цзиня, и их нельзя условно отделить

друг от друга ни на волосок. Хотя учитель чань Лун-я и работал в поте лица своего на огороде, а его скудная одежда не укрывала как следует тела, он поистине был жемчужиной среди нечистот. Неудивительно, что он оставил «золото и яшму» снаружи, а сам был как бы одет в обноски и лохмотья своих чаньских учеников!

МОНАХ ПО ПРОЗВИЩУ КАПЛЯ ВОДЫ

滴水和尚

Чаньский учитель Ишань однажды умылся, но вода была слишком горячей, и он велел своим ученикам принести холодной воды, чтобы разбавить горячую. Один из учеников принес холодную воду и подлил ее в тазик учителя, после чего в ведре осталось еще немного воды, которую он вылил на землю.

Чаньский учитель грустно сказал ему:

— Зачем ты так легкомысленно тратишь воду? Все существующее в мире имеет свое применение, просто дело в том, что использование разных вещей неодинаково, и все. Посмотри на эти капли воды, которые ты столь легкомысленно вылил. Ведь если бы ты вылил ее там, где есть травы и деревья, то не только они порадовались бы этому, но и капли воды не утратили бы своей ценности. Зачем же надо было вот так попусту тратить воду? Хотя это была всего лишь капля воды, ценность ее была весьма велика.

Ученик, услышав это, обрел просветление и сменил свое монашеское имя на прозвище Капля

Воды. Позднее он стал весьма уважаемым монахом Капля Воды.

Когда монах Капля Воды начал проповедовать Учение Будды и возвещать Путь, некий человек спросил его:

— Скажите, пожалуйста, какова наивеличайшая заслуга в этом мире?

— Капля воды, — ответил монах Капля Воды.

Бесконечное пространство объемлет все сущее, что же может объять бесконечное пространство?

Капля воды!

Монах Капля Воды теперь соединил свой ум и каплю воды в единое целое и его сознание объяло всю безграничность Великой Пустоты пространства. Вот как в одну каплю воды могут полностью вместиться бесконечные время и пространство.

Сколько заслуг мы можем обрести в этом мире? Они имеют свой предел, и сколько бы мы ни имели имущества и богатства, все это исчезнет напрочь, когда мы исчерпаем свои заслуги. Имеющиеся у человека деньги, любовь, счастье и долголетие можно сравнить со счетом в банке: когда мы истощим имеющиеся у нас духовные заслуги, этот счет исчерпается и у нас ничего не останется. Ни одна капля воды не должна тратиться попусту. Ведь хотя каждая капля сама по себе и ничтожно мала, из таких капель состоит весь великий океан.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗЛОВОННОЙ МОЧЕ

往
尿
臭
去
參

Некогда в правление династии Сун¹ чаньский учитель Цун-юэ навестил чаньского учителя Шоу-чжи из Юньгая. Они едва успели произнести несколько фраз, как юньгайский Шоу-чжи начал порицать Цун-юэ, говоря:

— Хотя ты и являешься настоятелем монастыря на горе Даоушань в Чанша², твои речи уж очень похожи на речи обычного пьяницы.

Лицо Цун-юэ покраснелось, уши запылали, и он ответил:

— Прошу почтенного монаха о милосердии; не откажите в наставлении!

Чаньский учитель Шоу-чжи спросил:

— Навещал ли ты ранее чаньского учителя Фачана и учился ли ты у него?

— Я, ученик, читал его изречения, и они глубоко проникли в мое сердце, поэтому я не ходил лично к нему.

Чаньский учитель Шоу-чжи снова спросил:

— Навещал ли ты когда-нибудь чаньского учителя Кэ-вэня с гор Дуншань?

Цун-юэ презрительно сказал:

— Кэ-вэнь с гор Дуншань? Это же сумасшедший! Он день-деньской ходит-бродит повсюду,

¹ Сун — китайская императорская династия, правившая с 960 по 1127 г. (Северная Сун) и с 1127 по 1289 г. (Южная Сун).

² Чанша — город и местность в южном Китае. В настоящее время г. Чанша — столица провинции Хунань.

одетый в тряпье, от которого воняет мочой, как из унитаза. Он вовсе не чаньский учитель великой добродетели!

Чаньский учитель Шоу-чжи стал серьезен и строго сказал:

— А ведь чань прямо там и находится! Иди и предайся созерцанию вонючей мочи.

Цун-юэ отнесся к этим словам очень серьезно и вдумчиво и, полагаясь на наставление чаньского учителя Шоу-чжи, отправился учиться у дуншаньского Кэ-вэня. Поскольку у него Цун-юэ глубоко проник в сокровеннейшую суть чань, он после этого вновь пришел к чаньскому учителю Шоу-чжи поблагодарить его за преподанный урок.

Чаньский учитель Шоу-чжи спросил его:

— Ну, как же ты ходил поучиться у чаньского учителя Кэ-вэня?

Цун-юэ серьезно и почтительно ответил ему:

— Если бы я не обрел наставлений чаньского учителя, которого вы указали мне, то вся эта моя жизнь оказалась бы бесплодной. Поэтому я и пришел почтительно поблагодарить вас.

Чаньский учитель Шоу-чжи сказал:

— За что же благодарить меня? Благодарите лучше зловоние мочи и нечистот.

Общий недуг всех людей в мире заключается в том, что они встречают других людей по одежке. Но ведь внешний вид — это просто то, что видят телесные очи. А где же чань? Чань отнюдь не всегда пребывает во внешней респектабельности и внешнем лоске; не всегда проявляется чань и во внешней красоте и миловидности. За «тряпьем, воняющим мочой из унитаза», око мудрости непременно узреет мир чань. Это похоже на то, как лотос растет из

грязи или золото и драгоценные камни скрываются в почве и камнях.

В ДОРОГЕ СЛЕДУЕТ БЫТЬ ОСТОРОЖНЫМ

途
中
珍
重

Чаньский учитель Лин-сюнь некогда учился в монастыре Гуйцзусы, что на горе Лушань. Однажды он внезапно решился покинуть гору и потому отправился к чаньскому учителю Гуй-цзуну испросить разрешение на отъезд. Чаньский учитель спросил его:

— Куда ты собираешься ехать?

Лин-сюнь откровенно ответил:

— Вернусь обратно в горное уединение.

Тогда чаньский учитель милосердно сказал ему:

— Ты проучился здесь тринадцать лет и вот сегодня уходишь. Я должен сообщить тебе самую суть Учения Будды, — собери свои пожитки, а потом снова приходи ко мне.

Чаньский учитель Лин-сюнь тщательно упаковал свои пожитки и вынес их за монастырские ворота, после чего вновь отправился к чаньскому учителю Гуй-цзуну, как тот и велел ему. Чаньский учитель Гуй-цзун воскликнул:

— Встань прямо передо мной!

Лин-сюнь, следуя этому указанию, встал перед ним.

Тогда Гуй-цзун тихо-тихо прошептал ему:

— Погода становится все холоднее, в пути тебе следует быть осторожным!

Услышав эти слова чаньского учителя, Лин-сюнь внезапно обрел пробуждение.

В чем же заключается «самая суть Учения Будды», о которой говорил чаньский учитель Гуй-цзун? Стремление быть сострадательным, стремление обрести сознание, направленное на бодхи¹, стремление обрести сознание, исполненное праджни², — сказать все это одной фразой, это и значит выразить самую суть чань³.

Учиться самосовершенствованию на пути Будды и отступить, не закончив, — разве это не значит проявить безответственность перед самим собой и отбросить самое важное и насущное? Одна только фраза: «Погода становится все холоднее» — указывает на то, что другие люди заботятся о тебе тогда, когда ты сам о себе отнюдь не заботишься. Одна фраза: «В пути тебе следует быть осторожным» — обнаруживает все стремление воодушевить Лин-сюня на его пути к познанию своего истинного Я!

Природа чань такова, что порой мы не можем коснуться даже ее поверхности, исчерпывая в своих рассуждениях содержание тысячи сутр и мириад ученых буддийских трактатов, но порой мы обретаем исчерпывающее знание нашего изначального лица всего лишь благодаря какой-то незамысловатой фразе, написанной на бумаге или произнесенной вслух, — всего одно движение, одно касание, и мы уже постигли, кто мы есть. Сострадательная забота чаньского учителя Гуй-цзуна была обусловлена тем, что он хотел помочь человеку, который жил с ним рядом и учился у него тринадцать лет. Внезапное же пробуждение Лин-сюня было обусловлено постепенным созреванием плодов его практики самосовершенствования.

¹ Бодхи (кит. *пути*) — пробуждение, просветление.

² Праджня (кит. *божо*) — мудрость, способность созерцать истинную реальность, как она есть.

³ Здесь обыгрываются разные значения китайского слова *синь* — сердце, сущность, ядро, сознание, намерение, установка.

Поэтому поговорка «Пока рис не готов, не поднимай крышку котла; пока яйцо не сварилось, не очищай его от скорлупы» отнюдь не пустые слова.

СЛАДКАЯ СДОБА 糖餅

Некий монах-ученик пришел учиться к чаньскому учителю Дао-мину из Мучжоу. Чаньский учитель спросил его:

— Какое направление буддийской философии ты обычно изучаешь?

Ученому монаху было нечего скрывать, и он ответил:

— Я, монах, обычно изучаю доктрину дхармовых свойств только-сознания¹.

Чаньский учитель снова спросил:

— Можешь ли ты объяснить мне теорию только-сознания?

Монах-ученик смущенно ответил:

— Я не посмею.

Чаньский учитель тогда взял сладкую сдобную пампушку, разломил ее пополам и сказал:

¹ Философия только-сознания (*йогачара, виджнянавада*; кит. *вэй ши*) — одно из ведущих философских направлений классического индийского махаянского буддизма, созданное братьями Асангой и Васубандху в IV—V вв. Это очень сложная философия, обосновывающая учение о том, что единственной реальностью является сознание. В Китае после знаменитого паломника и переводчика Сюань-цзана (VII в.) ее часто называли учением «о свойствах дхарм» (*фа сянь*).

— Три мира — это только ум, все мириады дхарм¹ — только сознание. Как ты это объяснишь?

Монах ничего не сказал в ответ.

Чаньский учитель тогда опять спросил:

— Эта вещь называется сдобной пампушкой, не так ли? Или она не называется сдобной пампушкой?

Монах-ученик весь напрягся, по его спине струился пот, но он выдавил из себя ответ:

— Ее нельзя не называть сдобной пампушкой.

Чаньский учитель посмотрел-посмотрел, а потом очень спокойно спросил у стоявшего рядом в ожидании послушника-шраманеры²:

— Одна сдобная пампушка была разделена на две части; как ты это объяснишь?

Шраманера, ни капли не задумываясь, сказал:

— Две части пребывают в едином уме.

Чаньский учитель снова спросил:

— Как ты называешь эту вещь?

Шраманера ответил:

— Сдобной пампушкой.

Чаньский наставник Дао-мин из Мучжоу громко расхохотался.

— Ты тоже можешь проповедовать доктрину только-сознания.

¹ Д х а р м а — здесь базовое понятие буддийской философской психологии (*абхидхарма*), обозначающее элементарное психофизическое состояние; совокупность дхарм формирует всю сферу опыта. В философии только-сознания «дхармами» часто называли внешние объекты, соотносящиеся с эмпирическим «я», но не отличные от сознания.

² Ш р а м а н е р а (кит. *шамы*) — ученик, монах-послушник.

Метод и характер изучения философии только-сознания и практики чань совершенно различны. Философия только-сознания ориентируется на логическое познание, на анализ, а чань не придает значения логическому познанию и анализу. Чань предполагает непосредственное проникновение в наше изначальное сознание, непосредственное усмотрение нашей собственной природы, чтобы стать буддой. Чаньские учителя часто прибегают в своих речах к юмору и к людям относятся тепло и любезно. Им вовсе не нравится представлять перед людьми с суровыми строгими лицами и сухо наставлять их. Порой они говорят о востоке, а на самом деле указывают на запад. Иногда они могут ударить тебя или обругать, но на самом деле они любят тебя и заботятся о тебе. Последователи философии только-сознания много и обстоятельно говорят, обосновывая и разъясняя содержание своей идеалистической доктрины, а чаньские учителя произносят только одну фразу, и что же? Они говорят: «Сдобная пампушка!» — и одним этим выражают смысл учения о том, что «три мира — только ум; мириады дхарм — только сознание».

ГДЕ СЕЙЧАС НАХОДИТСЯ БУДДА?

佛
今
在
何
處

Танский император Шунь-цзун¹ спросил однажды чаньского учителя Жу-маня из Фогуана:

— Откуда Будда пришел? Когда он обрел упокоение, то куда он ушел? И если, как

¹ Шунь-цзун — китайский император династии Тан. Правил в 805—806 гг.

говорят, он всегда пребывает в мире, то где же он сейчас?

Чаньский учитель Жу-мань сказал в ответ:

— Будда пришел из недеяния¹ и, упокоившись, ушел в недеяние. Его Дхармовое Тело² беспредельно пустотно и постоянно пребывает в месте не-ума; от наличия различающей мысли он вернулся к отсутствию различающей мысли, от пребывания в мире он вернулся к не-пребыванию; когда он приходит, то приходит ради живых существ, когда он уходит, то уходит ради живых существ; он чист, ясен, истинен и во всем подобен океану — глубок и бездонен, суть его неизменна и пребывает вовек. Мудрец благомысленно созерцает его, и в его сердце никогда не родятся сомнения!

Император Шунь-ди не счел это правдой и еще раз спросил монаха:

— Будда родился в царском дворце и обрел освобождение в роще меж двумя садовыми деревьями. Он прожил в мире сорок девять лет и при этом, как говорят, не проповедовал никакого уче-

¹ Недеяние (*у вэй*) — даосский термин, обозначающий непротиводействие природе вещей; в буддизме означает неявленное, непричастное круговерти сансары истинносущее.

² Дхармовое Тело Будды (*дхармакайя*) — собственная сущность Будды как Абсолюта; другие «тела» Будды — Тело Воздаяния (*самбхогакайя*), в котором Будда наслаждается в небесных мирах блаженством нирваны и общается с бодхисаттвами и другими святыми личностями, и Превращенное Тело (*нирманакайя*), в котором Будда являет себя в чувственном мире как просветленный монах, проповедующий людям и другим существам.

ния. Даже горы и реки, даже великий океан, даже Небо и Земля с солнцем и луной — все они непременно погибнут и разрушатся, когда наступит время. Кто же может всерьез говорить о том, что нет ни рождения, ни смерти? И если относительно этого существуют какие-либо сомнения, мудрец должен благоразумно анализировать эти истины.

Тогда чаньский учитель Жу-мань начал постепенно, шаг за шагом, объяснять императору учение истины, говоря:

— Сущность Будды в основе своей есть надеяние, и только заблуждение ума приводит к проведению различий. Дхармовое Тело беспредельно пустотно и никогда не бывает причастно рождениям и смертям. Когда появляется соответствующая причина, Будда являет себя в мире, когда таковая причина отсутствует, Будда вступает в упокоевание нирваны. Он везде и повсюду просвещает живые существа, будучи подобен отражению луны в воде. Он не постоянен и не преходящ, он не рождается и не умирает. Что касается рождения, то он изначально рожден; что касается исчезновения, то он изначально пребывает в небытии нирваны. Когда постигается место не-ума, то все понимается совершенно естественно и нет никакой необходимости проповедовать какое-либо учение.

Император Шунь-цзун выслушал все это и премного возрадовался, а его почтение к чаньским учителям еще более возросло.

Некоторые люди постоянно спрашивают: Амиتابха Будда пребывает в Западной Чистой Земле, Будда Враче-

вания пребывает в Восточном Мире, а где же сейчас пребывает Шакьямуни Будда? Фактически Будда Шакьямуни поистине пребывает сейчас в светозарном мире вечного упокоения, но где пребывает сам этот светозарный мир вечного упокоения?

На эти вопросы и сутры и авторитеты практики чань отвечают очень живо и просто. Мир, каким видит его наше сознание, — это мир рождений и смертей. В нем Будда проявляется в физическом превращенном теле. Мир, каким его видит не-ум, — это мир, где нет ни рождений, ни смертей; это Дхармовое Тело Будды. Не-ум — это чаньский ум, и только используя чаньский ум, можно познать, где сейчас поистине пребывает Будда.

«Когда появляется соответствующая причина, Будда являет себя в мире, когда таковая причина отсутствует, Будда вступает в упокоение нирваны», — здесь слово «упокоение»¹ не означает смерть, как в выражении «рождения-смерти». Здесь слово «упокоение» означает мир нирваны. В светозарном мире вечного упокоения уничтожены все аффекты и страсти, всякое различие, всякое противопоставление, это мир упокоения и мира, преисполненный абсолютной свободы, радости и блаженства.

СОСТРАДАНИЕ

慈悲

Жили на свете три брата. Хотя они и не покинули свои семьи, став монахами, они очень любили практиковать созерцание и учиться чань. Поэтому они часто отправлялись в

¹ По-китайски «нирвана» часто обозначается словом *ме*, которое в обыденном языке означает «гибель», «смерть», «уничтожение» (имеется в виду то, что в нирване исчезают, уничтожаются все аффекты, страсти и страдания).

различные осиянные светом Будды монастыри, чтобы учиться у чаньских учителей этих обитателей. Так день за днем они странствовали в поисках все более высоких уровней пробуждения, деля друг с другом все невзгоды скитаний. Однажды под вечер они остановились переночевать в доме деревенской женщины, которая только что потеряла мужа, оставившего на ее руках семерых детей. На следующий день, когда они собирались в дорогу, самый младший из братьев сказал двум другим:

— Вы идите вдвоем продолжать учебу, а я останусь здесь и никуда не пойду.

Двое братьев, услышав эти слова, отнюдь им не обрадовались, а, скорее, рассердились. Они решили, что их младший брат смалодушничал и у него просто не хватило силы воли учиться вне стен дома: вот, только стоило ему увидеть одинокую женщину, как он сразу же растрогался и остался в ее доме. Поэтому они, сердясь, собрали свои пожитки, оделись и, махнув рукой, ушли. Между тем той женщине было очень трудно одной растить семерых детей, и решение младшего брата остаться помочь ей было для нее редкой удачей и большим счастьем. Позднее, когда эта женщина убедилась, какими редкими достоинствами наделен третий брат, она захотела, чтобы он женился на ней, но тот сказал:

— Твой муж умер совсем недавно, и будет нехорошо, если мы так быстро поженимся. Тебе следует три года соблюдать траур по мужу, а потом мы можем вернуться к разговору о браке.

Но через три года, когда женщина снова завела разговор о свадьбе, третий брат снова отказал ей, сказав:

— Если мы сейчас поженимся, то я провинюсь перед твоим покойным мужем. Мне надо тоже соблюдать по нему трехлетний траур!

Когда прошло еще три года, женщина опять заговорила о замужестве. Тогда третий брат ответил:

— Во имя нашего будущего счастья и благополучия, чтобы не испытывать раскаяния в будущем, давай еще три года будем вместе соблюдать траур по твоему усопшему мужу!

Три раза по три года — вот и девять лет прошло, дети вдовы выросли, и третий брат понял, что его желание помочь ей исполнилось и пришла пора им расстаться. Тогда он незаметно оставил ее дом и ушел прочь продолжать поиск духовного Пути.

Этот третий брат любил изучать чань, но для этого он не стал уединяться в горах, чтобы в их тишине практиковать созерцание. Он вернулся, чтобы помочь одинокой вдове и несчастным сиротам и его не замарали пять видов мирской пыли и шесть страстей¹, напротив, ему удалось превратить мирскую грязь в землю чистоты и незапятнанности. Можно сказать, что этот одаренный человек поистине понял смысл и суть чань и чаньского метода. Ведь если человек умеет применять чань в повседневной жизни,

¹ Пять видов мирской пыли — пять возбуждающих влечение чувственных объектов: внешний вид (цвет и форма), звуки, запахи, вкус и осязательные ощущения. Шесть страстей — невежество, гнев, похоть, зависть, гордыня и страх.

то чань для него становится кораблем, переправляющим через море страданий, и светильником во мраке ночи; это поистине спасительное средство для всего мира.

КАК ХУЙ-КЭ УСПОКОИЛ СВОЙ УМ

慧
可
安
心

Чаньский учитель Шэньгуан Хуй-кэ проделал трудный и дальний путь по горам и долам, чтобы добраться до монастыря Шаолиньсы на горе Суншань, поклониться там Патриарху Бодхидхарме¹ и испросить его наставлений и поучений. Попросив у входа в келью разрешения войти в качестве ученика, Хуй-кэ увидел, что Бодхидхарма погрузился в состояние глубокого созерцания, сидя лицом к стене и не обращая ни малейшего внимания на Шэньгуан Хуй-кэ, недвижно стоящего за дверью. День был снежным и ветреным; казалось, что все небо полнится снегом, и вскоре снег засыпал Хуй-кэ до колен. Увидев его настойчивость и искренность в поиске Учения, Бодхидхарма наконец раскрыл рот и сказал:

— Ты уже долго стоишь под снегом. Чего же ты ищешь?

Хуй-кэ ответил:

¹ Бодхидхарма (VI в.) — основатель буддийской школы чань в Китае; традиция считает его 28-м Патриархом этой созерцательной школы в Индии и первым в Китае. Хуй-кэ — его ученик и преемник (Второй Патриарх чань).

— Я только прошу достопочтенного монаха открыть врата сладкой росы истины для блага всех живых существ.

Бодхидхарма сказал:

— Наивысшее таинственное просветление всех будд нельзя обрести даже через множество космических циклов, его нельзя достичь, даже практикуя труднопрактикуемое и даже терпя нестерпимое. Твой ум, мой господин, легковесен и медлителен. Желая с таким умом взойти на Колесницу совершенной Истины, ты лишь будешь попусту утруждать и мучить себя, понапрасну тратя время.

Услышав это, Хуй-кэ, стоя перед Бодхидхармой, отрубил себе руку по самое плечо.

Бодхидхарма сказал:

— Все будды, взыскуя просветления, думали только об Учении и забывали о собственном теле. Вот сейчас ты отсекаешь руку; ради чего ты сделал это?

Хуй-кэ ответил, сказав:

— Ум вашего ученика еще неспокоен. Прошу вас, о Патриарх, успокойте мой ум!

Бодхидхарма сказал:

— Принеси же мне твой ум, и я успокою его для тебя!

Хуй-кэ изумленно воскликнул:

— О! Я нигде не могу отыскать свой ум!

Бодхидхарма слегка улыбнулся и сказал:

— Я уже успокоил для тебя твой ум.

Шэньгуан Хуй-кэ, дойдя до степени поиска того, чего нельзя найти, вошел в обитель самопреображения и в конце концов вдруг обрел великое пробуждение. Наши аф-

фекты и страсти в основе своей пусты, и дурная карма по сути своей лишена собственной природы. Сознание и ум по сути своей изначально пребывают в покое и тишине, и если мы избавляемся от иллюзий и заблуждений, приводящих в движение различающую мысль, то сразу же обретаем совершенное пробуждение, которое и есть просветление Будды. Если человек способен удерживать самотождественный по своей сути и недоступный помутнению истинный ум, то природа Будды немедленно явит и обнаружит сама себя.

СКИДКА ЗА ИСПОЛНЕНИЕ СУТРЫ

八折誦經

Жил на свете один юноша. У него умер отец, и поэтому он отправился в монастырь к чаньскому учителю Фо-гуану просить его почитать сутры за упокой своего родителя. Чаньский учитель велел ему приготовить цветы, фрукты и другие вещи того же типа, необходимые для ритуала чтения сутр по усопшему.

Однако почтительный сын¹ был весьма обеспокоен вопросом оплаты чтения сутр, и поэтому он, не сходя с места, сразу же спросил чаньского учителя Фо-гуана, сколько будет стоить чтение «Ами-

¹ Сыновняя почтительность (*сяо*) — одна из важнейших добродетелей конфуцианской морали. Поскольку существенным проявлением «сяо» является соблюдение траура по родителям, это слово иногда также употребляется в таком значении.

табха сутры»¹ в одном разделе. Чаньскому учителю Фо-гуану была неприятна скупость юноши, и поэтому он невежливо сказал:

— За чтение «Амитабха сутры» в одном разделе следует заплатить десять лянов серебра.

Почтительному сыну это не понравилось и он сразу же начал торговаться, чтобы сбить цену:

— Чаньский учитель! Десять лянов серебра слишком дорого; не могли бы вы сделать для меня скидку до, скажем, восьми лянов.

Чаньский учитель кивнул головой и ответил:

— Хорошо.

Чтение сутры проходило так, как это положено по канону, но когда ритуал уже подходил к концу, почтительный сын вдруг услышал, что чаньский учитель произносит такие слова:

— О все будды и бодхисаттвы десяти сторон света! Пусть все заслуги, обретенные сегодня от чтения сутры, будут зачтены покойному, дабы он мог возродиться в Восточном Мире!

Когда почтительный сын услышал это, то немедленно громко закричал на чаньского учителя:

— Неправильно! Мне всегда говорили, что надо, чтобы после смерти человек возродился бы в Западном Мире Наивысшего Блаженства, и я ни-

¹ «А м и т а б х а с у т р а» — очень важный для китайского буддизма небольшой текст, описывающий Чистую Землю (не-что вроде рая), созданную в одном из миров, лежащих к западу от нашего мира, Буддой Амитабхой. Человек, верящий в этого Будду и уповающий на него, может, согласно буддийскому учению, после смерти обрести рождение в этом Мире Наивысшего Блаженства.

когда ничего не слышал о желательности рождения в Восточном Мире.

Чаньский учитель немедленно ответил:

— За рождение в Западном Мире Наивысшего Блаженства надо платить десять лянов серебра, а ты захотел скидку и заплатил только восемь лянов, а этого хватит только на перерождение в Восточном Мире!

Почтительный сын сказал потерянным голосом:

— Я доплачу два ляна, но вы уж, пожалуйста, сделайте так, чтобы мой отец родился в Западном Мире!

В это время лежащий в гробу покойник не выдержал и во всю мочь заорал на сына, ругая его на чем свет стоит:

— Ах ты, негодный жадина! Из-за того что тебе хотелось сэкономить два ляна серебра, ты заставляешь своего старика то идти на Восток, то с Востока на Запад. Неужели ты не понимаешь, как это утомительно, — бегать с Востока на Запад!

Учение Будды — это не товар, и к нему нельзя подходить с торговыми мерками и торговаться о цене. В сутре, произнесенной Буддой, сказано: «Намерения, поле и дела неодинаковы, и заслуги приобретаются в зависимости от них»¹. Одно и то же подаяние в десять монет («дело»), данное разным людям («поле») с разными намерениями («намерение») может отличаться по своей значимости в тысячи и десятки тысяч раз. Учение Будды не имеет цены, и мы не можем измерять полученные заслуги в денежном выра-

¹ То есть размер заслуги, обретаемой через совершение доброго дела, зависит от самого дела, намерений делающего и добродетели получающего.

женин; единственная мера — искренность и чистота наших намерений и устремлений!

СЛЕЗЫ ЧАНЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

禪師的眼淚

Чаньский учитель Кун-е однажды покинул стены монастыря, чтобы в миру проповедовать Учение Будды. Он шел по горной тропе и внезапно натолкнулся на банду разбойников, вооруженных ножами и мечами. Они стали требовать у монаха денег «за проход по дороге». Тогда чаньский учитель Кун-е, сам не заметив того, заплакал, а разбойники, увидев его слезы, громко захохотали, крича:

— Какой же трус этот монашек!

Между тем чаньский учитель Кун-е сказал:

— Вы не должны думать, будто я плачу из-за того, что испугался вас. Я не боюсь даже смертей и рождений! Я оплакиваю вас. Ведь вы такие молодые и сильные; у вас есть энергия, а вы не делаете ничего полезного для других, не помогаете людям, а, напротив, каждый день грабите людей, отнимая у них их имущество. Я скорблю, поскольку вы, нарушая законы государства, творя преступления и нарушая все нравственные нормы, непременно после смерти попадете в ад и пойдете тремя путями неблагих форм рождений¹, испытывая муки и страдания. Вот, печалюсь о вас, я и проливаю слезы!

¹ Три неблагие формы рождения — рождение в аду, в качестве голодного духа и в качестве животного.

Услышав это, разбойники отбросили свою жадность и алчность и отвергли гнев и жестокость, приняв прибежища¹ у чаньского учителя Кун-е.

Слезы бывают разными. Можно плакать от горя, можно плакать от счастья, можно плакать от умиления, а можно плакать от чувства сострадания. Слезы чаньского учителя Кун-е как раз и были слезами сострадания. Эти слезы сострадания истекали из его сострадательного чаньского сердца, и под воздействием этих слез сердца бандитов и разбойников смогли смягчиться и они отбросили свою злобу и свою жестокость. Вот почему люди, чьи сердца пронизаны духом чань, могут, если они не ленятся и не бездействуют, одними слезами сострадания омыть всю дурную карму мира.

И-СЮ ПРОВЕТРИВАЕТ СУТРЫ

一
休
曬
藏
經

Однажды чаньский учитель И-сю, живший на горе Бижуйшань, увидел, как великое множество верующих поднимается в расположенный на горе монастырь Бижуйшаньсы для паломничества, поскольку монахи в это время проветривали буддийские сутры¹. А в этих местах существовало предание, что если ветер будет дуть на сутры, то он

¹ Принятие прибежищ — прочувствованное и сознательное повторение формулы «Я ищу прибежища в Будде, я ищу прибежища в Дхарме (Учении Будды), я ищу прибежища в Сангхе (общине монахов, достигших духовного совершенства)» в знак принятия буддизма, его ценностей, целей и образа жизни.

сдует также все беды и невзгоды верующих и увеличит их мудрость. Поэтому многочисленные верующие и поднимались непрерывно на гору, чтобы сподобиться этого приносимого ветром блага. Чаньский учитель И-сю понял это и сказал:

— Я тоже буду проветривать сутры!

Сказав так, И-сю тотчас обнажился по пояс и улегся загорать на травке. Многие верующие, глядя на это, удивлялись и не могли понять, в чем дело, осуждая неподобающее поведение монаха. Когда монахи из монастыря узнали об этом, они тоже прибежали туда и стали просить И-сю не вести себя столь предосудительно.

Тогда И-сю очень терпеливо объяснил им смысл того, что он делал:

— Сутры, которые вы проветриваете, мертвы, и поэтому в них заводятся книжные черви, а они ничего не могут с ними сделать. Сутра же, которую проветриваю я, — живая, она может проповедовать, может совершать служение, может есть. И всякий человек, наделенный мудростью, прекрасно разберется, какая из этих двух сутр более ценна!

В этой истории «И-сю проветривает сутры» поведение развлекающегося И-сю кажется недостойным, но на самом деле оно вполне имеет свой резон. С точки зрения И-сю, искать истинный принцип мироздания не внутри своего ума, а во внешнем мире — это все равно что принимать

¹ В буддийских монастырях Китая сутры периодически проветривают и просушивают на солнце, чтобы предупредить их порчу в условиях влажного субтропического и тропического климата.

верхушку за корень. Сутры напечатаны на бумаге, а истинное Учение Будды есть лишь в нашем собственном сердце; почему же тогда не надо заботиться о своем собственном уме, но надо непременно заботиться о книгах, содержащих сутры? Чтобы обрести счастье и увеличить свою мудрость, надо знать правильный путь к этому, надо заниматься практикой чань и знать методы вхождения в мир мудрости Будды, и тогда всякий сможет использовать сокровища своего собственного ума, ибо драгоценнейшая из всех сутр не напечатана на бумаге, а оттиснута в нашем собственном уме. И только сутры вместилца нашего ума могут породить мириады дхарм!

БЕСПОРОЧНЫЙ СЛУЖКА

不
愧
爲
侍

Однажды чаньский учитель Ши-ти, увидев своего служку, идущего с чашей для сбора подаяний по направлению к трапезной, крикнул ему:

— А куда это ты идешь?

Служка ответил:

— Иду в трапезную.

Чаньский учитель Ши-ти не счел ответ достаточным и серьезно сказал:

— Увидев, что ты несешь чашу, я и так понял, что ты идешь в трапезную.

Служка спросил:

— Если учитель и так уже знал, куда я иду, зачем же ему надо было услышать мой ответ?

Тогда Ши-ти сказал главное:

— Да ведь я спрашивал о твоей основной обязанности.

Служка тогда серьезно ответил:

— Если вы, чаньский учитель, спрашивали меня о моей основной обязанности, то я должен сказать вам, что я поистине иду в трапезную.

Тогда Ши-ти одобрительно воскликнул:

— Твоя служба мне поистине беспорочна!

Что такое «основная обязанность»? Так названо дело прояснения сути ума и усмотрения своей собственной природы, дело освобождения из круговерти рождений-смертей, дело возвращения на нашу исконную родину. Основное дело — это истинный дух чань, проявляющийся в усмотрении чистоты нашей коренной природы, умиротворении и тела и ума, сострадании и терпении, милосердном стремлении к служению всем живым существам. Чань существует в гуще повседневной жизни, и нет ничего, чем не мог бы быть чань. Еда — это чань, сон — это чань. Быть в состоянии чань можно идя и стоя, сидя и лежа, собирая хворост и таская воду из колодца — нет такого состояния, в котором нет чань. Чань объемлет не только всю нашу жизнь, но и все сущее во вселенной. Мы можем выполнять наши обязанности, обязанности других людей и заниматься любыми делами, не уклоняясь от нашего долга и не присваивая того, что нам чуждо. И если мы поступаем таким образом, то мы исполняем нашу основную обязанность, и наше сердце — это чаньское сердце.

СМОТРЮ НА ТЕБЯ МОРГАЮЩИМИ ГЛАЗАМИ

瞬
目
視
伊

Чаньский учитель Яншань, желая проверить, насколько чаньский наставник Чжи-сянь может выразить словами свое понимание чань, спросил его:

— Брат! Чего ты достиг за последнее время, занимаясь чаньским созерцанием своего ума?

Сян-янь Чжи-сянь ответил ему, произнеся гатху:

В прошлом году я был беден,
не будучи по-настоящему беден.
Ныне я беден так, что по-настоящему беден.
В прошлом году я был беден,
но мне было, где стоять.
В этом году я беден и мне негде стоять!

Яншань, услышав это, сказал:

— Брат! Я признаю, что ты глубоко проник вглубь чань Так Приходящего, но что касается чань Патриархов, то ведь ты еще даже не вступил в его врата, не так ли?

Тогда Сян-янь Чжи-сянь произнес еще одну гатху:

Я обладаю поучением,
Глядя на тебя моргающими глазами.
Если ты не понимаешь смысла этого,
То больше не называй себя шраманерой.

Услышав эту гатху, Яншань весьма и весьма обрадовался и сразу же отправился сообщить обо всем их наставнику чаньскому учителю Гуй-шаню, сказав ему:

— О как это замечательно! Наш брат Чжи-сянь тоже пробудился и вступил во врата чань Патриархов.

Чаньские учителя Чжи-сянь и Яншань оба были учениками чаньского наставника Бай-чжан Хуай-хая. В правление династии Тан¹ после смерти Шестого Патриарха Хуй-нэна в чань произошли большие перемены. Вначале чаньский учитель Ма-цзу Дао-и создал лесную обитель, в которой принимал проходящих со всех сторон света, дабы они могли совместно в единой общине практиковать чань. Потом чаньский учитель Бай-чжан Хуай-хай создал Чистые Правила монашеского общежития, дабы обновить принципы монашеского общежития во имя мира и согласия. Его ученики повсеместно распространяли и объясняли учение, согласно которому не надо опираться на знаки и письменные тексты, а следует проникать к самому источнику ума, ибо ум — это и есть Будда, а наш обыденный ум — и есть Дао-Путь. Удары палкой и выкрики стали обычным методом обучения, а контакты между учителем и учеником стали быстрыми и кратковременными.

Вот каковы главные особенности китайского чань Патриархов, отличающие его от спокойного и умиротворенного чань Так Приходящего, существовавшего в Индии. Этот последний, пройдя через опыт китайских чаньских учителей, приобрел большую живость и превратился в чань Патриархов.

Слова чаньского учителя Чжи-сяня: «Я беден и мне негде стоять» указывают на чань Так Приходящего, отвергающий какие-либо привязанности, тогда как слова «Смотрю на тебя моргающими глазами», описывающие живое движение глаз и бровей, несомненно указывают на чань Патриархов.

¹ Династия Тан правила в 618—907 гг.; время ее правления — золотой век буддизма в Китае.

Чья это вина? 誰的罪過

誰的罪過

Однажды некий буддист-мирянин шел по берегу реки и увидел, что лодочник спускает свою лодку на воду, а значит, он сможет перевезти на другой берег несколько человек. В это время мимо проходил один чаньский учитель. Тот мирянин подошел к нему, почтительно приветствовал монаха и спросил его:

— Позвольте спросить вас, почтенный учитель, на ком лежит вина за уничтожение множества крабов, креветок и рачков во время спуска лодки на воду — на пассажирах лодки или же на лодочнике?

Чаньский наставник подумал немного и сказал в ответ:

— Это не вина пассажиров, но и не вина лодочника!

Мирянин совершенно не понял этого ответа и с сомнением в голосе снова спросил:

— Если это не вина пассажиров или лодочника, то кто же все-таки виноват?

Глаза чаньского наставника округлились, вылезли из орбит, и он громко закричал в ответ:

— Это ты виноват!

Хотя буддизм и учит о существовании шести видов живых существ, прежде всего он обращается все-таки к человеку, а если мы стоим на позициях человека, то мы не можем исказить или скрывать истину. Лодочник перевозкой пассажиров зарабатывал себе на жизнь, пассажиры ехали по делам и поэтому наняли лодку, а крабы и креветки были раздавлены днищем спускаемой на воду лодки. Так кто же виноват в этом? Говоря о виновности, можно

было бы сказать, что это вопрос о виновности не двух участников данных событий, а трех: лодочника, пассажиров и рачков, однако в действительности никто из них не виновен, поскольку все они действовали совершенно неосознанно, а «дурная карма сама по себе пуста и создается только при участии сознания; если сознательная установка отсутствует, то и ее нет».

Если нет участия сознания при совершении действия, то как можно быть виновным? Даже если кто-либо и делает неосознанно что-либо дурное, это будет невольным злом. Но тот мирянин, присутствуя при этом, осознавал происходящее и, будучи охвачен заблуждением, погрузился в проведение различий и разграничений. Поэтому стоит ли удивляться тому, что чаньский учитель, ничуть не стесняя себя правилами хорошего тона, закричал на него: «Это ты виноват!»

СТАРЫЙ ТОРГОВЕЦ МАСЛОМ

賣
油
翁

Однажды чаньский учитель Чжаочжоу¹ шел в уезд Тунчэн и встретил на дороге чаньского учителя Да-гуна с горы Тоуцзышань. Тогда учитель Чжаочжоу спросил его:

— Ты хозяин горы Тоуцзышань?

Да-гун замахал в ответ руками и закричал:

— Соль, чай, масло! Покупайте, что вам угодно!

Чжаочжоу не обратил на него никакого внимания и быстро направился в храм. Чаньский учи-

¹ Чжаочжоу (Чжаочжоу Цзун-шэнь; 778—897) — один из знаменитейших чаньских учителей традиции Ма-цзу Дао-и, превосходивший всех современников в силе творческой непосредственности.

тель Да-тун последовал за ним и явился в храм, держа в руках бутылку с маслом. Чжаочжоу увидел его и, не сдерживая укоризны, сказал:

— Я часто слышал славное имя чаньского учителя Да-туна с горы Тоуцзышань, а вижу перед собой просто старика, торгующего маслом!

Да-тун же ответил ему, не заботясь об учтивости своих слов:

— Я тоже слышал, что Чжаочжоу — чаньский учитель, а увидел перед собой просто посредственного обывателя! Ты видишь перед собой просто торговца маслом и не видишь Тоу-цзы!

— С чего это ты взял, что я посредственный обыватель, — спросил Чжаочжоу, — да и кто такой Тоу-цзы?

Чаньский учитель Да-тун поднял повыше бутылку с маслом и закричал:

— Масло! Масло!

Создавший на горе Тоуцзышань чаньский монастырь монах Тоу-цзы Да-тун сказал незадолго до своего окончательного упокоения: «Когда моя пагода покраснеет, тогда, быть может, я снова вернусь». Более чем через сто лет после этого верующие построили там пагоду агатового цвета и перенесли в нее шарир² покойного наставника. Тогда в монастырь пришел чаньский учитель И-цин³, и все

¹ Тоу - цзы — чаньские наставники часто использовали как имя название места, где они практиковали чань. Таким образом, полное имя Да-туна — Тоуцзы Да-тун (Да-тун с горы Тоуцзышань).

² Шарира (*шэли*) — мощи, реликвии, оставшиеся после кремации будды или святого.

³ Тоуцзы И-цин (1032—1082) — известный учитель чань традиции Цаодун чань (яп. *Сото дзэн*).

стали говорить, что «это основатель монастыря вновь вернулся». И-цин написал гимн в честь пагоды основателя монастыря, которая гласила: «Белые облака уплывают, не останавливаясь. Как же Лазоревому пику ухватить их? Лунный свет овеивает пагоду холодом и сосны полночи поют об осени». Тоу-цзы И-цин — поистине вновь вернувшийся чаньский учитель Да-тун. Губернатор-наместник Шучжоу по имени Ян Цзе-цэн в своем стихотворном восхвалении чаньского учителя Да-туна говорит: «Пара туфель, пара полосок кожи. Золотой ворон кричит одиноко, деревянная ворона улетает прочь. Полночи смеется старый торговец маслом и седовласый рождает черноволосого сына». Кто же такой Тоу-цзы? Масло! Масло! Хворост, рис, масло, соль — все это продукты самого что ни на есть повседневного использования. Таков и глубокий поток Учения чаньского учителя Тоу-цзы!

Я НЕ БУДДА

我
不
是
佛

Жил-был один молодой ученый, который поселился в монастыре, чтобы там продолжать свои ученые занятия. Он считал себя очень умным и часто вступал в споры о чань с чаньским учителем Чжаочжоу. Однажды он спросил чаньского учителя:

— Будда преисполнен великого сострадания и в своем стремлении спасти все живые существа он всегда старается следовать желаниям и чаяниям их сердец и никогда не отказывает им в том, к чему они стремятся. Так ли это?

— Да, так.

Ученый тогда снова сказал:

— Мне очень бы хотелось получить посох, который вы, учитель, держите в руке, но я не знаю, выполнима ли моя просьба.

Чжаочжоу ответил:

— Известен ли вам принцип, согласно которому благородный муж не отнимает у людей то, что им нравится?

Молодой ученый ответил:

— А я не благородный муж!

Тогда Чжаочжоу громко крикнул ему:

— Ну и я не Будда!

Ученый не счел этот ответ правильным, но не стал продолжать дискуссию.

Однажды тот молодой ученый сидел, практикуя чаньское созерцание, а чаньскому учителю Чжаочжоу случилось пройти около него. Ученый приоткрыл глаза, посмотрел на учителя, но не проявил к нему никакого внимания. Чаньский учитель Чжаочжоу тогда сделал ему замечание, спросив:

— Почему вы, будучи молодым человеком, не встали и не приветствовали как положено старшего, когда он оказался возле вас?

Ученый ответил чаньскому учителю так:

— Я приветствовал вас сидя; разве это не то же самое, как если бы я встал?

Услышав это, чаньский учитель Чжаочжоу размахнулся и влепил юнцу пощечину!

Молодой человек страшно рассердился и потребовал у учителя Чжаочжоу объяснений, спросив его:

— Почему вы меня ударили?

Чаньский учитель Чжаочжоу тепло ответил ему:

— Разве то, что я ударил вас, не то же самое, как если бы я не ударял вас?

Молодой ученый принадлежал к интеллигенции, а чаньский учитель был великим мудрецом, воплотившим в себе прозрение истинного принципа всего сущего. Интеллигента нельзя считать равней мудрецу, пробудившемуся к прозрению истины и воплотившему ее в себе, особенно если речь идет о таком человеке, как чаньский учитель Чжаочжоу, чей чаньский стиль был живым, чистым, стремительным и острым. Короче говоря, их никак нельзя ставить на одну доску.

Чжаочжоу отнюдь не был так привязан к своему посоху, чтобы не отдать его молодому ученому; ему просто не понравилась манера, к которой тот прибег, чтобы получить этот посох. И пощечина, сопровождаемая словами: «Разве то, что я ударил вас, не то же самое, как если бы я не ударял вас?» — разве не замечательный метод преподать урок тому, кто только учит чань, но не понимает самого духа чань?!

У МЕНЯ ТОЖЕ ЕСТЬ ЯЗЫК

我
也
有
話
頭

Когда чаньский учитель Гуанхуй Юань-лянь начинал изучать Путь чань, он учился под руководством чаньского учителя Чжэнь-цзюэ. Днем Юань-лянь работал на кухне, а по вечерам практиковался, скандируя сутры. Однажды чаньский учитель Чжэнь-цзюэ спросил его:

— Какую сутру ты читаешь? —

Юань-лянь ответил ему:

— Сутру о Вималакирти¹.

Чжэнь-цзюэ снова спросил:

— Сутра-то здесь, а где мирянин Вималакирти?

Юань-лянь даже не представлял себе, как ответить на этот вопрос, и поэтому очень огорчился из-за своей ограниченности. Вместо ответа он спросил Чжэнь-цзюэ:

— А где Вималакирти?

Чжэнь-цзюэ ответил:

— Если я знаю это, то хорошо. Если не знаю, то тоже хорошо, но тебе в любом случае сказать ничего не могу.

Юань-лянь почувствовал себя настолько пристыженным, что немедленно оставил своего учителя и отправился в странствие для обучения в различных монастырях. Он обучался более чем у пятидесяти мудрых наставников, но так и не смог достичь пробуждения. Однажды он пришел на гору Шоушань в провинции Хэнань, где жил чаньский учитель Син-нянь². Юань-лянь сказал наставнику:

— Вот я, ученик, пришел на вашу драгоценную гору. Что мне делать, если я уйду отсюда с пустыми руками?

Чаньский наставник Шоушань Син-нянь ответил:

— Выкопай то сокровище, что зарыто в тебе самом!

¹ «Сутра о Вималакирти» («Вималакирти нирдеша сутра»; «Вэмоцзе со шо цзин») — одна из наиболее популярных в Китае сутр буддизма Махаяны, повествующая о мирянине Вималакирти, превосходившем своей мудростью и добродетелями не только монахов, но и великих бодхисаттв.

² Шоушань Син-нянь (926—993) — выдающийся чаньский учитель традиции Линьцзи (яп. *Риндзай*).

Юань-лянь тут же пережил великое пробуждение и воскликнул:

— Я никогда не сомневался в языке учителей чань!

Шоушань Син-нянь спросил:

— А почему?

Юань-лянь ответил:

— А у меня тоже есть язык.

Шоушань Син-нянь очень радостно сказал:

— Ты уже прозрел и постиг самое сердце чань.

Язык есть у любого человека. Но языков, которые представляют собой чудесное выражение истинного и точного понимания, совсем немного. Язык используется для речи. Одним словом можно спасти целое государство. Одним словом можно погубить целое государство. Результат зависит от того, насколько вы умеете пользоваться своим языком. Один человек своим языком обретает религиозные заслуги, другой человек своим языком создает себе дурную карму. У одного человека с языка сходят драгоценные лотосы, у другого — только их грязные корни. Могут ли люди понять язык чаньских учителей?

ДУМАНИЕ НЕДУМАНИЯ

思量
不
思量

Однажды, когда чаньский учитель Лэшань Вэй-янь сидел, занимаясь практикой созерцания, мимо него проходил некий монах. Увидев учителя, погруженного в самосредоточение, монах спросил его:

— Вот вы здесь сидите недвижимо в одиночестве, и о каких же делах вы думаете?

— Думаю о недумании, — ответил чаньский учитель.

— Если это недумание, то как же вы о нем думаете? — с беспокойством спросил подошедший монах.

— Не думая, — сказал как отрезал чаньский учитель.

Если на этот гуньянь посмотреть с теоретической точки зрения, то может показаться, что думание и недумание, будучи противоположностями, взаимно исключают друг друга. Но если постигать его истинный принцип, то можно сказать так: хотя чань не постигается через письменные знаки и тексты и придерживается принципа отсечения слов и забвения речей, но тем не менее через понимание слов может быть воспринято то содержание, которое само по себе словами не выражается. Только отбросив привязанность к рассудочному и ограниченному познанию, можно обрести драгоценную жемчужину и узнать подлинный вкус чань.

О НЕДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ДХАРМЫ БУДДЫ

佛
法
無
二
般

Хань Юй¹, получивший посмертный титул Хань Вэнь-гуна, Просвещенного Князя,

¹ Хань Юй (768—824) — великий китайский литератор-прозаик и конфуцианский мыслитель; был яростным врагом буддизма и поэтому подверг резкой критике императора, встретившего с поклонами привезенную из Индии реликвию — палец Будды (памфлет «О пальце Будды»). За это он был со-

был горячим противником буддизма. За критику императора, поклонившегося священной реликвии — пальцу Будды, он был сослан на юг страны, в Чаочжоу. Там не было образованных людей и не с кем было вести ученые споры и беседовать по душам. Поэтому однажды он от скуки отправился в монастырь побеседовать с чаньским учителем Бао-туном. Увидев его, Хань Юй спросил:

— Сколько же весен и осеней прожил учитель на свете?

Чаньский учитель Бао-тун поднял руку с молитвенными четками и спросил:

— Понятно?

Хань Юй ответил:

— Нет, непонятно.

Тогда Бао-тун произнес еще одну фразу:

— Дней и ночей всего — сто восемь.

Хань Юй так ничего и не понял, а поэтому не представлял себе, как вести разговор дальше. Ему ничего не оставалось, как уйти и на досуге подумать о том, почему старый монах сказал ему такие слова, которые он совсем не понял.

На следующий день Хань Юй снова отправился в монастырь и, увидев у входа старшего монаха, сразу же попросил его объяснить ему смысл вчерашних слов чаньского учителя Бао-туна.

Выслушав Хань Юя, старший монах поклацал три раза зубами и все. Хань Юй был обескуражен и опять ничего не понял. Тогда он опять пошел в Зал Проповеди Дхармы, чтобы повидаться с чань-

слан на должность губернатора одной из южных окраинных областей китайской империи, но вскоре возвращен в столицу.

ским наставником Бао-туном. Встретившись с ним, Хань Юй повторил свой вопрос:

— Сколько же весен и осеней прожил учитель на свете?

Чаньский учитель Бао-тун тоже три раза поклацал зубами.

Внезапно Хань Юй что-то понял и сказал:

— Это значит, что Учение Будды изначально недвойственно.

Учитель Бао-тун спросил его:

— А почему?

Хань Юй сказал:

— Только что старший монах ответил мне точно так же.

Учитель Бао-тун тогда сказал, как бы обращаясь к самому себе:

— Пути буддизма и конфуцианства недвойственны, и мы с тобой одинаковы.

После этого Хань Юй прозрел истину, а позднее принял Учение Будды у чаньского учителя и поклонился ему как ученик.

Хань Юй спросил учителя о возрасте, но какое значение на самом деле имеет месяц или год рождения? Существенным является единство человека и мирового целого — Неба, недвойственность нашего ума и Будды. Великое Дао-Путь пронизывает собой все, и поэтому и конфуцианство и буддизм пронизаны одной и той же сутью.

Поэтому, когда чаньский учитель поднял руку с четками, он хотел сказать, что буддизм и конфуцианство суть одно, а когда он сказал: «Сто восемь дней и ночей», — он хотел выразить этим ту мысль, что наше время ограничено и поэтому буддисты и конфуцианцы должны не ссориться и не враждовать, — ведь Путь конфуцианства и

буддизма един, и посему их последователи должны со-
трудничать друг с другом.

ВИДЕТЬ И НЕ ВИДЕТЬ

見
與
不
見

Чаньский учитель Фо-цзянь, прослушав наставления, выражавшие воззрения чаньского учителя Шоу-сюня, сказал:

— Как жаль, что эта сияющая жемчужина была подобрана таким тронутым парнем.

Затем он продолжал, цитируя стихи чаньского учителя Лин-юня:

— «С тех самых пор, как я увидел цветы персика, я больше не знал сомнений». По какой же причине Лин-юнь более не знал сомнений?

Шоу-сюнь сразу же ответил:

— Тут не говорится, что у Лин-юня не было сомнений. Он просто более не мог найти того места, где сомнения пребывают.

Фо-цзянь снова спросил:

— Сюань-ша говорил: «Эта истина поистине весьма истинна, но мне никак тем не менее не проникнуть в ее суть». Куда это он никак не мог проникнуть?

Шоу-сюнь почтительно отвечал:

— Отсюда мы можем видеть весьма благие намерения Сюань-ша.

Затем он продолжал, произнеся следующую гатху:

Целый день смотрю на небо,
не поднимая головы,

И только тогда поднимаю глаза,
когда цветет персик.
Даже если у вас, сударь, есть сеть,
способная охватить небо,
Пройдя через узкие врата,
вы почувствуете себя на воле.

Тогда чаньский учитель Фо-цзянь признал, что Шоу-сюнь обрел пробуждение, но чаньский учитель Юань-у так не думал и поэтому он решил еще раз испытать Шоу-сюня, отправившись с ним в горы. Когда они подошли к озеру, Юань-у внезапно столкнул Шоу-сюня в воду, спросив его:

— Что представлял собой Ньютоу Фа-жун до того, как встретил Четвертого Патриарха¹?

Шоу-сюнь ответил:

— Когда озеро глубоко, тогда рыбы собираются в стаи.

— А после того как встретил?

— Высокие деревья раскачиваются под порывами ветра.

— А тогда, когда они встретились, еще не встретившись?

— Шагающая нога наступает на отводимую назад ногу.

¹ Ньютоу Фа-жун (594—657) — выдающийся чаньский наставник, основатель своеобразной школы Ньютоу (букв.: Бычья Голова — по названию горы, на которой он подвизался). Его ученичество у Четвертого Патриарха Дао-синя (580—651 гг.) в науке подвергается сомнению. Направление Ньютоу было довольно тесно связано с буддийской школой Тяньтай. Это направление просуществовало до конца VIII в.

Выслушав все это до конца, чаньский учитель Юань-у весьма возрадовался и возвеселился духом, поняв, что Шоу-сюнь воистину обрел пробуждение.

Обретено или же не обретено пробуждение посредством чань? Это необходимо тщательно проверять, чтобы точно удостовериться в этом. «Прежде чем войти в дом, подай голос, и тогда точно будешь знать, есть ли в нем кто-нибудь». Обретено или не обретено пробуждение — вот что должны точно знать чаньские учителя. Пробужденное просветление чаньского учителя Шоу-сюня тщательно проверялось, и только после этой проверки было удостоверено, что он действительно прошел испытание.

НЕ РАЗРЕШЕНО БЫТЬ УЧИТЕЛЕМ

不許爲師

Чаньский учитель Доушуай Цун-юэ чрезвычайно глубоко почитал чаньского учителя Цин-су и всегда весьма почтительно приветствовал его. Однажды он достал немного плодов личжи и, проходя мимо окон чаньского учителя Цин-су, предельно почтительно обратился к нему со словами:

— О достопочтенный! Эти фрукты привезены с моей родины — провинции Цзянси. Пожалуйста, прошу вас, отведайте их!

Цин-су с искренней радостью взял плоды и растроганно сказал:

— Я так давно не ел этих фруктов, с самого упокоения моего почтенного учителя!

Цун-юэ спросил:

— А кто был вашим достославным учителем?

Цин-су ответил:

— Чаньский учитель Цы-мин. Я, будучи учеником, сидел у его стоп тринадцать лет.

Чаньский учитель Цун-юэ был просто потрясен, услышав это, и с изумлением сказал:

— Вы тринадцать лет внимали его наставлениям и не стали его преемником? Как же это так?

После этого он отдал достопочтенному Цин-су все оставшиеся личжи, и Цин-су, растроганный таким вниманием, сказал:

— Поскольку накопленные мной благие заслуги были весьма скудны, учитель не разрешил мне передавать услышанное от него другим людям. Ты, я вижу, человек искренний, и ради той дружбы, что возникла между нами благодаря личжи, я сделаю для тебя исключение и попробую рассказать тебе то, что я записал из наставлений учителя!

Цун-юэ весь обратился в слух. Тогда Цин-су приступил к рассказу:

— В мире есть Будда и есть дьявол. В момент освобождения надо войти в мир Будды, а не в мир дьявола.

После того как чаньский учитель Цун-юэ обрел печать пробуждения, чаньский учитель Цин-су наставительно сказал ему:

— Сегодня я подтвердил твое пробуждение, и теперь ты способен достичь высшей великой свободы. Однако ты никому не должен говорить, что унаследовал учение по моей линии преемственности. Чжэньцин Кэ-вэнь — твой учитель.

«Изучая Дхарму Будды, мы должны вначале подготовить условия для этого». Здесь таким условием были плоды личжи, и после того как это условие появилось, обретение пробуждения стало возможным. «Дхарму Будды можно искать только с глубоким почтением». Цун-юэ был почтителен к старшим и наставникам и благодаря этому почтению смог обрести Истинный Путь. Древние не забывали всю свою жизнь оказанных им благодеяний — даже если это была всего лишь плошка риса. Так и чаньский наставник Цин-су: получил лишь несколько плодов личжи и подтвердил пробуждение ученика. Вот каково условие отклика на благодеяние. «Не можешь преемствовать мне, но можешь преемствовать чаньскому учителю Чжэнь-цзин Кэ-вэню». Вот прекрасные слова, показывающие, как чаньские учителя уважали и почитали друг друга!

Вот это да!

也
是
什
麼

Помощник чаньского учителя Фа-цина, прочитав «Записи Дуншаня»¹, именно эту книгу, изумленно воскликнул:

— Поистине удивительно, какое значение древние придавали вопросу о рождениях-смертях!

Чаньский учитель Фа-цин ответил на это:

— Когда я почию с миром, позови меня по имени. Если я оживу, то это будет значить, что я достиг окончательного освобождения, и ничего удивительного в этом не будет!

¹ «Записки Дуншаня» — сборник речений великого чаньского учителя и одного из создателей школы Цаодун (яп. *Сото*) Дуншань Лян-цзе (807—869).

Помощник посмотрел-посмотрел на учителя, и тот признал такую гатху:

В пятый день пятого месяца этого года
Четыре первоэлемента отделятся
от своего хозяина.
Мои белые кости будет обдувать ветер
И не придется расходовать землю
нашего благодетеля.

Время пролетело быстро, и наступил пятый день пятого месяца. Учитель Фа-цин в этот день передал свою одежду и прочие вещи своему помощнику с тем, чтобы он роздал их другим монахам, и как только услышал удары колокола, возвещающего наступление ночи, преставился, оставаясь сидеть в созерцательной позе. Его кровь перестала струиться по жилам, и дыхание совершенно прекратилось. Тогда его помощник вспомнил слова своего наставника и громко закричал:

— Учитель! Учитель!

Вскоре глаза Фа-цина раскрылись и он спросил:

— В чем дело?

— Почему вы, учитель, не надели перед кончиной одежду, шапку и обувь?

— Когда я впервые пришел в этот мир, у меня ведь с собой ничего не было!

Помощник между тем продолжал настаивать, чтобы чаньский учитель Фа-цин облачился в свои одеяния.

Фа-цин сказал:

— Ведь даже и малую каплю нельзя не оставить для людей, что придут после нас.

— Так что же с этим делать?

— Вот это да! — С этими словами Фа-цин написал такую гатху:

Семьдесят три года жизни —
как вспышка молнии,
Перед кончиной я оставил тебе
последнее напутствие.
Когда железный бык перепрыгнул
через государство Силла¹,
Пустое пространство раскололась
на семь или восемь кусков.

Произнеся эти слова, чаньский учитель Фа-цин скончался.

Если кто-нибудь спросит: «Подвержены ли последователи чань рождением-смертям?» — надо сказать в ответ: «Хотя последователи чань рождаются и умирают, но они остаются полностью свободными и умирая, и рождаясь, вот и все». Нагими и с пустыми руками они рождаются, нагими и с пустыми руками они умирают. Они открыто смотрят в лицо рождению и смерти и всегда совершенно раскрепощены. Вот это да! Поистине, это и есть полное избавление и наивысшая свобода и независимость.

¹ Силла (кит. *Синьло*) — название одного из древнекорейских государств, с историей которого и связана упоминаемая легенда.

РАСКАЯНИЕ ГЕНЕРАЛА

將軍的懺悔

Однажды Учитель Государства¹ Мэн-чуан собирался на лодке переправиться через реку. Паромщик уже собирался отчалить лодку, как внезапно появился некий генерал, обнажил меч, выхватил плеть и громко закричал:

— Эй, паромщик! Подожди немного! Возьми меня тоже в лодку!

Все люди в лодке закричали в ответ:

— Мы уже отплыли и не можем повернуть обратно!

Паромщик тоже громко крикнул:

— Подождите немного следующей переправы!

Тогда Учитель Государства Мэн-чуан сказал:

— Но ведь лодка отошла от берега совсем недалеко. Давайте поможем человеку, вернемся и возьмем его в лодку!

Паромщик, услышав, что так говорит почтенный монах, повернул лодку и пригласил генерала садиться. Оказавшись в лодке, генерал встал около учителя Мэн-чуана и, достав плеть, сказал ему:

— Эй, монах! Вставай! Уступи-ка мне место!

Вслед за этими словами генерал ударил Учителя Государства Мэн-чуана плетью по голове. Место удара сразу же покраснело, и алая кровь заструилась по голове монаха. Учитель Государства,

¹ Учитель Государства — почетный титул выдающихся буддийских монахов, дававшийся им, как правило, императором.

не говоря ни слова, встал и уступил место генералу. Все люди в лодке притихли, страшно испугавшись и не смея громко разговаривать. Однако шепотом они осуждали генерала, говоря, что де благодаря монаху генерал оказался в лодке, а тот ударил его. Генерал тоже понял, что к чему, но счел унижительным извиниться и признать свою ошибку.

Когда лодка достигла берега и все сошли, монах спокойно и молча пошел к воде, чтобы смыть кровь с лица и головы. Генерал тогда испытал глубокое раскаяние, подошел к монаху и сказал:

— О чаньский учитель, я виноват перед вами!

Учитель государства Мэн-чуан, сохраняя спокойствие и умиротворенность, ответил:

— Не переживайте из-за этого. Люди, странствующие вдали от дома, часто раздражительны и вспыльчивы.

Какая сила в мире самая сильная? Сила терпения — самая сильная сила. Будда сказал: «Если некто практикует Учение и не может относиться как к сладкой росе к клевете, ругани и побоям, тот не может считаться по-настоящему сильным человеком». В мире часто бывает так, что кулаком, ножом или винтовкой запугивают людей, но такими средствами не завоевать их уважения. Только сила терпения может преодолеть грубую силу и возобладать над ней. Ведь даже такие великие военачальники как Чжугэ Лян и Лянь По¹ просили прощения за свои ошибки. Вот как преображает человека сила терпения.

¹ Чжугэ Лян — великий мудрец и военачальник III в. н. э., персонаж средневекового романа «Троецарствие». Лянь По — выдающийся полководец эпохи Борющихся Царств (Чжань-го, V—III вв. до н. э.).

Однажды чжэцзянский¹ чаньский учитель Фаянь Вэнь-и² отправился в Миньнань, и в пути его настиг снегопад. Снегопад и сильный ветер продолжались много дней, и поэтому он остановился переждать непогоду в монастыре бодхисаттвы Кшитигарбхи. Там он коротал время, подолгу беседуя с настоятелем — чаньским учителем Гуй-чэнем. Когда снегопад закончился, Вэнь-и поблагодарил Гуй-чэня за гостеприимство и собрался продолжить свой путь. Между тем Гуй-чэнь решил немного проводить Фаяня Вэнь-и, и вот, когда эти два человека уже спустились вниз и вышли из монастырских ворот, чаньский учитель Гуй-чэнь указал на большой камень, лежащий на дороге и спросил:

— Вы, досточтимый, часто говорили, что три мира — только ум, а все мириады дхарм — только сознание. Так не скажете ли вы — тот камень существует в вашем сознании или же вне вашего сознания?

Фаянь Вэнь-и, ничуть не задумываясь, сразу же ответил:

¹ Ч ж э ц я н — приморская провинция в восточном Китае, к югу от реки Янцзы.

² Ф а я н ь В э н ь - и (885—958) — великий чаньский учитель, основатель недолго существовавшего чаньского направления «Фаянь», отличавшегося от других чаньских «домов» большим интеллектуализмом и интересом к философской проблематике.

— Если мы будем исходить из учения о только-сознании школы йогачара, то, поскольку оно утверждает, что вне сознания нет никаких дхарм, этот камень, разумеется, существует только в сознании.

Чаньский учитель Гуй-чэнь воспользовался представившейся ему возможностью и спросил:

— Разве вы сейчас не странствуете? Зачем же, в таком случае, вы держите в своем сознании этот большой камень?

Услышав это, Фаянь Вэнь-и оказался в затруднении и не знал, как ответить. Поэтому он решил остаться в монастыре бодхисаттвы Кшитигарбхи и поискать ответ на этот вопрос. Прошли месяцы и годы. Фаянь каждый день предлагал новое решение этой проблемы, но ни одно из них не удовлетворяло Гуй-чэня, который опровергал все построения Фаяня. Наконец однажды чаньский учитель Гуй-чэнь прямо сказал:

— Учение Будды вовсе не таково!

Фаянь не нашел, что ответить, и попытался посмотреть на проблему под другим углом, но чаньский учитель Гуй-чэнь опять сказал:

— Учение Будды вовсе не таково!

Фаянь испытал много различных вариантов, но ни с одним из них Гуй-чэнь так и не согласился; Фаянь совсем измучился и однажды сказал со вздохом:

— Я уже исчерпал все слова и мысли!

Услышав это, чаньский учитель Гуй-чэнь произнес одну фразу:

— Когда мы говорим о Дхарме Будды, все уже и так ясно и лежит прямо перед глазами!

Услышав эти слова, Фаянь Вэнь-и пережил великое пробуждение и позднее основал чаньское направление «Фаянь», насчитывавшее тысячи последователей, и передал Дхарму преемственности восьмидесяти трем людям.

При рассуждениях об Учении Будды часто бывает так, что «лошади приращивают рога и к одной голове приделывают еще одну». «Когда мы говорим о Дхарме Будды, все уже и так ясно», — сколь превосходны и замечательны эти слова! Мы, люди, несем в себе самих отнюдь не только этот большой камень, но и многое другое — деньги, почести, привязанности, житейские проблемы и прочее. Эта ноша бывает столь тяжела, что нам даже трудно дышать. Не гораздо ли тяжелее для нас правда и ложь, победы и поражения, слава и позор, страдания и радости, чем этот камень? Если вы поняли, что все уже и так ясно, все уже теперь как надо, зачем же изнурять себя размышлениями о «только-уме» и «только-сознании»?

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ — НЕ ВСЕ ЛИ РАВНО!

生
死
由
他

Вправление династии Поздняя Тан¹ чаньский учитель Бао-фу перед тем, как преставиться, обратился ко всем своим ученикам и сказал:

— Моя жизненная сила исчерпана и, думаю, мне как раз пора уходить.

¹ Поздняя Тан (923—936) — карликовая династия, созданная в период смуты (эпоха Пяти династий, 907—960), последовавшей за падением империи Тан.

Все его ученики и последователи, услышав это, перебивая друг друга, закричали:

— Нет. Драгоценное тело учителя еще очень крепко.

— Все ученики нуждаются в ваших наставлениях, учитель.

— Мы хотим, чтобы вы, наш учитель, всегда оставались в мире, проповедуя Дхарму живым существам!

Все кричали нечто подобное, не слушая друг друга. Однако среди них нашелся один ученик, который сказал:

— Учитель, когда придет время для вашего ухода, уйдете ли вы или останетесь в мире?

Чаньский учитель Бао-фу с очень спокойным выражением лица и подбирая самые ласковые слова, ответил ему, как родному:

— А ты сам скажи, как будет лучше?

Тот ученик, ни минуты не задумываясь, ответил:

— Жизнь или смерть — пусть будет как будет. И если причинно обусловленный порядок таков, что вам надо уйти, ну что ж — уходите.

Чаньский учитель расхохотался и сказал:

— Где это ты подслушал то, что было в моем сердце и что я как раз и собирался сказать?

Произнеся эти слова, он почил в мире.

Когда простые люди говорят о жизни и смерти, им кажется, что совершенно понятно, что жизнь достойна радости, а смерть заслуживает оплакивания. Но для пробужденного человека в жизни нет ничего радостного, а в смерти нет ничего огорчительного. Жизнь и смерть — две стороны одной медали, жизнь и смерть образуют кольцо

существования и их чередование — закон природы. Немало было последователей чань, которые говорили, что эта пара — жизнь и смерть — не имеет к ним никакого отношения.

Вот что говорил чаньский учитель Цзун-янь: «Жизнь и смерть человека — это все равно что капающая вода: одна капля — жизнь, другая капля — смерть, но и то и другое суть вода». А чаньский учитель Дао-кай перед своим упокоением сказал еще лучше: «Мне уже семьдесят шесть лет. Живя, я не жаждал рая, умирая, я не страшусь ада. Я направляюсь за пределы всех трех миров, так что же может связать меня и помешать идти?» Среди последователей чань были такие, которые молились, а потом сразу же обретали кончину, и такие, которые умирали стоя или сидя, и такие, которые, распевая песни, входили в воду и уходили из мира, и такие, которые в горах сами себе копали могилу.

Короче говоря, жизни не надо алкать, а смерти не надо страшиться. С точки зрения освобождения, которой придерживаются последователи чань, жизнь и смерть совершенно одинаковы.

МОЛЧАТЬ ГОРАЗДО ЛУЧШЕ, ЧЕМ БОЛТАТЬ

Однажды в период Пяти династий, когда монахи монастыря Линшюань пребывали в состоянии летнего затворничества, император Лю династии Поздняя Хань этого периода¹ решил пригласить чаньского учите-

宜
默
不
宜
喧

¹ Эту династию не следует путать с Поздней Хань, правившей в 25—220 гг.

ля Юньмэня¹ со всей братией в императорский дворец, чтобы они провели лето в нем. Во дворце монахи каждый день наставляли сановников и придворных дам в почитании Будды и отвечали на их вопросы о Дхарме. Присутствующих было великое множество, и суета была немалая. И это потому, что император Лю почитал Дхарму и сам почитал учение Будды, и дня не проходило, чтобы он не практиковал чань и не слушал наставления монахов. Все во дворце радовались, что сановники и придворные дамы могут внимать проповеди Учения Будды. Только один чаньский учитель Юньмэнь был этим недоволен, не принимал участия в этой деятельности и целыми днями в безмолвии практиковал чаньское созерцание, и никакие придворные дамы и сановники не смели потревожить его и побеспокоить своими вопросами.

Только один придворный чиновник решался подходить к Юнь-мэню и задавать ему вопросы, прося разъяснить Дхарму Будды. Чаньский наставник Юньмэнь никогда не отвечал на них, продолжая хранить молчание, но чиновник не обижался на него за это, а, напротив, уважал его все сильнее и сильнее. И однажды он вывесил в дворцовом Павильоне Лазоревой Яшмы такое стихотворение:

Самосовершенствование,
 чье начало великая мудрость — это чань.
Для последователя чань молчание лучше,
 чем разговоры.

¹ Юньмэнь (Юньмэнь Вэнь-янь, 864—949) — великий чаньский наставник, основатель чаньского направления Юньмэнь.

Мириады умных речей о природе
истинной реальности
Не сравнятся с чаньским безмолвием.

Достойные монахи чаньской традиции подобны плывущим по небу облакам или стае журавлей. Они могут жить в горах и лесах или на берегу рек и озер. Они довольствуются своими тремя рясами и одной чашей для пропитания. Они живут в соответствии с местными условиями, и лишь Учение Будды значимо для них. Царские дворцы и высокие титулы, выгода и власть для них — ничто. «Его молчание подобно раскату грома», хотя он не говорит, но словно гром грохочет над равниной. Когда через молчание выражается суть тысяч и мириад мудрых речей, тогда мы можем сказать, что встретились с подлинным проявлением духа чань.

СТАРШИЙ МОНАХ

堂
中
首
座

В монастыре чаньского учителя Линшу Жу-миня, который назывался Линшюань, в течение двадцати лет никто не выполнял обязанностей старшего монаха. Когда же ученики спросили чаньского учителя о причине этого, тот ответил:

— Мой старший монах только что родился!

И нашлись еще люди, которые спросили о том же. Он сказал:

— Мой старший монах сейчас пасет коров!

Через какое-то время его снова спросили о том же. Последовал ответ:

— Мой старший монах сейчас странствует.

И спрашивавшие никак не могли уразуметь, в чем же дело.

И вдруг однажды чаньский учитель приказал монахам бить в барабаны, звонить в колокола и всем идти к главным воротам монастыря встречать старшего монаха. И к полному изумлению всех монахов в этот день в монастырь пришел чаньский учитель Юньмэнь, которого чаньский учитель Линшу Жу-минь и попросил выполнять обязанности старшего монаха.

После этого случая все уверились, что чаньский учитель Линшу наделен чудесной способностью знать прошлое так же хорошо, как и будущее.

Вскоре после этого император династии Поздняя Хань эпохи Пяти династий Лю Шэн задумал начать войну. Услышав о даре прозорливости чаньского учителя Линшу, он лично отправился к нему в монастырь, чтобы узнать будущее и испросить совета святого монаха.

Чаньский учитель узнал заранее о намерении императора и скончался перед его приездом. Не найдя монаха в живых, император разъярился и разгневанно спросил:

— А чем был болен чаньский учитель и почему он так быстро обрел окончательное упокоение?

Служка честно отвечал государю:

— Чаньский учитель не был болен, но он заранее узнал, что вы едете к нему, поэтому он и решил опочить до вашего прибытия. Он оставил для вас шкатулку.

Император Лю взял шкатулку и осмотрел ее. В ней он обнаружил полоску бумаги, на которой

было написано: «Очи всех людей и небожителей направлены на старшего монаха, который проповедует в Зале Учения».

Император Лю прозрел смысл и суть написанных слов, отменил выступление войск и торжественно пригласил чаньского учителя Юньмэня занять место правящего настоятеля монастыря Линшюань.

Древние добродетельные мужи очень мало обращали внимания на количество и предпочитали держать важную должность вакантной, пока не находился достойный занять ее человек. Однако следовало и в этом случае ждать, когда созреют все условия и «дракон сможет проявить свое величие». По случаю в том монастыре, когда чаньский учитель много лет ждал достойного человека на должность старшего монаха, можно судить, насколько серьезно он относился к отбору талантов. Вначале в монастыре Линшюань, а потом в обители Юньмэньшань чаньский учитель Юньмэнь проповедовал Учение на благо всех существ, а чаньский учитель Линшу Жу-минь уже задолго до того приготовился встретить его, но терпеливо ждал, когда великий сосуд будет полностью готов.

ПРОСЯ ПОДАЯНИЕ, СПАСАЛ ДРУГИХ

化
緣
度
衆

Когда монах Чжао-инь странствовал, все сразу же признавали в нем святого странника и обращались с вопросами. Так, один верующий спросил его:

— Как мне избавиться от своего дурного характера?

— Дурной характер проистекает из гнева. Я сделаю то, о чем ты просишь, а ты отдашь мне свой гнев и свой дурной характер. Хорошо?

У другого верующего был очень ленивый сын, любивший подольше поспать. Родители просто не представляли себе, как переделать его. Монах Чжао-инь пришел к ним в дом, растолкал спящего сына и сказал ему:

— Я пришел за твоей сонливостью. Отдай мне свою сонливость!

Узнав, что у верующей супружеской четы постоянно вспыхивают ссоры, он пришел к ним и попросил отдать ему их вспыльчивость. А когда оказалось, что один из верующих пьянствует, он попросил у него его пьянство.

Монах Чжао-инь изменял к лучшему живые существа, избавляя их от дурных привычек и пристрастий. Он просил их отдать ему их пороки, спасая таким образом очень и очень многих, менявших вследствие этого свой образ жизни. У его поисков подаяния была должная основа. Ну не прекрасно ли это!

ПАРА ЧИСТЫХ РУК

無事手

Канцлер Танской империи Пэй Сю был мирским последователем чань, практиковавшим чаньские методы созерцания. Свой опыт чаньской практики он специально описывал, записывая на бумаге все, что переживал.

было 65 лет, когда он пришел в монастырь Лунсинсы, расположенный в южной провинции Цзянси, и именно тогда Пэй Сю на основе его проповедей написал сочинение «Важнейшее о передаче Дхармы и Ума» («Чуань фа синь яо»). Ему было 72 года, когда Пэй Сю начал писать заключительную часть «Важнейшего о передаче Дхармы и Ума». По его отношению к творениям Пэй Сю, которые он принципиально не читал, можно уразуметь его поистине возвышенный чаньский дух и его готовность не менять свои убеждения даже в мельчайших деталях.

КАК ВЫ МОЖЕТЕ ПОНЯТЬ?

怎
能
會
得

После того как чаньский учитель Юньмэнь обрел пробуждение под руководством чаньского наставника Му-чжоу, он отправился странствовать. В Цзянчжоу он встретил одного чиновника, занимавшего должность секретаря, по имени Чэнь Цао. Секретарь Чэнь также изучал чань. Увидев монаха, Чэнь Цао решил проверить его уровень и сразу же спросил:

— В чем заключаются обязанности странствующего монаха?

Юньмэнь ничего не ответил ему, а вместо этого сам спросил:

— Скольким людям до меня вы уже задавали этот вопрос?

— Неважно, скольких людей я спрашивал. Вот сегодня я увидел вас и именно вам задаю этот вопрос.

— Его мы еще успеем обсудить позднее. Пока же ответьте мне, в чем смысл учения Трипитаки — буддийского канона Так Приходящего?

— Желтые свитки, красные застезки.

— Это относится только к бумаге и туши, а не к истинному смыслу учения Будды. Скажите теперь, в чем суть самой доктрины.

— Мой рот хотел бы сказать, да слова позабылись. Ум хотел бы выразить, а мысли исчезли.

— Рот хотел бы сказать, да слова позабылись, — это относится только к тому, что можно передать словами. Ум хотел бы выразить, а мысли исчезли, — это относится только к ложным представлениям и понятиям. Это неправильный ответ. Скажите все-таки, в чем смысл учения Будды?

Секретарь Чэнь не мог больше сказать ничего.

Юньмэнь сказал:

— Говорят, что вы в свободное время изучаете «Лотосовую сутру»?

— Да!

— В этой сутре говорится: «Всякая кармическая жизнедеятельность существует неотделимо от существенных свойств реальности». Скажите мне теперь, сколько людей взошли на небо мира неформ, где нет ни мысли, ни отсутствия мысли?

Секретарь был в замешательстве и не знал, что ответить.

Юньмэнь сказал:

— Чтение десяти сутр и пяти трактатов и даже пребывание в монастыре в течение десяти-двенадцати лет отнюдь не гарантирует обретение пробуждения. И если вы, секретарь, только читали сутры и трактаты, то что вы можете понять?

Секретарь:

— Прошу чаньского учителя простить меня, это я виноват!

После этого Юньмэнь три года прожил в семье секретаря Чэня.

Когда последователи чань ищут пробуждения, они не боятся не раскрывать рта: ведь как только раскроешь рот, сразу же будет понятно, достиг ты чего-нибудь или же нет. Однако смысл чань отнюдь не в умении хорошо говорить; ведь чтобы говорить по-настоящему, надо понимать суть того, о чем говоришь. Когда Юньмэнь впервые пришел к своему учителю Му-чжоу, тот трижды избивал его и трижды изгонял из монастыря. Да и потом он натерпелся горестей в своих тяжких трудах. Так можно ли сравнить с этим опыт секретаря Чэнь Цао, всего лишь прочитавшего несколько сутр и трактатов?

О СКОЛЬ ЧУДЕСНО КЛЕВАТЬ И ДОЛБИТЬ!

啐
啄
妙
用

Чаньский учитель Наньюань Хуй-юн из монастыря Баоиньюань в провинции Хэнань был учеником чаньского учителя Линьцзи. Однажды, беседуя со своими учениками, он сказал:

— Сейчас все последователи чань только и знают, что говорить и задавать вопросы о клевании и долблении (имеется в виду средство, способствующее обретению пробуждения)¹, но они

¹ Под «долблением и клеванием» здесь подразумевается взаимонаправленное взаимодействие учителя и уче-

знают лишь об одновременности и единстве долбления и клевания, но ничего не знают о чудесном действии одновременного долбления и клевания.

Тут нашелся один монах-ученик, который спросил:

— Позвольте спросить, что представляет собой чудесное действие долбления и клевания?

Чаньский учитель Хуй-юн объяснил ему:

— Оно подобно добыванию огня посредством трения друг о друга двух камней — искра вспыхивает внезапно и неожиданно, и нельзя предугадать момент, когда она появится. Если же все время думать об этом и сознательно хотеть этого, то метод будет утрачен и усилия потратятся втуне.

Но монах не удовлетворился этим и снова сказал:

— Кажется, у меня еще есть сомнения по этому поводу.

Чаньский учитель Хуй-юн сострадательно ответил ему:

— Спрашивай же о своих сомнениях.

Тут монах легкомысленно и беспечно сказал громким голосом:

— Раньше у меня не было никаких сомнений, а после ваших-то слов они как раз и появились!

Тут чаньский учитель Хуй-юн больно хватил его посохом, и не успел тот рта раскрыть для объяснений, как Хуй-юн вышвырнул его за ворота монастыря.

ника: усилия ученика встречают помощь со стороны учителя, подобно тому как птенец, чтобы вылупиться, долбит скорлупу яйца изнутри и, слыша это, мать помогает ему, начиная клевать скорлупу снаружи.

Тот монах через некоторое время пришел учиться к чаньскому учителю Юньмэню и однажды в присутствии всех его учеников он рассказал Юньмэнь Вэнь-яню об обстоятельствах своего изгнания из монастыря чаньского учителя Хуй-юна. Выслушав все, ученики сказали:

— Сломался ли посох чаньского учителя Хуй-юна, когда он бил тебя?

Услышав это, тот монах сразу же пережил пробуждение и со всех ног бросился с покаянием в монастырь чаньского учителя Хуй-юна, но тот к тому времени уже преставился, обретя вечное упокоение, и настоятелем стал чаньский учитель Фэнсюэ Янь-чжао.

Чаньский учитель Фэнсюэ Янь-чжао спросил монаха:

— Из-за чего у тебя произошла размолвка с покойным учителем и почему ты перестал слушать ему?

Монах ответил:

— Я тогда чувствовал себя человеком, который впотьмах идет по дороге с неверным светильником.

Кончив расспрашивать его, Фэнсюэ сказал:

— Ну вот, ты уже все понял, и теперь я дам тебе печать, удостоверяющую твое пробуждение.

Поговорка гласит: «Пока рис не сварился, не поднимай крышку котла; пока яйцо не готово, не разбивай его скорлупу». Чудесное действие долбления и клевания таково, что оно внезапно проявляется в самый неожиданный момент, и тогда как бы происходит возрождение к новой жизни. Когда чаньский учитель Хуй-юн побил ученика и выгнал его из монастыря, тот был в зародышевом состоя-

нии и еще не был готов родиться. Одна только фраза учеников Вэнь-яня: «Сломался ли посох, когда тебя побили?» как раз и проявила силу чудесного действия!

НЕ МОГУ НЕ ГОВОРИТЬ

不
得
不
說

Однажды чаньский учитель Дао-фу отправился навестить чаньского учителя Сюэфэн И-цуня¹ и, когда они только-только встретились, чаньский учитель Сюэфэн спросил:

— Из каких мест ты родом?

Дао-фу ответил:

— Из Вэньчжоу.

— А, так значит, ты земляк Ису-цзюэ! — имеется в виду чаньский учитель Сюаньцзюэ Юнцзя, который навещал Великого чаньского учителя Шестого Патриарха Хуй-нэна и жил вместе с ним, почему и получил прозвище Ису-цзюэ, то есть Цзюэ-из-под-одного крова.

Дао-фу не знал, что Сюаньцзюэ, как и он сам, является уроженцем уезда Юнцзя, что в Вэньчжоу, не понял слов собеседника и поэтому в свою очередь спросил:

— А откуда родом Ису-цзюэ?

Чаньский учитель Сюэфэн понял, что Дао-фу мало что знает и понимает, и поэтому строго сказал:

¹ Сюэфэн И-цунь (822—908) — великий чаньский учитель классического периода. Он стоит у истоков чаньских школ Юньмэнь и Фаянь.

— Ну хорошо, хорошо! Тебя следовало бы поколотить как следует, ну да ладно. Сегодня я прощаю тебя.

Однажды чаньский учитель Сюэфэн собрал всех своих монахов в зале для проповедей и возгласил:

— Тан-тан ми-ми ди.

Чаньский учитель Сюэфэн сказал только это и умолк, не произнося более ни слова. Ни один из монахов того монастыря не понял, что все это значит.

Тогда Дао-фу вышел вперед и спросил:

— А что такое «тан-тан ми-ми ди»?

Чаньский учитель Сюэфэн строго спросил:

— О чем это ты говоришь?

Дао-фу выжидающе стоял в позе, исполненной почтения.

Чаньский учитель Сюэфэн увидел, что все монахи молчат, и снова сказал:

— О сущности нашей Колесницы и нашей школы говорят «тан-тан ми-ми ди».

Услышав это, Дао-фу опустился на колени, сложил руки перед грудью и сказал:

— Я, Дао-фу, пришел в этот горный монастырь уже несколько лет тому назад, но никогда еще не слышал от вас, чаньский учитель, столь исполненных великого сострадания наставлений.

— А я никогда раньше так и не говорил, но вот сегодня сказал. Это служит для тебя каким-то препятствием?

— Не смею сказать такого. Ведь вы, учитель, не могли не сказать так.

— Вот еще! Это из-за тебя я не могу не говорить этого.

С этих пор Дао-фу стал полноправным учеником Сюэ-фэн И-цуня наравне со многими другими его учениками.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИННАЯ СУЩНОСТЬ ДОСТОЙНОГО МОНАХА

高僧眞儀

Однажды государственный канцлер Пэй Сю приехал в монастырь Лунсинсы, увидел монастырские фрески и спросил:

— Что это за картины?

Один монах ответил ему:

— Эти картины запечатлели истинную сущность достойного монаха.

— Истинную сущность-то я увидел, а вот где достойные монахи?

На это монастырский монах не знал, что ответить.

Пэй Сю снова сказал:

— Не знаю, есть ли здесь последователи чань?

— Есть здесь у нас один странствующий монах, который недавно пришел в нашу обитель. Похоже, что он практикует чань.

Пэй Сю тогда попросил привести к нему этого монаха.

— Я тут только что просил монахов разъяснить мне одну вещь. Не знаю, можно ли попросить вас начать разъяснение?

— Прошу вас, господин канцлер, спрашивайте.

Пэй Сю только открыл рот, чтобы задать свой вопрос, как странствующий монах вдруг громко воскликнул:

— Господин канцлер!

Естественно, Пэй Сю кивнул головой, услышав это обращение.

Странствующий монах продолжал:

— Где?

Пэй Сю наклонился к нему с таким видом, как если бы стерег драгоценную жемчужину, и сказал:

— Так, значит, вы и есть достойный монах!

С этими словами Пэй Сю низко поклонился странствующему монаху и признал его своим учителем.

Этот же монах был неким иным, как чаньским учителем Хуанбо Си-юнем.

Канцлер Пэй Сю был поистине достоин своего наставника, чаньского учителя Хуанбо Си-юня, проповедовавшего: «В своих исканиях не будьте привязаны к Будде, в своих исканиях не будьте привязаны к Дхарме, в своих исканиях не будьте привязаны к Сангхе — монашеской общине! И только так взыскупите истину!» И правда: истинная сущность есть истинная сущность, а достойный монах есть достойный монах!

В ЗАЛЕ БУДДЫ НЕТ БУДДЫ

Чаньский учитель У-е из местности Фэньчжоу, что находится в провинции Шэньси, учился чань у великого наставни-

佛
堂
無
佛

ка Ма-цзу Дао-и¹. Из-за того что он был высоким и здоровенным, а его голос гудел, словно колокол, Ма-цзу Дао-и частенько посмеивался над ним, говоря:

— Что за превосходный Зал Будды! Но, увы, в нем нет Будды!

Однажды, услышав это, У-е поклонился и самым наипочтительнейшим голосом сказал:

— Что касается сочинений Трех Колесниц² буддизма, то я слегка приблизился к пониманию сути их учения. Но я еще совсем не понимаю учения чань о том, что наш ум и есть Будда; не объясните ли вы его?

Ма-цзу понравились его откровенность и искренность, и он начал так наставлять монаха:

— Тот самый ум, который не понимает этого, и есть Будда. Нет никакого другого Будды кроме него. Когда есть непонимание этого — то это заблуждение; когда есть понимание этого — это пробуждение. Пребывающий в заблуждении — живое существо, обретший пробуждение — это Будда.

¹ Ма-цзу Дао-и (709—788) — один из величайших учителей чань всех времен и народов. К нему восходят линии школ Гуйян и Линьци.

² Три Колесницы (*сань чэн*) — пути шраваков («учеников»), пратьека-будд («пробужденных-для-себя») и бодхисаттв («сущест, стремящихся к пробуждению для всеобщего блага»); первые две Колесницы относятся к Хиньяне (Малая Колесница), последняя к Махаяне (Великая Колесница). Чань противопоставляется всем трем Колесницам как мгновенный путь непосредственного усмотрения природы Будды как нашей собственной: *Цзянь син чэн фо* — «Смотри в свою природу и станешь Буддой!»

— Но помимо нашего ума, Будды и живых существ существует ли какая-то еще Дхарма Будды?

— Между умом, Буддой и живыми существами нет никакой разницы, это не три сути, а одна и та же. Какая же еще кроме этого может быть Дхарма Будды? Ведь если ладонь сжать в кулак, в кулаке не будет ничего точно так же, как ничего не было и на ладони.

— В чем смысл прихода нашего Первопатриарха¹ с Запада?

— Но где сейчас Первопатриарх? Теперь уходи, а потом приходи еще.

Не успел чаньский учитель У-е уйти, бормоча на ходу благодарности, как Ма-цзу громким голосом окликнул его:

— Эй, высокодостойный монах!

Чаньский учитель У-е обернулся.

Ма-цзу сказал ему:

— Что это такое?

Тут чаньский учитель У-е повалился перед ним на колени и со слезами сказал:

— Вначале мне говорили, что путь до пробуждения далек и долог, а сегодня я понял, что абсолютное Дхармовое Тело Будды и его истинные свойства во всей своей полноте находятся прямо во мне, здесь и теперь.

Ма-цзу ответил:

— Наконец-то и этот тупой парень обрел пробуждение!

¹ Первопатриарх — Бодхидхарма, по традиции — 28-й Патриарх созерцания в Индии, приехавший в начале VI в. в Китай и ставший первым Патриархом линии непосредственной передачи пробуждения (*чань*) в Китае.

Задают вопрос: «Сколько требуется времени, чтобы завершить путь Будды и обрести пробуждение?» Говорят, что этот путь очень длинен и что требуются три асанкхей¹ кальпы, три неизмеримых мировых цикла, чтобы пройти его. Но говорят и что пробуждение близко, вот оно, прямо здесь. Вот как говорил чаньский учитель Хуай-лянь: «Когда мы понимаем, что сами — храм Будды, тогда никакие слова не нужны; когда мы углубляемся в речи и словеса, тогда многоговорение поистине неизбежно». Если я такой человек, что ищу Дхарму вовне, а о себе самом забываю, то нам придется обременять будд и Патриархов просьбами тысячи и миллионы раз наставлять нас в истине, тогда как, чтобы постичь ее, достаточно просто обернуться на самих себя. Ма-цзу произнес одно слово, У-е обернулся и вот он уже видит свое первоизданное изначальное лицо и узнает в нем самого себя. «К чему рыбе, живущей в воде, искать, где вода, и к чему страннику, идущему в гору, искать, где гора?» Вы говорите, он тупой парень, а ведь обрел же он пробуждение!

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ЛОДКА РОЖДЕНИЙ И СМЕРТЕЙ

覆
般
生
死

Некий монах-ученик пришел поклониться чаньскому учителю Сюэфэну. Чаньский учитель Сюэфэн спросил его:

— Откуда ты пришел?

Ученик ответил:

— Я пришел от чаньского учителя Фу-чуаня (а это имя означает Перевернутая Лодка).

¹ Асанкхей — неисчислимый. Имеется в виду космический цикл, для измерения протяженности которого не существует подходящего числового обозначения.

Тогда чаньский учитель сделал ему выволочку, сказав:

— Ты еще не переправился на другой берег моря рождений и смертей, зачем же ты перевернул свою лодку?

Ученик не понял смысла того, что сказал ему чаньский учитель Сюэфэн, но, вернувшись во свояси, пересказал это своему наставнику, чаньскому учителю Фу-чуаню, Перевернутой Лодке. Чаньский учитель Фу-чуань ответил на это своему ученику:

— Да ты просто дурак и идиот. Почему же ты не ответил ему, что уже переправился на другой берег моря страданий, рождений и смертей и поэтому перевернул свою лодку?

Когда после этого тот ученик вновь пришел к чаньскому учителю Сюэфэну, тот опять спросил его:

— Ты же уже перевернул свою лодку. Что же еще ты собираешься делать?

Ученик, набравшись смелости, хотя его грудь болела от страха, сказал:

— Я же уже перебрался через море рождений и смертей, так почему бы мне и не перевернуть свою лодку?

Услышав это, чаньский учитель Сюэфэн весьма невежливо сказал:

— Этим словам тебя научил твой почтенный учитель и это не твои слова. Вон там лежат двадцать розог — возьми их и отнеси своему учителю, да скажи, что остальные двадцать я оставил для собственной плоти. Но к тебе все это не имеет никакого отношения.

Чаньский учитель Сюэфэн передал двадцать розог монаху Фу-чуаню и оставил двадцать розог для самого себя — этот гунъань вполне ясен и означает следующее: в чань Учение передается без помощи слов; слова пресекают движение по Пути, поэтому при помощи слов нельзя осуществлять передачу Учения ни в какую сторону. А эти два человека разом преступили этот чаньский запрет — отсюда и по двадцать розог каждому! Это не имело отношения к делу монаха-ученика, тот был здесь ни при чем и вообще еще и не заслужил двадцати розог!

ПОСТИГНУВ СМЫСЛ, ЗАБЫВАЕМ СЛОВА

得意忘言

Однажды чаньский учитель Дуншань шел в Фантань и увидел некоего важного монаха, который проповедовал собравшимся людям Дхарму, не опираясь на учение сутр и других канонических текстов, а излагая своими собственными словами свое собственное понимание. Он постоянно восклицал:

— О сколь удивительно! О сколь удивительно! Ведь, поистине, мир Будды и мир Пробуждения непостижимы для мысли!

Послушав его, чаньский учитель Дуншань приблизился к нему и спросил:

— Я не спрашиваю тебя ни о мире Будды, ни о мире Пробуждения. Я только хочу спросить, кто тот человек, который только что говорил о мире Будды и о мире Пробуждения?

А тот проповедник занимал важную должность в соседнем монастыре; он был великим учителем

и старшим монахом. Люди называли его старшим монахом Чу.

Услышав вопрос Дуншаня, старший монах Чу продолжал стоять, не проронив ни слова и храня молчание. Однако чаньский учитель Дуншань не собирался отступать от него и прямо спросил:

— Почему же вы мне не отвечаете быстро?

Старший монах Чу, не желая показаться слабым, ответил:

— От быстроты не прибудет понимания.

Дуншань не был удовлетворен этим ответом и снова сказал:

— Да вы же пока вообще ничего не сказали! И что означает ваша фраза: «От быстроты не прибудет понимания»?

Старший монах Чу продолжал молчать.

Чаньский учитель Дуншань, почувствовав, что встретил достойного противника, тепло сказал ему:

— Ведь «Будда» и «Пробуждение» — всего лишь слова, и только. Я же спрашивал вас о том, почему, проповедуя, вы не опираетесь на общепринятое истолкование сути доктрины?

Старший монах Чу почувствовал, что ему представляется подходящий случай хорошо ответить, и, не желая упускать его, сказал:

— А как можно проповедовать суть доктрины?

— Постигнув смысл, забыть о словах!¹

Когда два чаньских учителя говорят между собой, часто кажется, что их беседа абсолютно непонятна и даже

¹ Эта фраза восходит к классическому памятнику даосизма «Чжуан-цзы» (IV—III вв. до н. э.), где говорится: «Человек, постигший смысл, забывает о словах. Где бы мне найти человека, забывшего о словах, чтобы с ним поговорить?!»

бессмысленна: «Голова мула, а рот лошадиный». Но на самом деле их слова содержат глубочайший смысл и отражают наивысший принцип. Когда чаньский учитель Дуншань задавал вопросы, старший монах Чу отвечал ему молчанием. А когда тот задал вопрос о том, как надо проповедовать, Дуншань ответил ему: «Постигнув смысл, забыть о словах». Суть же этого высказывания в том, что только мир, где забывают о словах — подлинный мир последователя чань!

ЧАНЬ — ЭТО НЕ ПРОСТО ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

禪 非 問 答

Один чаньский учитель написал две фразы, чтобы его ученики рассмотрели и объяснили их. Вот эти две фразы:

— Два человека идут под проливным дождем. Почему небо не льет воду на одного из них?

Ученики прочитали эти фразы, и между ними сразу же разгорелся спор. Один ученик сказал:

— Два человека идут под проливным дождем, но один не мокнет. Наверно, это потому, что он надел дождевик.

Второй сказал:

— Наверно, это какой-то односторонний дождь. Ведь бывает так, что едешь на лошади и ее спина с одной стороны мокрая, а с другой сухая. Если два человека идут под дождем, но один из них не намок, то в этом нет ничего особенно удивительного.

Третий ученик возразил:

— Вы оба неправы. О каком одностороннем дожде может идти речь, если это ливень! Совер-

шенно очевидно, что один человек не намок, потому что шел под навесом.

Вот так, слово за слово, спор и продолжался, а спорщики все никак не могли прийти к окончательному ответу. Наконец чаньский учитель решил положить этому конец и рассеять заблуждения учеников. Он сказал:

— Вы все привязались к фразе: «Небо не льет на одного из них» — и зациклились на ней, а обсуждая ее, стали все дальше и дальше уходить от истины; ваш же спор грозил стать бесконечным. На самом деле не лучше ли было понять эту фразу так: «Почему же Небо не льет только на одного человека?» — то есть в том смысле, что оно льет на обоих и что оба они промокли, не так ли?

Поэтому в чаньских диалогах не следует давать ответ, исходя из вопроса, а надо опираться на неспрошенное. Речения и диалоги чаньских учителей насчитывают тысячи свитков, и можно подумать, что все они обучали исключительно при помощи вопросов и ответов. На самом деле иногда на спрошенное вообще не надо отвечать, а то, что говорится в ответ, совсем не вытекает из спрошенного. В вопросах и ответах всегда скрыт спор, но в самопробужденности не может присутствовать никакого спора. Чаньские вопросы и ответы — отнюдь не игра по разгадыванию загадок, но что же все-таки остается по ту сторону ответа?

НАСТАВНИК УВИДЕЛ, ЧТО ЕГО ГОСТЬ НЕ ПУСТ

成
見
不
空

Один ученый пришел некогда к чаньскому учителю Нань-иню узнать, что такое чань. Чаньский учитель, чтобы угостить гос-

тя чаем, поставил чашку на стол и стал лить в нее кипяток. Чашка была уже полна, а он продолжал лить в нее воду, которая переливалась через край и текла на стол. Наконец ученый не выдержал и сказал:

— О чаньский учитель! Чашка уже полна. Пожалуйста, не надо лить воду!

— Но ведь вы сами похожи на эту чашку, — сказал учитель Нань-инь. — Ваш ум переполнен вашими учеными концепциями и теориями, и если вы сперва не опустошите чашку вашего ума, как же я смогу начать объяснять вам, что такое чань?

Если человек самодоволен и склонен к самолюбованию и гордыне, то даже льющаяся с небес сладкая роса не сможет оросить его сердце.

Если мы хотим налить в сосуд благодатную воду Дхармы Будды, то сосуд должен быть, во-первых, пуст и ничем не занят, а во-вторых — очищен и отмыт от всего грязного. Иначе даже самая чистая вода испортится и утратит свою свежесть.

ОМОЙ ЛИЦО И ИЗМЕНИ УМ

Чаньский учитель Лян-куань всю свою жизнь усердно практиковал чань и никогда не ленился, каждый день занимаясь созерцанием. Однако когда он уже состарился, родственники сообщили ему, что его племянник со стороны матери ведет недолжный образ жизни, не занимается никаким делом и только

洗面
革心

проматывает родительское состояние. Все старшие почтенные родственники умоляли чаньского учителя проявить сострадание и спасти племянника, наставив его на путь истинный, указав ему на подлинные цели жизни и обновив его как человека.

Ну, делать нечего. Чаньский учитель Лян-куань был растроган полученным письмом и проблемами родственников, а поэтому никак не мог отказать им в помощи. Он отправился в путь и через три дня достиг родных мест. Надо сказать, что чаньский учитель Лян-куань уже много лет не видел своего племянника. Между тем тот очень обрадовался, увидев дядю, и тот поэтому остановился переночевать в его семье. Всю ночь монах предавался практике созерцания, сидя прямо на мирской постели, а утром, собираясь уходить, сказал племяннику:

— Кажется, я уже совсем дряхлый старик. Мои руки дрожат и я даже не могу сам завязать завязки на моих соломенных башмаках. Не сможешь ли ты мне сделать это?

Племянник, конечно же, с удовольствием помог старцу. Тогда чаньский учитель Лян-куань ласково сказал ему:

— Спасибо тебе, дорогой. Ты знаешь, в старости человек дряхлеет и слабеет с каждым новым днем. Поэтому, пока ты еще молод, ты должен стараться позаботиться о себе, делая добро другим людям и овладев какой-нибудь профессией, заложив, таким образом, фундамент будущего благополучия.

Сказав это, чаньский учитель Лян-куань поклонился ему и ушел, не сказав ни слова о его недостойном поведении. Однако с того самого дня племянник взялся за ум и больше не проматывал деньги, предаваясь пирам и легкомысленным развлечениям.

Способы наставлений, преподаваемых чаньскими наставниками, весьма различны. Иногда это удары палкой и громкий крик, иногда — парадоксальный диалог, иногда — отсутствие определенного метода, а иногда — рассуждение со скрытыми намеками и недосказанными выводами. Но в любом случае человек, владеющий методами чаньского воспитания, не обнажит в словах суть наставления, ибо эта суть должна быть открыта нами самими в нашей собственной целостности.

О любящие своих сыновей и дочерей отцы и матери Поднебесной! Не следует ли и вам понять такую направленность чаньского ума?

ЧТО ЗНАЧИТ ДЕЛАТЬ ДОБРО И ДЕЛАТЬ ЗЛО?

行
惡
與
修
善

Один монах-ученик спросил у чаньского учителя Цзюнь-цзи:

- Каковы люди, которые творят добро?
- Эти люди закованы в цепи и кандалы.
- А каковы люди, которые творят зло и

беззакония?

— Это люди, которые практикуют чань и упражняются в сосредоточении.

— Ваш ученик, должно быть, очень глуп, так как не может понять рассуждения учителя и ему

кажется, что учитель перевернул все с ног на голову. Не мог бы я просить учителя разъяснить его слова на каком-нибудь простом примере?

— Ведь у тех, кого называют злыми, зло не исходит из добра, а у тех, кого называют добрыми, доброта не исходит из зла.

Ученик по-прежнему ничего не понимал и все перед ним было как бы окутано непроницаемой пеленой тумана, а в голове воцарился какой-то сумрак. Через достаточно длительный промежуток времени чаньский учитель Цзюнь-ци спросил того ученика:

— Ну как, понял?

— Не понял.

— У того, кто делает зло, нет стремления к добру, а у того, кто делает добро, нет стремления к злу. Поэтому можно сказать, что добро и зло подобны плывущим по небу облакам. Они никогда не возникают и никогда не исчезают.

После этих слов ученик обрел пробуждение.

Если мы будем рассматривать добро и зло с профанической точки зрения, то действительно можно сказать, что хорошие поступки — это добро, а дурные — это зло. Добрые дела порождают благие следствия, а злые дела порождают дурные следствия в соответствии с законом причинно-следственных отношений, определяющих положение живого существа в одном из трех миров¹ сферы рождений-смертей. И с этой точки зрения ни один поступок не пуст и ни один поступок не проходит даром; все они имеют свои существенные свойства.

¹ Т р и м и р а — три уровня сансарического существования — миры желаний, форм и не-форм.

Но если смотреть с точки зрения нашей изначальной природы, то названия «добро» и «зло» просто не имеют места для существования. И поэтому умение не думать о добре и не думать о зле называется «видением изначальной природы»¹ (то есть усмотрением своего изначального лица). Об этом говорится так: «Порочная природа пуста сама по себе и создается умом; пребывающий в заблуждении ум, обращенный к злу, также пуст». Поэтому нет ничего удивительного, что чаньский учитель перевернул с ног на голову все привычные представления, сказав, что добрые люди закованы в цепи и кандалы, а злые люди практикуют чань и сосредоточение мысли. Ведь, с точки зрения истинного принципа, человек, совершающий добрые поступки, непременно в следующей жизни обретет блаженство на небесах божеств или счастье в мире людей, а разве это не оковы и цепи? Делаящий зло непременно обретет рождение в одной из трех дурных форм существования, но ведь его истинная природа останется той же самой. Поэтому чаньский учитель Цзюнь-цзи проявил великое сострадание, объяснив эти обстоятельства и избавив нас от заблуждений относительно сущности добра и зла. Мы должны знать, что, делая добро, мы обретаем более высокие формы рождения, но они все равно относятся к области причинно обусловленных дхарм и их нельзя ошибочно принимать за окончательное освобождение; творящие зло идут в преисподние миры, их разум испепеляется, их воля замораживается, но считать их положение безнадежным и смотреть на них как на погибших навечно — тоже ошибочно. Ведь по сути своей «и добро и зло — суть дхармы, но Дхарма Будды не есть ни добро, ни зло».

¹ Кит. *цзянь син*, яп. *кэнсё*.

КТО НАШ ПОТОМОК? 誰是後人

誰
是
後
人

Чаньский учитель Тяньхуан пришел навестить чаньского учителя Шитоу¹ и как только увидел его, то сразу же спросил:

— Позвольте спросить, чему вы еще учите людей кроме освобождения, сосредоточения и мудрости?

— Ни один человек ничем не связан и не один не находится в узах. О каком же освобождении может идти речь?

— Если вы так проповедуете людям, то разве смогут они понять вас?

— Вы знаете, что такое «пустота»?

— Я уже давно посвятил свой ум постижению пустоты.

— А, так значит вы человек с того берега (то есть из погруженного в заблуждения профанического мира)!

— Я вовсе не человек с того берега!

— Я уже давно понял, откуда вы пришли!

— Как же вы пришли к такому умозаключению относительно меня без каких-либо оснований и доказательства?

— Ваше тело есть наилучшее доказательство.

— Четыре первоэлемента¹ по своей сути пусты, пять групп элементов² не сущи. Так в чем же, в

¹ Ш и т о у. — Имеется в виду Шитоу Си-цзянь (700—790), великий чаньский учитель, предшественник линий Цаодун, Юньмэнь и Фаянь. Тяньхуан Дао-у (748—807) — его выдающийся ученик.

конце концов, мы нуждаемся, чтобы наставлять и вести наших потомков?

Тут Шитоу издал громкий возглас и серьезно спросил:

— Позвольте спросить, а кто такие наши потомки?

После этого возгласа Тяньхуан пережил великое пробуждение.

С точки зрения абсолютной истины и ее абсолютных свойств все изначально подобно пустоте, в которой не существует противоположностей, в том числе и таких, как истина и заблуждение, хорошее и дурное. Например, такие понятия, как порабощение и освобождение, пустота и существование, «раньше» и «позже», все эти обозначения с точки зрения Дхармы и чань являются бессодержательными и неадекватными. Ведь чань отказывается от ученых четверостиший и отбрасывает все сотни отрицаний. Чань ни о чем не рассуждает, и его высший смысл — не допускать никаких теоретических построений на основе этого постижения³. Ученый муж, который может логически доказать пустотность сущего, не обретает пробуждения, так зачем же тогда все это?

¹ Четыре первоэлемента (*сы да, махабхута*) — субстрат материального (*сэ, руна*) — огонь, вода, земля и ветер.

² Пять групп элементов (*юнь, скандха*) — пять групп элементов (*дхарм*), образующих эмпирическую личность: материя (чувственное), чувство, ментальные образы — представления и понятия, формирующие факторы волевого характера и сознание.

³ Как сказал великий индийский мыслитель школы мадхьямика (шуньявада) Чандракирти, «учение о пустоте призвано разрушить все теоретические конструкции, но полный глупец тот, кто хочет сконструировать теорию на основе учения о пустоте».

НА ЧТО ТЫ ЖАЛУЕШЬСЯ?

嫌
什
麼

Чаньский учитель Цзюй-дунь с гор Лунь-яшань в своих искренних и чистых поисках духовного постижения и великого пробуждения отправился в горы Чжуннаньшань, чтобы обучаться чань под руководством чаньского учителя Цуй-вэя. Он прожил у Цуй-вэя уже много месяцев, но тот так и не начинал учить его. Цзюй-дунь однажды набрался храбрости, вошел в Зал Учения и спросил:

— Я, монах-ученик, прибыл к вам, о учитель, дабы учиться, сидя у ваших стоп, и вот я постоянно хожу в храм вместе со всеми монахами, но так и не сподобился ваших наставлений. Почему это так?

Чаньский учитель Цуй-вэй неохотно спросил в ответ:

— Так на что же ты жалуешься?

Поскольку Цзюй-дунь не получил того, на что он рассчитывал, он счел за благо покинуть Цуй-вэя и отправиться на гору Дэшань просить наставлений чаньского учителя Сюань-цзяня¹. Прошло много дней и однажды он обратился к Дэшань Сюань-цзяню с такими словами:

— Ваш ученик с давних пор возжаждал всем своим сердцем услышать хотя бы одну фразу о Дхарме Будды из уст учителя Дэшаня, но вот прошло уже много дней, как я пришел сюда, а я

¹ Дэшань Сюань-цзянь (782—865) — выдающийся чаньский наставник, учитель Первого Патриарха школ Юньмэнь и Фаянь Сюань-фэн И-цуня.

так и не слышал от вас, учитель, ни одной фразы об Учении Будды.

Чаньский учитель Дэшань ответил тогда ему точно так же, как ранее это сделал чаньский учитель Цуй-вэй:

— Так на что же ты жалуешься?

Эти два чаньских наставника, не сговариваясь друг с другом, сказали своему ученику одно и то же. Разочарованный и обескураженный, Цзюй-дунь отправился учиться чань у чаньского учителя Дуншань Лян-цзе¹. Однажды Цзюй-дунь сказал ему:

— Прошу вас, скажите мне хотя бы слово о сущности Учения Будды!

Чаньский учитель Дуншань посмотрел на него и сказал прямо и откровенно:

— Я скажу тебе это тогда, когда вода из пещер потечет вспять!

После этих слов лунъяшаньский чаньский учитель Цзюй-дунь обрел великое пробуждение.

Заниматься чань, сомневаясь, заниматься чань, предаваясь предчувствиям, или заниматься чань и задавать вопросы — все это куда хуже, чем заниматься чань с умом ровным и спокойным. Мы все мирские люди и постоянно пребываем в суете и заблуждениях извращенного мира рождений-смертей, не зная ни малейшей передышки. Как только мы сможем понять, что вода из пещер течет вспять, ровное и спокойное состояние ума сразу же проявится в нас. И в этом состоянии просто не останется места для всего множества сомнений и мириад вопросов. Вот и все.

¹ Дуншань Лян-цзе (807—869) — один из основателей чаньской школы Цаодун.

ЧТО ТАКОЕ УМ БУДДЫ?

佛
心
是
什
麼

Чаньский учитель Хуй-чжун¹ однажды спросил у монаха Цзы-линя:

— Вы изучаете буддизм уже много лет. Скажите мне, пожалуйста, что такое «будда»?

Цзы-линь, ни на секунду не задумавшись, ответил:

— Слово «будда» означает совершенно пробужденного и просветленного.

Однако чаньский учитель Хуй-чжун продолжал понемногу расспрашивать его:

— Может ли будда заблуждаться?

Цзы-линь начал раздражаться и довольно резко ответил:

— Если он уже стал буддой, то как же он может заблуждаться?

— А если он не заблуждается, то как же он использует свое пробуждение?

На это возражение чаньского учителя Хуй-чжуна монах Цзы-линь не нашел ответа.

В другой раз, когда Цзы-линь занимался комментированием «Сутры вопросов о Небе Брахмы», чаньский учитель Хуй-чжун сказал:

— Человек, комментирующий сутры, должен достичь гармонического единения с умом Будды, наверху проникая в суть принципа Будды, а внизу постигая потребности всех живых существ. Толь-

¹ Х у и - ч ж у н (683—769) — известный чаньский учитель так называемой «Школы бычьей головы» («Ньютоу чань») раннего чаньского буддизма.

ко тогда он сможет успешно справиться со своей задачей.

Цзы-линь ответил без всякой радости:

— Вы совершенно правы и если бы это было не так, то разве я взялся бы за кисть?

Услышав эти слова, чаньский учитель Хуй-чжун взял чашку с водой, положил в нее семь рисовых зернышек, а на чашку положил пару палочек для еды; проделав это, он спросил Цзы-линя, что это, по его мнению, значило.

Цзы-линь был в полном замешательстве и ничего не сказал в ответ.

И тут чаньский учитель Хуй-чжун невежливо отчитал его, сказав:

— Ведь вы не понимаете смысла даже моих поступков. Как же вы смеете утверждать, что находитесь в гармоническом единстве с умом Будды?

Смысл рисинок в чашке чаньского учителя Хуй-чжуна, конечно же, заключался в том, что Учение Будды неотделимо от обычной жизни, ибо если отделить его от обычной жизни, то как же можно будет применять Учение Будды? Монах Цзы-линь, комментируя сутры, совершенно удалился от жизни, а следовательно, далеко ушел и от ума Будды.

Великий Учитель Шестой Патриарх чань Хуй-нэн говорил: «Дхарма Будды здесь, среди простых мирских дел. Обретите пробуждение, не порывая с миром. Искать бодхи¹, порывая с миром, — это все равно, что искать рога у зайца». Тот, кто надеется заниматься чань и судить о пробуждении, никогда не должен отрываться «от обыденного

¹ Бодхи (кит. *пути*) — пробуждение, просветление (обретение пробуждения на благо всех живых существ — цель буддизма Махаяны).

мира, от людей и других существ, от жизни и изначально-го ума». Вот о чем здесь говорится.

СВЯЗКА ХВОРОСТА

一
概
柴

Чаньский учитель Шитоу Си-цянь жил в провинции Хунань. Однажды он спросил только что пришедшего к нему монаха-ученика:

— Откуда ты прибыл?

Тот ответил:

— Из провинции Цзянси.

— Встречался ли ты там с великим учителем Ма-цзу?

— Встречался.

Тогда Шитоу Си-цянь спросил его, указывая пальцем на связку хвороста:

— А похож ли чаньский учитель Ма-цзу на эту связку хвороста?

Ученик ничего не ответил на это. Поскольку он так и не понял учения Шитоу, ему пришлось покинуть его, и он возвратился в Цзянси к чаньскому учителю Ма-цзу. При встрече с ним ученик рассказал наставнику о вопросе Шитоу. Выслушав ученика, Ма-цзу довольно рассмеялся и спросил его:

— А какого приблизительно веса была та вязанка хвороста?

— Я точно не могу сказать, поскольку не взвешивал ее.

— Должно быть, ты очень силен.

— Почему?

— Да ведь ты тащил эту вязанку хвороста сюда прямо из Наньюэ от Шитоу. Разве это не свидетельствует о твоей силе?

При династии Тан (618—907) один ученик отправился учиться не в Цзянси к великому учителю Ма-цзу, а в Хунань к чаньскому учителю Шитоу. Так он и ходил из Цзянси в Хунань и из Хунани в Цзянси, то туда, то обратно, таская с собой все свои предубеждения и заблуждения, говоря в глаза хорошее, а за глаза дурное.

Но два великих чаньских учителя не позволили ему продолжать вести такую жизнь и научили его уму-разуму. Но ведь и ныне находятся верующие буддисты, которые ходят из монастыря в монастырь, таская с собой вязанки с хворостом и не зная даже, сколь они тяжелы!

ЖЕМЧУЖИНА МАНИ

摩
尼
珠

В то время, когда Будда жил на Соколиной Горе, у него была переливающаяся всеми цветами жемчужина мани. Однажды Будда взял ее в руки, показал божествам — Хранителям сторон света и спросил их:

— Посмотрите и скажите, какого цвета эта жемчужина мани.

Четыре божественных Хранителя посмотрели на жемчужину, и один из них сказал, что она зеленая, другой — что она желтая, третий — что красная, а четвертый заявил, что она белая. Таким образом, их ответы были совершенно различны. Тогда Будда снова взял в руку жемчужину мани и опять обратился к божествам с вопросом:

— Какого цвета та жемчужина мани, которую я сейчас держу в руке?

Хранители не поняли замысла Будды и дружно ответили:

— О Будда! У тебя в руках сейчас вообще ничего нет. О какой же жемчужине мани ты говоришь?

Тогда Будда с полной искренностью сказал божественным Хранителям:

— Я показывал вам самую простую жемчужину, и вы не могли даже сказать, какого она цвета. Сейчас я показал вам подлинную драгоценность, а вы вообще ничего не увидели. О сколь извращено ваше сознание!

Услышав это, все четыре божества сразу же обрели пробуждение.

Так называемая жемчужина мани — это природа Будды, которая суть истинный ум каждого из нас. Среди мирских людей большинство предается погоне за богатством, славой и почестями, но мало кто понимает, что эти мирские блага пусты и бессущностны. «Богатство и знатность подобны сну в третью стражу; слава и почести похожи на иней, выпавший в девятом месяце». Жемчуг, агаты, золото, серебро, бриллианты — все эти вещи, из-за которых люди готовы пойти на смерть, как раз таковы. Если люди способны постичь пустоту мирских устремлений, отказаться от погони за богатством и почестями и открыть в своем собственном сердце полную драгоценностей сокровищницу Будды, то они как раз и окажутся обладателями подлинного нетленного и неисчерпаемого богатства и бесценной жемчужины мани.

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

母親的信

Чаньский учитель Хуй-синь еще будучи пятнадцатилетним послушником-шраманерой проявил большую остроту и глубину ума, за что и был удостоен императорской аудиенции, во время которой государь наградил его множеством подарков. Желая проявить сыновнюю почтительность, Хуй-синь отослал все подарки своей матери. Однако вскоре та прислала ему письмо, в котором выразила свое несогласие с поступком сына. Письмо гласило:

«Посланные тобой мне вещи представляют собой дары его императорского величества, и я, конечно, очень рада получить их. Однако когда я посылала тебя в монастырь, то надеялась, что ты станешь совершенным человеком в духе чань, а вовсе не рассчитывала, что ты станешь вести жизнь, направленную на получение мирских почестей и выгод. Если тебе нравится только пустая мирская слава, то знай, что это противно чаяниям моего сердца. Надеюсь, что, получив это письмо, ты задумаешься и приложишь все усилия в "изучении истинного чань", чтобы стать "образцовым наставником людей и божеств"».

Получив это письмо, шраманера Хуй-синь решил приложить все усилия, чтобы стать истинным буддистом, проповедующим Дхарму и пекущимся о спасении всех живых существ, взяв за образец указание, содержащееся в «Аватамсака сутре»: «Чаю спасения от страданий всех живых существ, а не собственного благополучия и покоя», и не стремясь более к мирским почестям и выгодам.

Почувствовав заботу матери, Хуй-синь поручил одному знакомому передать ей, что он собирается в будущем году летом испросить разрешения своего учителя на то, чтобы отлучиться из монастыря и навестить ее. Вскоре мать прислала ему еще одно письмо, в котором говорилось следующее:

«Я сама проводила тебя в монастырь, чтобы ты покинул мир и вступил на Путь Пробуждения. Теперь ты один из сынов Будды и принадлежишь всем живым существам, а отнюдь не своей матери. Сын мой! Отныне ты должен быть сыном Так Приходящего, сыном Будды! Проявляй сыновнюю почтительность к своему учителю, считай своими родными Три Драгоценности — Будду, Дхарму и Сангху и не выделяй свою мать в качестве предмета твоих помыслов и воспоминаний. Поэтому забудь и думать о том, чтобы следующим летом ехать домой».

Получив два таких хороших урока от своей матери, Хуй-синь с превеликим усердием стал изучать благой Путь Пробуждения; у него возникло стремление спасти все живые существа, он утвердился в соблюдении обетов и в конце-концов стал истинным последователем чань, подлинной драгоценностью среди монахов.

КАК ПРОДАВАТЬ ИМБИРЬ

賣
生
薑

Чаньский учитель Бао-шоу был хранителем кладовой монастыря Пятого Патриарха — Уцзусы. В это время настоятель мо-

настыря, которым был тогда Цзе-гун, заболел и нуждался в свежем имбире для своих лекарств. Он послал монаха в кладовую за имбирем, но Бао-шоу ничего не дал ему, накричал на посланного и выгнал его из кладовой. Узнав об этом, Цзе-гун дал монаху денег, чтобы купить имбиря, и тогда Бао-шоу продал имбирь.

Когда в монастыре Цаошаньсы не стало настоятеля, правитель округа послал Цзе-гуну письмо с просьбой порекомендовать кого-нибудь. Цзе-гун сказал, получив письмо:

— Похоже, этот парень, который продает имбирь, подойдет.

Вскоре Бао-шоу отправился в монастырь Цаошаньсы и вступил в должность настоятеля, а история о том, что «имбирь Бао-шэна остается острым десять тысяч лет» стала знаменитой среди последователей чань.

Бао-шоу выполнял долг хранителя общественного достоинства, и он не считал возможным отступить от своего долга ради личных отношений и чувств. Настоятель Цзе-гун испытал его и понял, что тот отнюдь не стремится к личной выгоде и славе и никогда не променяет общественное благо на личную пользу. Так он проявил мудрость в своих поступках и глубокое почтение к добродетели в своих воззрениях. И поэтому эти мужи могут служить примером для всех нас в тысяче жизненных ситуаций.

НАСЛАЖДАЯСЬ ПЕЙЗАЖАМИ, СОЗЕРЦАТЬ ШИРЬ ЗЕМНУЮ

Некий монах-ученик спросил у чаньского учителя Си-шаня:

著
境
見
地

— В чем смысл прихода Первопатриарха Бодхидхармы с Запада?

Чаньский учитель Си-шань в ответ поднял метелку, однако ученик не удовлетворился этим и ушел за наставлениями к чаньскому учителю Сюэ-фэну. Сюэ-фэн спросил его:

— Откуда ты пришел?

— Этим летом я пришел из Сучжоу, с гор Си-шань.

— Все ли хорошо у чаньского учителя Си-шаня?

— Когда я уходил, все было в порядке.

— Почему ты не остался учиться у него?

— Он ничего не понимает в чань Патриархов.

— С чего ты это взял?

— Я спросил его, в чем смысл прихода Первопатриарха с Запада, а он только поднял метелку и даже ни слова не сказал в ответ.

— В Сучжоу ты видел и мужчин и женщин?

— Видел!

— На своем пути ты видел цветы, травы и деревья?

— Видел!

— Вот это правильно! Ты видел мужчин и женщин, поскольку ты знал, что между мужчинами и женщинами есть разница. Ты видел цветы, травы и деревья, поскольку знал, что для каждого из них есть свое название и каждое из них используется по-своему. Но если ты будешь проповедовать горам, рекам, всей земной шири, а также деревьям, травам и цветам, они ничего не ответят тебе. Но ведь ты можешь понять смысл этого молчания, не так ли?

— Так!

— Так почему же ты не понял Дхарму Будды, заключенную в том жесте поднятия метелки, который сделал чаньский учитель Си-шань?

Услышав эти слова, ученик мгновенно пробудился, почтительно поблагодарил учителя и с раскаянием сказал:

— Слова вашего ученика были неразумны. Ища милости и сострадания чаньского учителя, я должен вернуться в горы Сишань и покаяться перед наставником.

— Ты постиг, что весь мир — Небо и Земля — это одно око. Где же найти такое место, чтобы можно было присесть и оно не заметило бы тебя?

Хотя в то время ученику негде было присесть, однако он уже объял всю вселенную. Хотя его телесные глаза и не поняли смысла поднятия метелки, однако его духовное око познало Небо и Землю. Одно движение ума — и обретоно пробуждение, одна мысль — и осознано покаяние! Постигнув до конца, что в Небе, Земле и во всех просторах мироздания воплощена Дхарма Будды, он понял смысл слов: «Поднял метелку, и ученик сразу же обрел полное освобождение».

ПРАВДА ЛЖЕТ И КРИВДА ЛЖЕТ

眞
假
妄
語

Чаньский учитель Дао-гуан однажды спросил чаньского учителя Да-чжу Хуй-хая:

— О чаньский учитель! Когда вы практикуете чань, то как вы совершенствуете свой ум?

— О почтенный монах! Нет никакого ума, который можно было бы использовать и нет никакого пути, который можно было бы практиковать.

— Но если нет никакого ума, который можно было бы использовать, и нет никакого пути, который можно было бы практиковать, то зачем же каждый день все монахи собираются для изучения чань и практики пути?

— О почтенный монах! Надо мной нет крыши, а подо мной нет пола, так где же мне собирать монахов?

— Но ведь на самом деле вы каждый день собираете монахов для бесед о пути, так разве это не проповедь Учения Будды для спасения всех живых существ?

— Пожалуйста, не возводите на меня напраслину. Я и фразы-то не могу сказать, так где же мне рассуждать о пути? Я даже ни единого человека нигде не вижу, так как же вы можете говорить, что я забочусь о спасении всех живых существ?

— О чаньский учитель! Как вы можете говорить такие ни с чем не сообразные речи?

— О почтенный монах! У меня и языка-то нет. Какие же несообразные речи вы имеете в виду?

— Не хотите ли вы, учитель, этим сказать, что наш пространственный мир, все живые существа, ваше и мое существование иллюзорны и ложны с точки зрения чаньского понимания Учения Будды?

— Нет, все это вполне реально!

— Но если все это реально, то почему же вы все отрицаете?

— Иллюзорное надо отрицать, и реальное тоже надо отрицать!

После этих слов Дао-гуан испытал великое пробуждение.

Когда мы стремимся постичь истинносущее, то иногда нам следует идти путем утверждения, а иногда следует идти путем отрицания. Как сказано в «Сутре сердца праджня-парамиты»¹: «Материя — это пустота, а пустота — это материя; группы чувства, представлений-понятий, формирующих факторов и сознания тоже точно таковы»². Эта фраза указывает, что мы должны постигать мир и суть человека посредством утверждений. Но «Сутра сердца праджня-парамиты» говорит и такое: «Нет органов зрительного, слухового, обонятельного, вкусового, осязательного и интеллектуального восприятия, нет видимого, слышимого, обоняемого, вкусоощушаемого, осязаемого, нет и дхарм как объекта ума». Здесь говорится о том, что мы должны постигать мир и суть человека через отрицание. Отрицая все имена, фразы, знаки и образы, Да-чжу Хуйхай не говорил ничего ложного, ибо отрицание всего есть утверждение всего.

УМ И ПРИРОДА

心
與
性

Некий монах-ученик пришел к государственному наставнику Нань-ян Хуй-чжуну и попросил его разъяснить следующее положение:

¹ «Сутра сердца праджня-парамиты», т. е. «Сутра сущности совершенной премудрости» (санскр. «Праджня-парамита хридая сутра»; кит. «Божо боломидо синь цзин») — небольшой, но исключительно авторитетный для махаянского (особенно, чаньского) буддизма текст. Перевод его китайской версии (вариант Сюань-цзана, VII в.), выполненный Е. А. Торчиновым см.: Буддизм в переводах. Вып. 2. СПб, 1993. С. 7—9.

² Здесь идет речь о скандхах (кит. *юнь*), то есть группах элементов — дхарм, образующих эмпирическую личность.

— Чань — это другое название ума. А ум — это истинносушая природа, обладающая абсолютной реальностью, и ее в буддах не больше, чем в обычных людях, а в обычных людях не меньше, чем в буддах. Чаньские Патриархи и наставники заменили слово «ум» на слово «природа». Осмелюсь спросить у вас, чаньский учитель, есть ли разница между умом и природой?

Хуй-чжун, нимало не скрывая своего мнения, ответил:

— Для пребывающего в неведении есть разница, а для пробужденного нет.

Монах-ученик между тем продолжал расспрашивать наставника:

— В сутре говорится: «Природа Будды постоянна, а ум непостоянен». Почему же вы говорите, что между ними нет разницы?

Государственный наставник Хуй-чжун терпеливо объяснил ему:

— Ты опираешься только на слова, но не опираешься на их смысл. Например, зимой вода замерзает и становится льдом, а когда теплеет, то лед тает и снова становится водой. При наличии неведения природа превращается в ум, а при пробуждении ум снова становится природой. В своей основе ум и природа тождественны, а отличие между ними возникает лишь относительно состояний неведения и пробуждения.

После этих слов ум монаха-ученика открылся для истины.

В буддизме есть много синонимов для обозначения ума и природы, например, «изначальный облик», «Вместили-

ще Так Приходящего», «Дхармовое Тело», «сущностное свойство», «самобытие», «истинная реальность, как она есть», «первосубстанция», «истинный ум», «мудрость-праджня», «чань» и тому подобные. Несомненно, что они были разработаны для того, чтобы разными способами пробудить людей познать самих себя. Хотя между неведением и пробуждением есть разница, в изначальной природе никаких различий нет. Хотя золото остается одним и тем же, из него можно сделать много совершенно разных по форме серег, колец и браслетов. Хотя эти предметы и будут отличаться друг от друга, сущность золота останется неизменной. Отсюда ясно, что хотя ум и природа по своим именам и отличаются, их сущность остается одной и той же: это есть изначальная первооснова всех нас.

Что это?

是
什
麼

Чаньский учитель Юнь-цзюй поселился в травяной хижине близ монастыря чаньского учителя Цао-шань Лян-цзе и стал заниматься чань самостоятельно как затворник. Однажды он в течение десяти дней не появлялся в трапезной и не ел. Чаньский учитель Дуншань был обеспокоен этим и весьма этому удивлялся. Поэтому он послал к Юнь-цзюю узнать, что случилось.

— Почему последнее время вы не приходите в трапезную обедать?

Чаньский учитель Юнь-цзюй весело с удовольствием ответил:

— Каждый день мне приносит пищу небесное божество!

Услышав это, чаньский учитель Дуншань огорчился и сказал:

— Я думал, что вы здесь практикуете чань! А вы оказались просто человеком, приверженным делу накопления вульгарных мирских заслуг. Завтра мы с вами расстаемся, до свидания!

На следующий день чаньский учитель Юнь-цзюй почтительно пришел поклониться чаньскому учителю Дуншаню. Тот громко выкрикнул имя Юнь-цзюя, а потом вдруг спросил:

— Что важнее, мирские заслуги или постижение природы мирских заслуг?

Услышав это, Юнь-цзюй остолбенел и не мог произнести ни слова. Он знал, что заслуги обретаются через самосовершенствование и через постижение, а природа заслуг недоступна ни совершенствованию, ни постижению. Он понял, что его практика всегда была связана только с мирскими, деятельными дхармами. Так, обуреваемый сомнениями, он и возвратился в свою хижину.

Вернувшись в хижину, он самозабвенно занялся созерцанием, оставаясь в покое и тишине. Он занимался созерцанием день, два, три, и небесное божество больше не являлось к нему с пищей, однако он уразумел смысл слов «радость занятий чань — моя пища» и проник в мир недеятельных, истинносущих дхарм.

Человек, стремящийся в качестве награды за свои занятия самосовершенствованием обрести новое рождение в мире божеств, не может выйти из колеса рождений-смертей, ибо хотя жизни божеств и можно позавидовать, но и они смертны, и когда действие заслуг, приведших их к рождению в божественном мире, заканчивается, они уми-

рают, испытав перед этим пять страданий одряхления: цветочные венки на их головах увядают, они покрываются потом, их тело становится зловонным, они более не наслаждаются своими тронами и их одеяния загрязняются. Поэтому истинный последователь чань не принимает во внимание мирские славу и позор, не исходит из мирских представлений о добре и зле. И если чаньский ум пребывает за пределами славы и позора, добра и зла, то что же может смущать его?

**НЕТ НИ ОДНОЙ ДХАРМЫ,
КОТОРУЮ МОЖНО БЫЛО БЫ
ОБРЕСТИ**

無
一
法
可
得

Однажды чаньский учитель Яншань Хуйци спросил чаньского учителя Шуанфэна:

— Брат, какие результаты практики ты обрел к сему дню?

— В соответствии с тем, что я знаю, нет ни одной дхармы, которую можно было бы обрести.

— Значит, ты остановился на мирском уровне объектов восприятия!

— Как можно из моих слов, что нет ни одной дхармы, которую можно было бы обрести, сделать вывод, что я остановился на мирском уровне объектов восприятия?

— Ты считаешь, что ты находишься на уровне ничего-не-обретения, а ведь это фактически значит, что ты находишься на уровне обретения одной из дхарм.

— Это все, чего я могу достичь! Мои чувства не устремляются к объектам восприятия, мой ум не привязан к внешнему миру. О старший брат! Научите меня, что еще надо делать!

— Почему ты не хочешь до конца проникнуть в суть того, что «ни одна дхарма не обретаема»?

Случилось так, что эти слова услышал подошедший к ним чаньский учитель Гуйшань Линю, который обрадовался и весело сказал:

— Эй, Хуй-цзи! Твои слова вызовут великое замешательство в умах всех людей Поднебесной!

Шуан-фэн же все никак не мог понять смысла сказанного ему. Он думал: «Если ни одна дхарма не обретаема, то во что же надо до конца проникнуть?»

Чаньский учитель Линю узнал об этих его мыслях и сказал ему:

— Вот ты как раз и есть один из этих людей Поднебесной!

Практика чаньского совершенствования по своей истинной сути есть не-практика совершенствования, приводящая к плоду постижения непостижимого. Поэтому не-совершенствование суть истинное совершенствование, а непостижение суть истинное постижение. Поэтому суть слов о необретаемости ни одной дхармы как раз и означает истинное обретение. Смысл этого подобен смыслу поговорки «Взойдешь в горные выси, проникнешь в водные пучины — и вдруг само собой придет знание того, где ты бродил». «Сутра о мудром мирянине Вималакирти» гласит: «Создавая храмы и монастыри, подобные отражению луны в воде, совершая великие деяния будд, подобные цветку в пустоте, побеждая сонмы демонов, подобные зеркальному отражению, внезапно, пребывая в сновидении,

постигнешь плод Будды». Истинный последователь чань должен придерживаться именно такого воззрения.

ТЫ СЛЫШАЛ?

聽
到
了

Государственный канцлер империи Ду Хун-цзянь однажды у задней стены монастыря рассуждал о Пути пробуждения с чаньским учителем У-чжу¹. Как раз в это время на дерево у беседки, в которой они сидели, опустилась пара воронов, которые тут же принялись громко каркать. Чаньский учитель У-чжу спросил канцлера Ду, слышит ли он крики птиц.

— Слышу!

В это время вороны снялись с ветки и улетели прочь. Тогда чаньский учитель У-чжу снова спросил своего собеседника, по-прежнему ли он слышит крики птиц. Канцлер Ду искренне сказал:

— Не слышу!

Чаньский учитель У-чжу тогда очень серьезно сказал:

— А я все еще слышу карканье двух воронов!

Канцлер Ду снова прислушался, но сколько ни старался, так ничего и не услышал. Тогда он спросил:

— Ведь вороны улетели и уже давно не слышно никаких звуков. Почему же вы говорите, что все еще слышите крики этих птиц?

¹ У-чжу (714—744) — знаменитый чаньский наставник из Сычуани (юго-западный Китай), представитель школы монастыря Баотансы.

Тогда чаньский учитель У-чжу все объяснил канцлеру, сказав:

— Вопрос о том, слышно что-нибудь или не слышно, не имеет никакого отношения к природе слуха, которая изначально не рождена. Как же в таком случае она может исчезнуть? Когда есть какой-нибудь звук, это означает, что появился звучащий чувственный объект; когда звук исчезает, это означает, что звучащий чувственный объект перестал существовать. Но природа слышания не привязана ни к возникновению звука, ни к его прекращению. Пробудитесь к осознанию этой природы слышания, и тогда вы перестанете обращать внимание на звучащие чувственные объекты и поймете, что звук непостоянен, а природа слуха не рождается и не гибнет. Вот поэтому вороны улетели прочь, а природа моего слуха здесь и никуда не исчезала.

Тогда канцлер Ду все понял.

Все мирские феномены, дхармы — по своей сути взаимообусловлены и относительны. Для них характерны такие оппозиции, как приход—уход, наличие—отсутствие, рождение—исчезновение, большое—малое, внутреннее—внешнее, добро—зло, благо—порок и так далее. Наш омраченный ум все время проводит различия между этими взаимообусловленными и относительными дхармами. Поэтому для нас все меняется, все обстоит то так, то этак. Мы судим о крике воронов: «Он появился, он исчез» — или: «Он есть, его нет». В силу нашей непробужденности мы все время испытываем привязанность к миру чувственных объектов и оцениваем все с позиций «да—нет». Если же ум не следует за потоком изменений чувственных объектов,

то мы «слышим хлопок одной ладони»¹ и с этим прекрасным и таинственным чувством ничто не сравнится!

АФФЕКТЫ БУДДА 佛得煩惱

Некий верующий спросил чаньского учителя Чжаочжоу Цун-шэня:

— Обладает ли Будда аффектами?

— Обладает!

— Как же это может быть! Ведь Будда — человек, достигший освобождения! Какие же у него могут быть аффекты?

— Они есть, поскольку ты еще не освободился!

— А после того как я благодаря самосовершенствованию обрел освобождение, у Будды исчезнут аффекты?

— Они останутся!

— Если я уже освободился, почему же у Будды все еще остаются аффекты?

— Потому что кроме тебя в мире рождений и смертей остается много других живых существ.

— Увы! Конечно, всем живым существам никогда не освободиться! Так что же, неужели у Будды навсегда останутся аффекты и ему никак не избавиться от них?

— Он уже избавился, у него уже нет аффектов.

¹ Имеется в виду знаменитый чаньский гуньянь (*коан*): «Как звучит хлопок одной ладони?» — широко использовавшийся для целей созерцания.

— Если все живые существа еще не освобождены, почему же у Будды уже нет аффектов?

— Все живые существа, пребывающие в самобытии Будды, уже до конца освобождены.

Вероятно, тот верующий после этих слов обрел пробуждение.

Ведь все аффекты живых существ порождены неведением и извращенностью ума. Но аффекты Будды рождены из великого сострадания, присущего его уму. Если говорить с позиций праджни — мудрости, то у Будды вообще нет никаких аффектов. Дорогие читатели! У вас есть аффекты? Порождены ли ваши аффекты состраданием? Или они порождены праджней?

О как я боюсь, что ваши аффекты порождены всего лишь другими аффектами!

КОЖА ДА КОСТИ

骨裏皮

Один монах-ученик увидел у монастырской стены черепаху и спросил у чаньского учителя Да-суя:

— Почему у всех живых существ кожа покрывает их кости, а у черепах, наоборот, кости окружают кожу?

Чаньский учитель Да-суй ничего не ответил ученику, а просто снял свой соломенный лапоть и накрыл им черепаху.

Чаньский учитель Шоу-дуань, который в это время остановился около Да-суя, сложил по этому поводу такие стихи:

Ясно, что кожа черепахи покрыта
плотным костяным панцирем,
На котором отчетливо виден узор
из трещин и линий.
Хотя монах и накрыл черепаху лаптем,
Ученик так и не понял намерений Да-суя.

Чаньский учитель Фо-дэн также написал по этому поводу стихи, гласившие:

Ни одна дхарма не возникает сама по себе,
Но возникает, будучи должным образом
обусловленной.
Черепаха не умеет лазать по стенам,
Лапти служат для того, чтобы люди
в них ходили.

Чаньский учитель Бао-фэн дает ясное указание: «О как ясна и отчетлива эта передача истины вне слов! Разве для веры существует прошлое или настоящее?» Его стихи гласят:

В колокол бьют,
Спицы колеса делают из железа.
Все реки текут на восток,
Солнце заходит на западе.

Все мы, родившись в этом мире, оказываемся обладателями любопытствующего ума. Этот любопытствующий ум очень хорош для приобретения знаний, однако он отдалает нас от пути Пробуждения. Что касается пути Пробуждения, то он тождествен нашему обыденному уму. Когда ученик увидел, что у черепахи плоть покрыта костью, его любопытствующий ум сразу же пришел в действие. Чаньский учитель Да-суй, накрыв черепаху лаптем, как бы закрыл источник пустого и омраченного любопытствующего ума. Слова чаньского учителя Фо-дэна: «Черепаха не умеет лазать по стенам, лапти служат для того, чтобы лю-

ди в них ходили» — говорят о таких простых и обыденных фактах! Слова чаньского учителя Бао-фэна: «Все реки текут на восток, солнце заходит на западе» — также содержат в себе простые и известные всем истины! Но в этой обыденности скрыт отнюдь не обыденный и неизвестный неискушенным мирянам принцип: «Все возникшее в силу причинной обусловленности пусто!» Отчетливо постижение этого — вот путь Будды, вот чаньский ум, вот освобождение! Все это равным образом присутствует в них!

ОНИ БЬЮТ ПОСОХОМ И КРИЧАТ

棒
與
喝

Влагочестивые мужи древности из числа чаньских учителей с радостью брали в руки чаньский посох как символ своей духовной силы и авторитета. Чаньские учителя использовали этот посох не для того, чтобы бить людей — хотя иногда во время обсуждения тех или иных вопросов они полегоньку применяли его и таким образом, — а как символ наград и наказаний.

В последующие эпохи верующие и чаньские ученики стали говорить, попав под тяжелую руку учителя, что они «вкусили посох». Той же цели, что и посох, служил и громкий окрик «Хэ!», также выражавший собой указание на ответственность за некий проступок.

Однажды два брата, младший и старший, пришли к чаньскому учителю У-дэ, чтобы изучать чань. Однако, как только братья приходили к учителю за наставлениями, он сразу же угощал их посохом, причем он действовал им так умело, что

как братья ни старались увернуться, им всегда доставалось с лихвой, и сто ударов из ста, наносимых У-дэ, попадали в цель. Однажды младший брат решил посоветоваться со старшим и сказал ему так:

— Мы уже давно пришли сюда, однако учитель только лишь угощает нас посохом и никакого пробуждения или просветления мы так и не достигли. Я бы взял да и ушел отсюда, только нелегко найти другого такого продвинутого и умудренного чаньского учителя, как наставник У-дэ.

Старшему брату тоже нечего было сказать на это, но он тем не менее предложил следующее:

— Ну хорошо, попробуем еще раз попросить наставлений учителя, но сделаем это за порогом Зала Дхармы, не входя внутрь. Каким бы быстрым ни был посох учителя, там он до нас не доберется.

На следующий день братья, стоя за порогом Зала Дхармы, почтительно обратились к учителю, так сказав ему:

— Позвольте узнать, в чем смысл пришествия Первопатриарха с запада?

Чаньский учитель У-дэ громко воскликнул: «Хэ!» — а потом обругал их:

— Вы оба гнусные нечестивцы!

Как только братья услышали этот возглас «Хэ!», им показалось, что прогремел раскат грома. Тогда они оба пали ниц и, не сговариваясь, воскликнули:

— Мы и не догадывались, что ваш крик, о чаньский учитель, еще молниеноснее и мощнее вашего удара!

Когда человек начинает учиться чань, ему не следует исходить из психологии «как только, так сразу» и не следует гоняться за скоростью и мгновенностью, думая, что уже одно слово учителя сделает его пробужденным. Следует быть готовым усердно и прилежно учиться и практиковать чань месяц за месяцем и год за годом. Если такой усердной практики нет, то ни одно слово учителя, ни мириады его слов, ни битье посохом, ни крик не помогут ученику и будут совершенно бесполезны. Если же все силы ученика сосредоточены на его практике, то даже удар посохом или крик могут подтолкнуть его к пробуждению.

Вы сами — — достохвальный Будда! 尊佛

Жили-были два брата. И стали они вместе изучать чань. Старший брат строго соблюдал все буддийские обеты и ни на шаг не отступал от них, а младший ленился и любил развлечения и выпивку. Однажды младший брат выпивал в своей комнате, а старший как раз проходил мимо. Младший брат воскликнул:

— Эй, братец! Зайди пропустить стаканчик!

Старший брат, даже не взглянув на младшего, отругал его:

— Да ты совсем бесстыжий! Покинул семью, чтобы стать монахом, а сам напиваешься в нарушение всех обетов!

Младший брат выслушал это, ему стало не по себе, но он тоже закричал:

— Человек, который даже выпить-то не умеет, вовсе и на человека-то не похож!

Старший брат после этого и вовсе не мог успокоиться, поэтому он снова заорал:

— Позволь спросить тебя, если я не похож на человека, то на кого же я похож?

— Ты похож на достохвального Будду, — ответил младший брат.

О, сколь таинствен и утончен этот ответ! Чаньские учителя при помощи юмора умеют одним словом или одной фразой превратить копыя и алебарды в яшму и шелк¹.

СОКРУШЕНИЕ КОСТЕЙ ПУСТОТЫ

擊
碎
虛
空
骨

Когда государственный наставник Мэн-чуан был еще молод, он прошел пешком тысячу верст до столицы, чтобы изучать там чань под руководством чаньского учителя И-шаня. Однажды он вошел в покои настоятеля, почтительно прося его разъяснить ему учение. Он сказал:

— Ваш ученик еще не постиг великих принципов учения и просит вас, учитель, объяснить их ему.

Чаньский учитель И-шань строго сказал:

— Мое учение не может быть выражено ни единым словом и ни единой фразой, и у меня нет ни одной дхармы, которую можно было бы объяснить другому человеку.

Мэн-чуан еще трижды умолял учителя раскрыть для него истинный Путь, говоря:

¹ То есть умели прекращать ссоры и превращать войну в мир.

— Прошу вас, о монах, сострадательно применить искусные методы¹ объяснения.

Но И-шань сурово отказывался:

— У меня нет никаких искусных методов и ни капли сострадания.

Так продолжалось много раз, но Мэн-чуан так и не добился наставлений И-шаня. Тогда Мэн-чуан сказал себе:

— С этим чаньским учителем нельзя иметь дела, и даже если я останусь здесь надолго, то все равно не смогу обрести пробуждения.

Решив так, Мэн-чуан со слезами сожаления покинул монастырь И-шаня и медленно направился в монастырь Ваньшоусы — Десятитысячелетнего долголетия, к чаньскому учителю Фо-го. В этом монастыре он подвергался бесконечным побоям, которые следовали за его просьбами о наставлениях. Для ищущего просветления Мэн-чуана такой поворот событий представлял собой страшный удар, и поэтому он однажды с обливающимся кровью сердцем сказал чаньскому учителю Фо-го:

— Если я, ваш ученик, не обрету в конце-концов великого упокоения нирваны, то уже никогда не приду повидать вас, учитель!

¹ Искусные методы (санскр. *упая*, кит. *фан бянь*) — одно из важнейших понятий этики буддизма Махаяны, обозначающее способность бодхисаттвы найти подходящие средства для спасения любого живого существа в зависимости от склонностей и характера последнего. Искусные методы и мудрость (*праджня*) вместе как бы образуют два «крыла» бодхисаттвы. Мотив применения бодхисаттвой искусных методов — великое сострадание (санскр. *каруна*; кит. *цзбэй*).

С этими словами он покинул чаньского учителя Фо-го и стал в безмолвии и уединении день и ночь практиковать созерцание на лоне природы. Однажды, сидя под деревом у монастырского павильона, он вошел в состояние глубокого транса без привязанностей и влечений, в котором не было ни ощущений, ни самоосознавания. Возвратившись в этом состоянии в свою келью, он по ошибке попытался прислониться к стене в том месте, где никакой стены не было. Он зашатался, не смог удержаться и через мгновение уже растянулся на полу, свалившись со своей лежанки. Упав, он тотчас же начал хохотать, его транс исчез, как будто его и не было, и он в то же мгновение обрел великое пробуждение. Его ум и тело не могли выдержать охватившего его духовного восторга, и его раскрепостившиеся уста сразу же произнесли такую гатху:

Я провел много лет, копаясь в грязи
под синим небом,
И нашел целую кучу препятствий,
не дающих мне пробудиться.
Однажды в ночном мраке я свалился на пол,
И все кости пустоты оказались сокрушены.

Теперь глаза Мэн-чуана прояснились, и, почувствовав глубокую благодарность к своим наставникам, он направился к чаньским учителям И-шаню и Фо-го, чтобы отблагодарить их и представить на их суд свое пробуждение.

Чаньский учитель Фо-го полностью подтвердил пробуждение Мэн-чуана и, заверив соответствующий документ, сказал ему:

— Ныне ты постиг смысл прихода Первопатриарха с запада и теперь должен как следует позаботиться о самом себе.

Мэн-чуану тогда был тридцать один год.

Учение древних и современных, китайских и иностранных чаньских учителей хотя и отличалось, но все они предпочитали говорить холодно, хотя их сердца и были преисполнены сострадания. Слова чаньского учителя И-шаня о том, что у него нет ни искусных методов, ни сострадания, как раз и были искусным методом, как раз и были проявлением великого сострадания; побои и крики чаньского учителя Фо-го тоже были искусным методом и проявлением сострадания. Если бы не эти два учителя, то разве стал бы когда-нибудь Мэн-чуан государственным наставником? Поэтому ведь и в природе весенние ветры и летние дожди питают и возвращают все сущее, а осенний иней и зимний снег способствуют созреванию и сохранению всего сущего.

Я НИКОГО НЕ ИЩУ

一
無
所
求

В период правления династии Сун¹ чаньский учитель Сюэ-бао однажды на берегу реки Хуайхэ повстречался с ученым господином Цзэн Хуэем. Цзэн Хуй спросил его:

— Куда вы направляетесь, чаньский учитель?

¹ Династия Сун правила китайской империей с 960 по 1279 г. Вторая половина ее правления называется Южной Сун (с 1127 г.), поскольку она контролировала только южную часть страны, а север был завоеван кочевниками чжурчжэнями, предками маньчжур.

Сюэ-бао чрезвычайно вежливо ответил ему:

— Я еще не решил. Может быть, пойду к Цяньтану, а может быть, в направлении горы Тяньтайшань, посмотрим.

Цзэн Хуй предложил ему:

— Старший монах монастыря Линьиньсы¹, чаньский учитель Шань, мой хороший знакомый. Я напишу вам рекомендательное письмо к нему, и он, конечно же, позаботится о вас.

Однако, придя в монастырь Линьиньсы, чаньский учитель Сюэ-бао не только не показал рекомендательное письмо, но даже и не попросил отвести его к старшему монаху. Он просто присоединился к остальной братии и так провел в монастыре три года. Через три года ученый Цзэн Хуй, будучи по делам в провинции Чжэцзян, заехал в монастырь, чтобы повидаться с Сюэ-бао, однако ему сказали, что не знают такого человека. Цзэн Хуй не поверил и сам пошел искать его по кельям странствующих монахов. После того как он проверил более тысячи келий, ему удалось найти Сюэ-бао, и тогда ученый спросил его:

— Почему вы не пошли к старшему монаху, а предпочли скрыться здесь? Неужели вы потеряли письмо, которое я написал для вас?

— Не посмел, поскольку я простой странствующий монах. Я никого не ищу и поэтому не стал вашим письмоноском!

¹ Монастырь Линьиньсы расположен в городе Ханчжоу, который был столицей империи при Южной Сун. Это один из крупнейших чаньских монастырей в Китае. Действует и в настоящее время.

Тогда он достал из рукава нетронутое рекомендательное письмо и вернул его Цзэн Хуэю; они оба рассмеялись. Цзэн Хуй повел Сюэ-бао представляться к старшему монаху чаньскому учителю Шаню, который чрезвычайно высоко оценил таланты Сюэ-бао. Когда же в монастыре Цуйфэнсы, что в городе Сучжоу, освободилось место старшего монаха, он рекомендовал чаньского учителя Сюэ-бао на этот пост.

Ныне в нашем обществе все озабочены мелочами, готовы хватать даже самую ничтожную должность и постоянно надеются на рекомендации родных и близких. Этот дух был полностью чужд чаньскому учителю Сюэ-бао, который мог занять высокое положение, но не воспользовался этой возможностью. Мы должны следовать его примеру. Ведь если мы будем усердно учиться и ежедневно работать, не покладая рук, то нас непременно заметят: «Когда тыква созревает, то падает на землю. Когда дракон взмывает ввысь, то его все видят». Вот об этом и говорят: «Горюй не о том, что у тебя нет должности, а о том, почему ты не занялся своим делом», вот и все.

В ПОИСКАХ АНТИЛОПЫ 尋羚羊

Шесть монахов-учеников пришли к чаньскому учителю Хуанбо изучать чань. Пятеро из них, увидев его, тотчас же простерлись ниц, приветствуя его, а один сразу же представился практикующим последователем чань. Не говоря ни слова, он уселся на циновку и рукой очертил в воздухе круг. Затем он поднялся и

молча встал у циновки. Чаньский учитель Хуанбо посмотрел на него и сказал:

— Говорят, что здесь находится свирепая охотничья собака!

Монах-ученик тотчас же ответил ему в чаньской манере:

— Она слышала голос антилопы и сразу же пришла на него.

— Ты слышал голос антилопы?

— Ну, так увидел следы антилопы.

— Ты видел следы антилопы?

— Ну, так шел за ней по пятам.

— Ты видел тень антилопы?

— Эта антилопа мертва.

Тогда чаньский учитель Хуанбо сразу же удалился. На следующий день Хуанбо в Зале Учения вспомнил о вчерашней беседе и, обратившись к монахам, сказал:

— Пусть вперед выйдет тот ученик, который вчера искал антилопу!

Ученик быстро вышел вперед.

— Наш вчерашний гунъань еще не закончен. Скажи, как ты разъяснишь его?

Некоторое время ученик ничего не говорил, так как не знал, что отвечать.

— Вначале я подумал, что ты действительно настоящий чаньский монах, но теперь я вижу, что ты просто поучившийся немного шрамана¹,

¹ Шрамана (кит. *шамэнь*) — в древней Индии — неортодоксальный (не брахманский) монах или отшельник (в том числе и буддийский). Позднее — одно из обозначений буддийского монаха.

просто обычный образованный верующий, не более.

После того как чаньский учитель Хуанбо заявил это, все монахи признали, что тот ученик не обладал знанием, но выдал себя за знающего, не обладал пробуждением, но выдал себя за пробужденного. Его признали самозванным чаньским монахом и выгнали прочь из монастыря.

Чань можно постичь только через внутреннее пробуждение, а не через интеллектуальное изучение. Знания можно приобрести посредством учебы, но нет метода для изучения чань. С древних времен чаньские монахи могли совершать непонятные поступки, могли произносить странные речи, но в их непонятных поступках был глубокий смысл, в их странных речах был истинный принцип. Если же ты не чаньский монах, то стоит тебе только раскрыть рот, как все подлинно практикующие чань сразу же понимают, кто ты есть и кто ты не есть.

Чаньское пробуждение не во внешности, чаньское пробуждение, словно живительная роса, проистекает из естественности.

ОН ЦЕНИЛ УШИ И ПРЕЗИРАЛ ГЛАЗА

貴
耳
賤
目

При династии Тан Ли Ао¹ губернатор области Ланчжоу чрезвычайно почитал добродетели чаньского учителя Лэшань Вэй-яня.

¹ Ли Ао (772—841) — выдающийся философ-конфуцианец, один из предшественников неоконфуцианского движения XI—XII вв.; поэт и литератор.

Однажды Ли Ао отправился навестить его. Он нашел чаньского учителя сидящим на склоне горы под деревом и читающим сутру. Хотя чаньский учитель Вэй-янь и знал, что к нему приехал губернатор, он не предпринял ни малейшего усилия, чтобы встать и приветствовать его. Служка уже объявил о прибытии Ли Ао, а он все сидел и читал сутру. Губернатор Ли Ао был шокирован таким поведением монаха, не смог сдержать раздражения и сказал:

— Когда сам увидишь, то поймешь, как слава лжива.

Сказав это, губернатор повернулся и собрался уходить. Но тут вдруг к нему приблизился чаньский учитель Вэй-янь и холодно произнес:

— Значит, вы, губернатор, доверяете только своим ушам и пренебрегаете глазами?

Губернатор Ли был тронут этими словами монаха, он понемногу смягчился, повернулся к наставнику, произнес извинения и спросил:

— В чем заключается великий Путь пробуждения?

Чаньский учитель Вэй-янь указал своим пальцем вверх и вниз и спросил:

— Вы поняли?

Губернатор покачал-покачал головой и сказал:

— Нет. Облака плывут в синем небе, а вода плещется в кувшине!

Губернатор услышал эти слова и вдруг, обрадовавшись, прочитал стихи:

Ваше тело из плоти и костей
 подобно телу аиста¹,
Вы возлежали под сенью тысячелетних сосен
 и читали сутру.
Я спросил вас о Пути Будды, а вы ответили:
Облака в синем небе, вода в кувшине.

Ныне в нашем обществе часто бывает так, что один человек встретит другого и скажет ему: «Я уже столько слышал о вашей славе», а сам подумает: «А этот тип совсем не таков, как его расписывают». Это и значит «ценить глаза и пренебрегать ушами». Для них лучше увидеть, чем услышать и лучше после кончины восхвалять усопшего, чем слушать про его славу, пока человек жив. Увы, все это в природе человека! Ли Ао был высокопоставленным чиновником, гордящимся своей значимостью. Он был конфуцианцем, и холодность тона чаньского учителя Яо-шань Вэй-яня унизила его и он не смог выдержать ее. Вот это как раз и показывает, в чем глубинная разница между чань и конфуцианством.

НЕ ВЕРЮ, ЧТО ЭТО АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА

不
信
是
真
諦

Некий монах-ученик спросил государственного наставника Хуй-чжуна:

— Древние добродетельные мужи говорили: «Изумрудно-зеленый бамбук поистине есть Дхармовое Тело Будды, а буйно цветущие желтые цветы не отличны от праджни». Неверующие утверждают, что это ересь, а многие верующие ут-

¹ А и с т — даосский символ бессмертия, святости и возвышенности.

верждают, что смысл этих слов недоступен для разума. И вот сам я не знаю, как это на самом деле; не объясните ли это вы ?

Государственный наставник Хуй-чжун ответил:

— О, это относится к миру великих бодхисаттв Маньджушри и Самантабхадры, и он недоступен пониманию простых обывателей или последователей Малой Колесницы буддизма (Хинаяны). Поэтому «Аватамсака сутра» гласит: «Тело Будды наполняет собой все миры дхарм и являет себя всем живым существам. В соответствии с причинами и условиями оно откликается по-своему на нужды каждого существа, но вместе с тем никогда и не покидает седалища под Древом Бодхи». Ведь и зеленеющий бамбук существует не вне миров дхарм, а значит, почему бы ему и не быть Дхармовым Телом Будды? «Сутра о праджне» гласит: «Материальный мир безграничен, поэтому и мудрость-праджня также безгранична». Но ведь заросли желтых цветов существуют отнюдь не вне материального мира, так почему бы им и не быть праджней? Поэтому сутры не провозглашают некую неизменную Дхарму, а Дхарма в основе своей не знает множественности.

Монах-ученик выслушал все это, ничего не понял и снова спросил:

— Так как же тогда, кто же прав, верующие или неверующие?

Тогда государственный наставник Хуй-чжун решил взойти на высший уровень понимания и ответил:

— Верующие находятся на уровне условной истины, а неверующие — на уровне абсолютной истины.

Монах-ученик в великом страхе воскликнул:

— Неверующие привержены еретическим воззрениям, как же вы, чаньский учитель, можете говорить, что они находятся на уровне абсолютной истины?!

Неверующие сами по себе являются неверующими, и абсолютная истина сама по себе не затрагивается их неверием. Именно потому, что она есть абсолютная истина, обыватели поносят ее и объявляют веру в нее ложными воззрениями. С тем, кто придерживается ложных воззрений, разве можно говорить об абсолютной истине?

Так государственный наставник Хуй-чжун разъяснил монаху-ученику то, как пробужденный мудрец понимает высший принцип той абсолютной истины, в которую так нелегко поверить!

Когда Будда Шакьямуни обрел пробуждение под Древом Бодхи, он с удивлением обнаружил, что его просветленное понимание противоположно пониманию живых существ. Живые существа считают чувственные наслаждения истинными, а Будда смотрел на них как на ложные; живые существа считали, что нет ни природы Будды, ни совершенной истинной реальности, а Будда знал, что они есть. Поэтому в мирских делах никогда нельзя считать критерием веру кого-то во что-то или неверие кого-то во что-то. И нельзя также считать критерием оценки кого бы то ни было относительно того, что хорошо, а что плохо. Ведь на самом деле истина будд — это истина будд, а ложные воззрения — это ложные воззрения, и только.

ЧУДЕСНОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧАНЬ

禪
的
妙
用

Однажды чаньский учитель Сянь-яй покинул стены монастыря, чтобы проповедовать Учение Будды. На дороге он

встретил громко ругавшуюся супружескую чету. Жена кричала:

— Такой муженек, как ты, и на каплю не мужчина!

Муж отвечал ей:

— Ты только еще раз скажи это, и я поколочу тебя как следует.

— Я тебя за дело ругаю! Ты не мужчина!

В это время чаньский учитель Сянь-яй, услышавший эту супружескую ссору, подошел к ним и громко закричал:

— Эй, люди! За то, чтобы посмотреть бой быков, надо платить. За то, чтобы посмотреть петушиные бои, тоже надо платить. А вот тут сейчас подерутся люди и платить не надо. Идите все, смотрите на здоровье!

Но супруги продолжали ругаться:

— Если ты еще раз скажешь, что я не мужчина, я убью тебя!

— Это ты-то убьешь! Ты — убьешь?! Ну вот тебе: ты — не мужчина!

Сянь-яй:

— Это становится все интереснее! Идите, люди добрые, не пропустите: они сейчас будут убивать друг друга!

Прохожий:

— Ну чего ты кричишь, монах! Ну, муж с женой ругаются, подумаешь! Это не твое дело.

Сянь-яй:

— То есть как это не мое дело? Ведь они собираются поубивать друг друга! А в таком случае надо будет совершать заупокойную службу, читать сутры. Разве не смогу я на этом подзаработать немножко?

— Ну ты даешь, монах! Ты хочешь, чтобы произошло смертоубийство, чтобы подзаработать!

— Ну, если они останутся живы, то тоже неплохо. Тогда я смогу проповедать им Учение Будды.

Как раз в это время супруги перестали ругаться и начали прислушиваться к разговору между чаньским учителем Сянь-яем и прохожим. Тогда чаньский учитель Сянь-яй начал увещевать склочную чету, говоря:

— Вода замерзает и превращается в лед, но встает солнце, и лед тает. Рис тверд, но его ставят на огонь, и он становится мягким. Мужчина и женщина становятся супругами в силу причинной обусловленности этого их предыдущими делами. Вы должны быть солнцем друг для друга, чтобы согреть друг друга. Вы должны быть огнем друг для друга, чтобы смягчить друг друга. Надеюсь, что вы, будучи мудрой четой, будете отныне уважать и любить друг друга!

Так учитель Сянь-яй применил принципы чань к повседневной жизни.

ЭТО СУЩНОСТЬ ЧАНЬ 禪

Великий поэт Бо Цзюй-и¹ спросил однажды чаньского учителя Вэй-куаня:

— Как заниматься самосовершенствованием на уровне тела, речи и мысли?

禪
的
心
要

¹ Бо Цзюй-и (772—846) — великий китайский поэт эпохи Тан. Его стихи неоднократно переводились на русский язык.

— Если мы стремимся к наивысшему бодхи, то на уровне тела мы должны соблюдать правила монашеской дисциплины, на уровне речи — проповедовать Учение, на уровне мысли — практиковать чань. Хотя этих принципов три, их суть одна. Это как в случае с реками Хуайхэ и Ханьшуй: хотя по своим названиям они и отличаются друг от друга, но природа воды остается одной и той же и не знает двойственности. Дисциплина — это и есть Учение, а Учение не отлично от чаньского созерцания. Поэтому тело, речь и мысль должны совместно участвовать в самосовершенствовании. Тело, речь, мысль — все это просто разные имена ума. Так надо ли, впадая в заблуждение, проводить различие между ними?

— Но если не проводить различий, то как же можно совершенствовать ум?

— Если ум в своей подлинной сути чист и лишен какого-либо ущерба, то зачем же его совершенствовать? Надо запомнить одно: независимо от чистоты или загрязненности ни в коем случае нельзя позволять возникать различающей мысли!

— В случае с психическим загрязнением все понятно: мы должны очищать ум и не допускать никаких мыслей. Но как в случае чистоты можно обойтись без возникновения различающей мысли?

— Если нечто заслоняет глаза, то они не могут видеть. Ведь золотая пыль сама по себе дорога, но при соприкосновении с глазами вызывает их заболевание. Черные тучи застилают небосвод, но ведь и белые облака могут заслонять ширь небес!

— Но отсутствие совершенствования и безмыслие разве не те же самые состояния, что харак-

терны для простых обывателей? Чем же тогда мы будем отличаться от них?

— Простые обыватели погружены в неведение, последователи двух низших Колесниц¹ привязаны к практике совершенствования. Неведение и привязанность — два недуга, и их надо отбросить, тогда это и будет истинное совершенствование. Что касается истинного совершенствования, то оно равно не имеет ничего общего ни с усердием привязанности, ни с забывчивостью неведения. Как только возобладает усердие — оказываешься во власти привязанности, как только возобладает забывчивость, тут же погрязает в неведении. Вот то необходимое, что надо знать о сути ума, и все!

После этих разъяснений Бо Цзюй-и пробудился и стал практиковать буддизм в духе истинного самосовершенствования.

Все мирское имеет в себе хорошую и дурную стороны и может быть измерено как большое или малое. Возьмем в качестве примера добродетель даяния: когда она развита сильно, то и заслуг обретается много, а когда она развита слабо, то и заслуг обретается мало. Поэтому между всем есть различия. Совершенствование тела — это не лишать жизни, не красть, не развратничать. Совершенствование мысли — это не лгать, не приукрашивать, не сплетничать², не злословить. Совершенствование мысли — не быть жад-

¹ Имеются в виду Колесницы шраваков («слушающих голос») и пратьяка-будд («одиноко пробужденных», или «будд-для-себя»); эти две Колесницы вместе образуют низший, с точки зрения Махаяны (Великой Колесницы), путь — Хинаяну, Малую Колесницу.

² Досл.: «не быть двуязыким», то есть не говорить «здесь одно, а там другое».

ным и алчным, не гневаться и не придерживаться ложных воззрений. Конечно, между совершенствованием тела, речи и мысли есть много различий. Но если рассуждать с точки зрения самосушей природы истинного ума, то окажется, что он сам по себе изначально чист, сам по себе изначально всецелостен. Как же в таком случае его можно совершенствовать? Какие здесь могут быть усердие в практике или забвение о ней? Вот именно это и назвал чаньский учитель Вэй-куань самым важным знанием относительно природы ума, и все.

ЧТО НЕЛЬЗЯ УКРАСТЬ?

偷
不
去

Дзэнский учитель Рёкан из Японии жил в маленькой тростниковой хижине у подножья горы. Он вел исключительно простой образ жизни. Однажды ночью вор проник в его хижину, но не нашел ничего, что можно было бы украсть. Когда дзэнский учитель Рёкан вернулся домой, то он прямо-таки натолкнулся на вора. Рёкан сказал ему:

— О, ты проделал путь в тысячу верст, чтобы прийти сюда! Но тебе не повезло, и ты не нашел ни денег, ни каких-либо иных ценностей, которые ты смог бы взять. Но я не могу отпустить тебя с пустыми руками. Поэтому я сейчас сниму рясу и отдам ее тебе в подарок!

Вор никак не мог взять в толк, что все это значит. Он смущенно взял рясу да и был таков.

Между тем полуголый Рёкан, на котором осталось только нижнее белье, сел у дороги, глядя на луну, и со вздохом проговорил:

— А как было бы хорошо, если бы я мог подарить ему еще и эту прекрасную луну!

В мире много людей, которые добывают пропитание попрошайничеством и воровством. Но если бы не было состоятельных людей, то как воры могли бы богатеть? Теперь подумаем, с чем же, в конце-концов, остаются люди, использующие такие недостойные методы обогащения?

— Они пустыми приходят в этот мир и пустыми покидают его. Если вы действительно хотите наслаждаться миром, то вот — чистый ветер, светлая луна, которой можно любоваться, горы и реки, по которым можно путешествовать, все это существует для удовольствия всех людей без исключения. Но ведь разве эти дары вселенной можно измерить и взвесить, разве их можно превратить в товар?

Луну не украсть и драгоценную природу Будды, которой обладает каждый из нас, тоже не украсть! Если все несметные сокровища великой природы уже мои, то зачем же красть, чтобы получить ничтожную выгоду?

ПУСТЬ СЕБЕ УХОДИТ, НЕ НАДО ОБРАЩАТЬ НА ЭТО ВНИМАНИЯ

隨
他
去
不
管
他

А это современная чаньская история. Одна красивая девушка пришла к чаньскому учителю, желая учиться чань и встать на путь пробуждения. Она спросила учителя:

— О чаньский учитель, что мне надо делать, чтобы научиться чань и обрести пробуждение?

Чаньский учитель взглянул на нее и подумал: «Такая симпатичная девочка! Наверняка у нее полным-полно мирских привязанностей и интересов! Ну как в таком случае можно научить ее чань?!» Тогда он решил научить ее такой фразе для сосредоточения на ней: «Пусть себе уходит, не надо обращать на это внимания».

Конечно, этот чаньский учитель знал много разных способов чаньского созерцания. Он, конечно же, знал такие классические гуньани, как «Кто повторяет имя Будды», «Каково было твое лицо, прежде чем родились твои родители» и другие, подобные им, но все эти гуньани были бесполезны в этом случае и не могли помочь девушке отвлечь ее ум от внешних объектов, чтобы он мог явить себя в своей подлинной сияющей сути, благодаря чему она могла бы увидеть в себе природу будды, обрести пробуждение и постичь Учение Будды. Поэтому учитель и дал ей новый гуньянь.

Девушка оказалась серьезной и упорной. Она сразу же записала фразу, данную ей учителем, и с превеликим усердием начала сосредоточиваться на ней.

Однажды ей сказали, что ее спрашивает знакомый молодой человек. Она ответила:

— Пусть себе уходит. Не надо обращать на него внимания!

Вскоре она получила письмо из Америки, известившее ее о поступлении в университет. Не читая его, она сказала:

— Пусть себе лежит. Не надо обращать на это внимания!

Однажды ей позвонила по телефону мать и сказала:

— Тот билет «Патриотической лотереи», который ты купила, выиграл!

Она произнесла только одну фразу:

— Пусть себе выигрывает. Не надо обращать на это внимания!

Так, повторяя раз за разом фразу: «Пусть себе уходит. Не надо обращать на это внимания!» — она преодолевала все новые и новые соблазны. Однажды она взяла в руки старую фотографию, где она, еще очень милый ребенок, была снята со своей покойной бабушкой. Девушка подумала: «А ведь пройдет еще несколько десятков лет, и я тоже, как и бабушка, умру, и мои кости будут гнить в подземном мире Желтого Источника, разве не так?»

Этой мыслью она преодолела последнее препятствие «привязанности к жизни и смерти»; она поняла, что жизнь и смерть — это не то, о чем следует беспокоиться; она поняла всеобщую изменчивость и непостоянство жизни и смерти и пробудилась к постижению наивысшего блаженства состояния по ту сторону жизни и смерти.

И ведь ценность этого ее пробуждения была куда выше пустых и ложных мирских радостей и удовольствий!

ВСЕ ТЕЛО — ОДИН ГЛАЗ

通
身
是
眼

Однажды чаньский учитель Дао-у спросил у Юнь-яня:

— Известно, что у бодхисаттвы Гуань-шиинь — Авалокитешвары — тысяча рук и

тысяча глаз. Пожалуйста, скажи мне, какой из этих глаз является оком истины?

— Скажи мне, пожалуйста, когда вчера ночью во время сна у тебя упало на пол изголовье, а ты, не раскрывая глаз, рукой нашарил его и поднял на постель, продолжая спать, каким оком ты пользовался, чтобы найти и поднять изголовье?

Услышав это, чаньский учитель Дао-у, воскликнул:

— А! Ну, брат мой и наставник, теперь я все понял!

— Что ты понял?

— По всему телу расположены глаза.

Чаньский учитель Юнь-янь рассмеялся и сказал:

— Ты понял только восемьдесят процентов!

Дао-у тогда спросил с сомнением:

— А как надо было сказать?

— Все тело — один глаз!

«По всему телу расположены глаза» — такое знание обретается благодаря использованию различающего сознания, или манаса. «Все тело — один глаз» — это понимание обретается благодаря проистекающей из самой природы ума мудрости, не знающей различения. Если мы обладаем истинным умом, который знает, что все тело — один глаз и этот глаз — чудесное око ума, то почему же мы не используем его, чтобы проникнуть взглядом в тайны небес и в глубины земли?

СКОЛЬЗКАЯ КАМЕНИСТАЯ ДОРОГА

石頭路滑

Чаньский учитель Инь-фэн решил покинуть чаньского учителя Ма-цзу Дао-и и пришел к нему попрощаться. Тот спросил его:

— Куда ты направляешься?

— Хочу пойти к чаньскому учителю Шитоу Си-цяню из Наньюэ.

— Это скользкая каменистая дорога¹.

— Со мной будет посох и свирель, на которой я буду играть.

Чаньский учитель Ма-цзу был удовлетворен и разрешил Инь-фэну покинуть его. Тот сразу же отправился из провинции Цзянси в провинцию Хунань, чтобы воздать почести чаньскому учителю Шитоу.

На месте Инь-фэн обошел по кругу циновку, служащую для сидения монахов во время занятий чаньским созерцанием, потрогал оловянный посох и спросил:

— Он выражает суть какого учения?

Чаньский учитель Шитоу вначале не обратил на него никакого внимания и только по истечении длительного времени сказал одну фразу:

— Синее небо, синее небо.

Инь-фэн не понял смысла сказанного и не знал, что ответить.

Не обретя желаемого, Инь-фэн снова вернулся к чаньскому учителю.

¹ Слово «шитоу», входящее в имя (или прозвище) чаньского учителя Си-цяня, означает «камень».

Ма-цзу Дао-и и рассказал ему о том, что произошло у Шитоу Си-цяня. Чаньский учитель Ма-цзу Дао-и указующе сказал ему:

— Возвращайся обратно, и когда услышишь слова чаньского учителя Шитоу: «Синее небо, синее небо», ответь ему таким звуком: «Ш-шш, Ш-шш».

И-фэн снова вернулся в Наньюэ и, как и прежде, спросил:

— Сущность какого учения это выражает?

Тогда чаньский учитель Шитоу Си-цянь, нима-ло не мешкая, ответил:

— Ш-шш, ш-шш!

Инь-фэн опять не знал, что делать, и снова вернулся в унынии к Ма-цзу Дао-и рассказать о случившемся.

Ма-цзу ничего иного не оставалось, как утешить ученика словами:

— Я же говорил тебе, что эта каменистая дорога скользка.

Чань — это не метод, которому мы можем научиться посредством простого подражания. Чань всецело основан на том, что «наш ум встречается с умом учителя». Когда чаньский учитель Шитоу говорил: «Синее небо, синее небо», то он давал понять, что сущность чань нельзя выразить словами. Инь-фэн снова спросил, и чаньский учитель Шитоу снова звуком «ш-шш, ш-шш» подтвердил, что суть чань недоступна для слов. Чань постигается внесловесной практикой, благодаря которой только и можно вступить на ровный широкий Великий Путь пробуждения.

ЧТО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ В ДВИЖЕНИЕ УМ? 怎 可動心

Учаньского учителя Яншаня была ученица — бхикшуня¹ по имени Мяо-синь. Поскольку монах, ведавший в том монастыре приемом гостей, удалился от дел, Яншань поручил ей отвечать за прием гостей и связанные с этим дела. Все монахи монастыря считали, что та находится теперь как раз на своем месте, поскольку Мяо-синь была трудолюбива, энергична и предана своему делу.

Однажды из Сычуани прибыло семнадцать странствующих монахов, желавших остановиться в этом монастыре, воздать почести Ян-шаню и задать ему вопросы о Пути пробуждения. После ужина у монахов не было дел, и они занялись обсуждением Учения Будды. Постепенно они дошли и до истории о том, что же движется — ветер или занавеска², и никак не могли истолковать ее. Они, споря, подняли большой шум, на который пришла и Мяо-синь. Тогда монахи и ее спросили о значении этой истории. Мяо-синь громко заявила:

— Вас семнадцать пришлых лбов, и я прослежу, чтобы к завтрашнему утру, когда вы будете уходить, счет за ваше проживание и питание у нас в монастыре был бы полностью оплачен.

Такое поведение Мяо-синь было весьма необычным для женщины, и она повергла всех сем-

¹ Б х и к ш у н и — буддийская монахиня; б х и к ш у — монах.

² См. беседу на с. 8 настоящего издания.

надцать монахов в изумление; те даже не знали, как теперь им вести себя. Между тем Мяо-синь приказала:

— Хватит спорить! Приходите ко мне и я скажу вам ответ!

Семнадцать монахов, ничего не понимая, пришли в келью Мяо-синь, и та сказала им:

— Если ни занавеска не движется, ни ветер не движется, то как же ваш ум может двигаться?

Как только монахи услышали это, внезапно перед их глазами вспыхнул свет, и их разум начал понимать суть проблемы.

Монахи посоветовались и решили на следующий день покинуть монастырь, не дожидаясь времени, когда чаньский учитель Яншань начнет в Зале Учения проповедовать Дхарму Будды и будет позволено задавать ему вопросы. На следующее утро все они выразили благодарность и почтение Мяо-синь и ушли.

Когда Шестому Патриарху и великому учителю Хуйнэну был задан вопрос: «Что же движется, ветер или занавеска?», он ответил: «Ни ветер, ни занавеска, это движется ваш ум, о двое почтенных мужей, и все». А теперь чаньская монахиня Мяо-синь сказала: «Если ни занавеска не движется, ни ветер не движется, то как же ваш ум может двигаться?», такое ученое заявление она сделала, постепенно продвинувшись еще дальше в понимании этой проблемы. Шестой Патриарх своим ответом подчеркивает единство субъекта и объекта, а чаньская монахиня Мяо-синь обращается к той ситуации, когда разделение на субъект и объект еще вообще не имело места и, таким образом, поднимается над вопросом об их единстве. И это так, ибо любой акт сознания уже означает омрачение. Таким образом, ее понимание этого вопроса было глубже, чем у Шестого Патриарха.

У ЖИЗНИ И СМЕРТИ ОДНА ПРИРОДА

生死自如

Чаньский учитель Пу-хуа¹ учился под руководством чаньского учителя Линьцзи. Однажды он вышел на улицу и стал просить подаяние, умоляя пожертвовать ему новую рясу. Некий верующий подарил ему новую рясу, сделанную из тончайшего дорогого материала наилучшего качества, но Пу-хуа отказался принять ее. Кто-то сообщил об этом чаньскому учителю Линьцзи. Линьцзи тогда купил гроб и подарил его Пу-хуа. Тот чрезвычайно обрадовался и заявил:

— Ну вот, наконец-то мне купили подобающую рясу!

Пу-хуа взял с собой гроб, вышел с ним на улицу и начал повсюду кричать следующее:

— Линьцзи купил мне рясу! Я буду в ней у себя на похоронах. Завтра утром я умру у Восточных ворот!

На следующее утро Пу-хуа прихватил с собой гроб и отправился к Восточным воротам. Людей там было видимо-невидимо, и все хотели посмотреть на такое удивительное происшествие. Пу-хуа обратился к собравшимся людям и сказал:

¹ Пу-хуа (IX в.) — один из сподвижников Линьцзи И-сюаня, отличавшийся особой эксцентричностью своих поступков, о которых повествуется в «Линьцзи лу» («Записях бесед Линьцзи»). Частичный перевод текста, выполненный И. С. Гуревич см.: Буддизм в переводах: Альманах. Вып. 2. СПб, 1994. С. 127—179.

— Сегодня здесь слишком много зевак и поэтому умирать здесь не следует. Лучше я умру завтра у Южных ворот!

Так продолжалось еще три дня. Пу-хуа переходил от Южных ворот к Западным и от Задних ворот к Северным. Приходившая поглазеть на его кончину толпа все редела и редела, и наконец почти все разошлись, уже не веря, что Пу-хуа умрет в назначенный им самим срок. Люди говорили:

— Пу-хуа нас просто надул. Ведь если порядочный человек говорит, что он умрет, то он непременно должен умереть. А завтра, вот увидите, он опять не сдержит свое слово и ничего с ним не случится!

На четвертый день Пу-хуа снова отправился к Северным воротам. Увидев, что зевак осталось совсем немного, он очень обрадовался и сказал им:

— Вы очень терпеливы и не сочли за труд переходить со мной от Восточных ворот к Южным, от Южных к Западным и от Западных к Северным. Теперь я наконец-то смогу показать вам, как я умираю.

Закончив говорить, Пу-хуа лег в гроб, сам закрыл его крышкой и тотчас же почил с миром.

Обычное отношение людей к жизни и смерти таково, что они радуются жизни и скорбят о смерти. Но истинный чаньский учитель смеется и над жизнью, и над смертью. Он говорит, что жизнь — это жизнь, а смерть — это смерть. Об этом и говорят: «У жизни и смерти одна природа». Так разве не был чаньский учитель Пу-хуа человеком, превозмогшим и жизнь и смерть?

ОН МОЛЧАЛ И НЕ ПРОИЗНЕС НИ СЛОВА

默
然
無
語

Когда чаньский учитель Хуан-лун пришел в монастырь Чистых Заповедей (Цзинцзесы), он однажды повстречался с чаньским учителем Дуншань Юанем. Хуан-лун не произнес ни слова, и они только зажгли благовонные воскурения и сели напротив друг друга. Так они молча просидели со второй половины дня до глубокой ночи. Потом чаньский учитель Дуншань Юань поднялся и сказал:

— Уже очень поздно. Не буду мешать вашему отдыху.

Сказав это, он немедленно ушел.

На следующий день оба монаха вернулись в свои монастыри. Хуан-лун, едва вернувшись в свою чаньскую обитель и будучи распираем любопытством, немедленно отправился к старшему монаху Юну и спросил его:

— Встречали ли вы досточтимого Дуншань Юаня, когда жили в горах Лушань?

— Не встречал, а только лишь слышал его имя.

Подождав чуть-чуть, старший монах Юн задал вопрос:

— А вы, учитель, ведь ныне видели его, каковы же ваши впечатления?

— Удивительный человек!

Потом старший монах подошел к службе, сопровождавшему чаньского учителя Хуан-луна в монастырь Чистых Заповедей, и спросил его:

— Ты ведь присутствовал при встрече чаньского учителя Хуан-луна с Дуншанем. О чем они разговаривали всю ночь?

Служка и рассказал старшему монаху все, что было, то есть как два монаха встретились, сели друг против друга и погрузились в молчание, так и не произнеся ни слова. Старший монах тогда вдохнул поглубже, да как закричит:

— Сомнения погубят всех людей Поднебесной!

Когда люди общаются между собой, им необходимы слова и письменные знаки, чтобы выразить то, что им хочется сообщить друг другу. Причем бывает и так, что чем больше говоришь или пишешь, тем более невнятным и путаным становится выражение их мыслей. В случае чань все обстоит совершенно иначе, ибо чань не опирается на слова и письменные знаки. Когда чаньские учителя передают истину пробуждения, им достаточно нахмурить брови или моргнуть глазами; иногда они для этого кричат, бьют посохом или ругаются, но все это — особые методы воспитания и способы непосредственного общения. Когда два старца, Хуан-лун и Дуншань встретились, разве им нужны были слова для беседы? Ведь в этом случае непосредственно общались их сердца и умы, беспрепятственно проникая непосредственно друг в друга. Почему же у старшего монаха было так много сомнений? Но ведь сомнения тоже могут привести к чань.

ВОДА В КОЛОДЦЕ 水在井中

Проучившийся один год новичок-монах спросил у чаньского учителя Синкуна:

— В чем смысл прихода Первопатриарха с Запада?

水
在
井
中

Чаньский учитель Син-кун ответил:

— Представь себе, что некто упал в колодец глубиной в тысячу футов. Если ты сможешь спасти его, вытащить оттуда, не используя даже дюйма веревки, я скажу тебе ответ на твой вопрос.

— Ваши речи очень похожи по характеру на речи недавно скончавшегося чаньского учителя Чана из Хунани; их невозможно понять.

Чаньский учитель Син-кун тут же приказал чаньскому учителю Яншань Хуй-цзи выставить ученика вон из монастыря.

Позднее чаньский учитель Яншань спросил чаньского учителя Тань-юаня:

— А как в таком случае, по-вашему, можно вытащить человека из колодца?

Тань-юань в свою очередь спросил:

— Ты болван! Кто находится в колодце?

Яншань не знал, что ответить. Позднее он спросил чаньского учителя Гуйшаня:

— О учитель! Как, по-вашему, можно выщить в таком случае человека из колодца?

Тут Гуйшань издал свой знаменитый громоподобный крик, выкрикнув имя Яншаня:

— Хуй-цзи!

Яншань отозвался.

Тогда чаньский учитель Гуйшань сказал:

— А он уже выбрался из колодца.

Позднее Яншань часто говорил людям в своих проповедях:

— Моя духовная жизнь началась в монастыре чаньского учителя Тань-юаня, а зрелости я достиг в обители Гуйшаня.

Совершенно верно, что многие слова и выражения чаньских учителей нельзя понять рассудком, ибо чань по самой своей природе превосходит любое рассудочное мышление. Обычные люди нуждаются в конкретных объяснениях, которые соответствовали бы их мышлению и имеющимся у них представлениям о действительности. И они не знают, что все это представления их омраченного ума, а не пробужденного в самой своей основе чаньского ума.

Когда человек падает в колодезь глубиной в тысячу футов, то ему приходится возлагать все надежды на других людей, уповая, что они смогут спасти его. О как это неудобно — во всем зависеть от других! Однако если мы посмотрим на наше положение с точки зрения принципа истинной реальности, то мы увидим, что мы как сами свалились в колодезь, так сами способны и выбраться из него. Так не есть ли истинно реальный мир то, что мы сами уже имеем в себе?

КАК НАДО ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ

待客之道

Владелец города Чжаочжоу, удельный царь Чжао-ван предпринял специальное путешествие, чтобы поклониться достопочтенному чаньскому учителю Чжаочжоу Цзун-шэню. Когда государь приехал, чаньский учитель Чжаочжоу Цзун-шэнь отдыхал, лежа в постели.

Он приветствовал Чжао-вана, оставаясь в постели, такими словами:

— О великий царь! Я ныне уже стал стар и слаб, и поэтому я надеюсь, что вы, столь любезно приехав навестить меня, простите меня за то, что я не встаю с постели, чтобы приветствовать вас.

Чжао-ван ничуть не обиделся, но, напротив, стал уважать Чжаочжоу еще больше.

На следующий день Чжао-ван послал одного генерала в город за подарками для Чжаочжоу. Узнав об этом, Чжаочжоу тотчас же вскочил с постели и пешком направился к главным воротам монастыря встречать генерала с подарками. Не понимая, почему их учитель ведет себя таким образом, его ученики спросили его:

— Почему вчера, когда прибыл Чжао-ван, вы даже не встали с постели, а сегодня, когда приехал генерал, вы не только встали, но и на своих ногах отправились к воротам встречать его?

Чаньский учитель Чжаочжоу так объяснил свое поведение:

— Вы не знаете, что мои правила по приему гостей делят всех визитеров на высшую, среднюю и низшую категорию. Посетителей высшей категории я встречаю, лежа в постели с подлинным выражением моего лица; людей средней категории я встречаю, выходя в гостиную с вежливо-притворным лицом, а гостей низшей категории я встречаю у ворот со всеми условностями, принятыми у мирских обывателей.

Порой приезжающих в монастырь гостей встречают словами: «Вот чай», «Пожалуйста, выпейте чаю», «Будьте любезны, отведайте чаю», а также: «Садитесь», «Пожалуйста садитесь», «Соизвольте, пожалуйста, сесть». Но это не подлинная вежливость, а попытка приноровиться к нравам обычных мирских людей. Ведь в мире мирских дхарм существуют различия, тогда как в мире истинносущего все дхармы равны.

То, как чаньский учитель Чжаочжоу принимал гостей, показывает, что его понимание вежливости проистекало

из его чаньского ума и практики созерцания, а не из условных норм и правил. А это значит, что он был подлинно возвышенным мужем! Как мы должны вести себя с людьми? Должны ли мы исходить из принципов относительного уровня? Должны ли мы исходить из принципов абсолютного уровня? Или мы должны одновременно опираться как на относительное, так и абсолютное? Это каждый человек должен решить для себя сам.

НАДО ЦЕНИТЬ МГНОВЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО

珍惜現在

Когда японскому буддийскому святому мужу Синрану¹ было еще девять лет, у него возникло твердое намерение покинуть семью и стать монахом. Он обратился к дзэнскому учителю Дзитину с просьбой постричь его, на что дзэнский учитель Дзитин отвечал так:

— Ты ведь еще так мал. Почему же ты хочешь отречься от мира?

— Хотя мне только девять лет, но я уже осиротел, потеряв и отца и мать. И мне необходимо знать, почему все люди непременно умирают и почему случилось так, что я должен был оказаться разлученным с моими родителями. Поэтому, чтобы постичь суть этих проблем, я должен непременно уйти из дома и стать монахом.

¹ Синран (1173—1262) — великий деятель японского буддизма, основатель школы почитателей Будды Амитабхи, известной как Дзёдо синсю (Истинная вера в Чистую Землю); эта школа наиболее популярна и в современной Японии.

Дзэнский учитель Дзитин очень обрадовался такой решительности Синрана и сказал:

— Прекрасно! Я все понял. Я хочу, чтобы ты стал моим учеником. Однако сегодня уже очень поздно, а завтра рано утром я совершу постриг.

Услышав это, Синран не согласился со словами Дзитина и сказал:

— О учитель! Хотя вы сказали, что пострижете меня завтра рано утром, должен сказать, что я еще мал и не уверен, что моя решимость стать монахом сохранится до завтра. А сами вы, учитель, пребываете в столь почтенном возрасте, что не можете с точностью утверждать, что завтра утром вы живым встанете с постели.

Услышав это, дзэнский учитель Дзитин махнул рукой в знак согласия и с сердцем, преисполненным радости, сказал:

— Ты прав! Твои слова абсолютно верны! Я прямо сейчас постригу тебя в монахи!

В нашей стране при династии Тан великий учитель Сюань-цзан¹ стал монахом в двенадцать лет. В то время, чтобы стать монахом, надо было сдать экзамены, а Сюань-цзана по малолетству не допускали до них. Тогда государственный чиновник Чжэн Шань-го, ответственный за экзамены, спросил его, почему он так хочет стать монахом. Сюань-цзан ответил: «Чтобы прославлять великое Учение Так Приходящего и взрастить в себе семя пробужденной природы будды». Из-за их великой решимости

¹ Сюань - цзан (600—664) — великий переводчик санскритских буддийских текстов, паломник, философ, основатель йогачаринской школы «фа сян цзун» («школа дхармовых свойств»); его паломничеству в Индию посвящен знаменитый средневековый китайский роман У Чэн-эня «Путешествие на Запад» («Си ю цзи»).

принять монашеские обеты эти два мужа — китаец и японец — прославляются вплоть до нашего времени как великие проповедники буддизма и столпы буддийского Учения.

ВНУТРИ И СНАРУЖИ ВРАТ ЮНЬМЭНЯ

雲
門
內
外

Чаньский учитель Юньмэнь отправился с визитом к чаньскому учителю Му-чжоу. Когда он дошел до его монастыря, уже сгущались вечерние сумерки. Юньмэнь подошел к огромным запертым воротам монастыря и заколотил в них изо всех сил, и прошло очень много времени, прежде чем Му-чжоу открыл ворота. Юньмэнь объяснил цель своего визита и уже поставил одну ступню за порог, когда Му-чжоу вдруг с силой толкнул створку ворот, чтобы закрыть их; Юньмэнь громко закричал от боли:

— Ой! Ой! Как больно!

— Кому это больно?

— О учитель! Мне больно!

— А ты где?

— Я стою у ворот!

— Если ты стоишь у ворот, то почему же ты кричишь, что тебе больно?

— Так ведь вы прищемили мне ногу дверью!

— Если твоя нога в воротах, то почему же ты сам за воротами?

— Вы делите меня пополам, на то, что внутри и что снаружи!

— Ты дурак! Разве человека можно разделить на внешнего и внутреннего?

Последние слова Му-чжоу ударили по разуму Юнь-мэня, как молот бьет по голове, мир иллюзорного разделения тела и ума растаял перед его прозревшим взором, и он обрел великое пробуждение.

Хотя нога Юнь-мэня и пострадала, две створки двери разбили для него мир иллюзий и он пробудился к пониманию тождественности внешнего и внутреннего, равноности и недвойственности реальности.

Для последователя чань все мирские обыденные способности раздвоения единой реальности на внутреннее и внешнее, «ты» и «я», добро и зло, великое и малое являются иллюзией; это сеть, уловляющая людей и подчиняющая их власти омраченного неведения. Не превзойдя эту двойственность и не пресекши склонность к ней, нельзя вернуться к основе и корню бытия. Следует объединить внутреннее и внешнее, «ты» и «я»; как же иначе достичь пробуждения?

Я УКРАЛ ТОЛЬКО РАЗ

只偷一次

Как-то раз чаньский учитель Ши-у странствовал и встретил в дороге незнакомца. Они долго проговорили, а когда стемнело, остановились на постоялом дворе. Среди ночи чаньский учитель Ши-у услышал в комнате какой-то шум. Он спросил:

— Что, уже светает?

Его сосед ответил:

— Нет, еще глубокая ночь.

Ши-у подумал про себя, что человек, который может без труда передвигаться в ночном мраке, — духовно продвинутая личность, а возможно, даже архат¹. Поэтому он спросил:

— А вообще-то вы кто?

— Я вор!

— А-а! Ну раз вы — вор, то сколько же раз вы уже крали?

— Не считал, точно не помню.

— А после каждой кражи вы долго оставались счастливы?

— Это зависело от того, что я украл и сколько это стоило.

— Ну а в наилучшем случае сколько же длилось ваше счастье?

— Несколько дней и все. На этом счастье заканчивалось.

— Значит, вы похожи на крысу, которая таскает понемножку. Ну а почему вы не беретесь за большие дела?

— А у вас есть опыт? Сколько раз вы сами крали?

— Только один раз.

— Только один раз? И вам хватило?

— Хотя я украл только один раз, мне не истратить украденного и за всю жизнь.

— А где вы украли такую дорогую вещь? Вы можете научить меня?

Чаньский учитель Ши-у подумал немного, потом схватил вора за грудки, притянул его к себе и сказал:

¹ Архат (кит. *алохань*) — высшая личность буддизма Хинаяны (Малой Колесницы); святой, достигший нирваны и покинувший мир.

— Это ты можешь понять? Это бесценная сокровищница, что внутри нас. Если ты обрешь это сокровище после тяжких трудов, то тебе за всю жизнь не растратить его. Ты понимаешь?

— Вроде бы понял, а вроде бы и не понял. Но все равно, у меня появилось какое-то очень приятное чувство.

Постепенно тот вор глубоко раскаялся в своих воровских занятиях, принял прибежище в Трех Драгоценностях — Будде, Дхарме и Сангхе и стал подлинным последователем чань.

О удивительно! О удивительно! Если человек столь алчен до внешних сокровищ, то почему же он пренебрегает сокровищем, которое в нем самом?

ПЛЫВИ ВМЕСТЕ С ПОТОКОМ

雲
水
隨
緣

Чаньский учитель Фаянь Вэнь-и во время совместной практики с чаньским учителем Цин-хуэем никак не мог достичь никакого пробуждения и не мог вступить на Путь. Тогда он покинул чаньского учителя Цин-хуэя и пошел странствовать, уподобившись облаку, плывущему по небу среди четырех сторон света.

Однажды в дороге его застиг проливной дождь и он скрылся в храме бодхисаттвы Кшитигарбхи — Дицзанюане. Ведающий приемом гостей монах спросил его:

— Куда вы направляетесь, чаньский учитель?

— У меня нет никакой определенной цели, я просто странствую.

— Что вы чувствуете, странствуя меж четырех сторон света, словно облако в небе?

— Я плыву вместе с потоком.

— «Я плыву вместе с потоком»! О как хорошо эти слова выражают дух свободы и беззаботного скитания!

Услышав эти слова, чаньский учитель Фаянь в полной мере пережил ощущение свободы и беззаботного скитания.

Все мы, живя в мире, постоянно путешествуем то на запад, то на восток. Но означает ли это, что мы можем «плыть вместе с потоком»? Что уж говорить о свободной беспечности беззаботного скитания!

РАЙ И АД В ОДНОМ ВЕДРЕ ВОДЫ

桶
水
天
地

Один верующий спросил чаньского учителя У-дэ:

— О чаньский учитель! Я уже много лет изучаю чань, но до сих пор не обрел пробуждения. Кроме того, я очень сомневаюсь, что существуют рай и ад, как они описываются в сутрах; вряд ли, по-моему, за пределами нашего мира существуют какие-то рай или ад, не так ли?

Чаньский учитель У-дэ ничего не ответил верующему на его вопрос, а просто предложил ему прийти на берег реки вместе с наполненным водой ведром.

Когда верующий пришел к дамбе на реку, чаньский учитель У-дэ дал ему такое указание:

— Ты смотри как следует в ведро с водой и тогда ты поймешь все, имеющее отношение к природе рая и ада.

Верующий, который испытывал большое любопытство, собравшись с духом и набравшись смелости, заглянул в ведро с водой и очень удивился, потому что не увидел там ничего! Внезапно чаньский учитель У-дэ опустил его голову в ведро. Верующему было неприятно, он отчаянно боролся, но его голова оказалась-таки в воде. Чаньский учитель перестал удерживать его голову в воде и вытащил ее за волосы наружу, только когда верующий был уже почти бездыханен. Тот же, еле отдышавшись и отплевавшись, кинулся ругать чаньского учителя на чем свет стоит:

— Какой же ты грубиян! Как ты посмел топить меня! Это же просто ад какой-то!

Чаньский учитель ни капли не рассердился и совершенно спокойным голосом спросил:

— А как сейчас вы себя чувствуете?

— Сейчас?! О как свободно я дышу! Это же просто рай!

Тогда чаньский учитель серьезно и наставительно сказал:

— Вот видите, как при помощи такого простого приема вы испытали уже и ад и рай. Так почему же вы не верите в существование ада и рая?

Человек, не ездивший в Европу, может не верить в существование Европы. Это следствие неведения, но это не-

ведение никоим образом не может повлиять на факт реального существования Европы. Невежды, не подойдя сами к берегу Хуанхэ, не вздохнут от изумления, а не увидев гроб, не станут плакать по усопшему. Мудрый и прозорливый человек, напротив, не нуждается в том, чтобы нечто видеть или слышать, чтобы поверить в его существование, ибо он может опираться на разумные суждения и умозаключения!

Во рту — — ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ЗУБЫ □

Чаньский учитель Фо-гуан был чрезвычайно добр и сострадателен относительно своих учеников. Он добился того, чтобы монастырь оплачивал все их расходы от медицинского обслуживания, путешествий, проживания и образования вплоть до их повседневных карманных расходов. Этими благами пользовались все ученики без каких-либо различий. Таким образом, в этом монастыре был реализован принцип равного отношения ко всем монахам как единой братии последователей Учения Будды.

Однажды к чаньскому учителю Фо-гуану подошел монастырский эконом, держа в руках счета и квитанции, и сказал:

— О учитель! У многих наших монахов проблемы с зубами. Хотя сейчас зубы еще болят слабо, но в будущем возможны серьезные осложнения. Между тем, если монастырь будет оплачивать лечение всех монахов, это окажется для нас

слишком тяжелым бременем, поскольку потребуются миллиарды монет.

— Хотя это и будет тяжкое бремя, мы все же должны изыскать средства оплатить все счета, — твердо высказал свое мнение чаньский учитель.

Но эконома не ушел, а снова задал вопрос:

— Все эти люди получили от монастыря множество благодеяний, однако и не думают благодарить нас за них. Напротив, они всем недовольны и постоянно критикуют руководство нашей обители. С моей точки зрения, вовсе не следует платить за таких недостойных людей!

Тогда чаньский учитель Фо-гуан сказал сам себе:

— Пусть рты этих людей неспособны говорить ни о чем хорошем. Но, по крайней мере, в этих ртах будут только хорошие зубы!

Все будды, бодхисаттвы и другие благородные личности жертвовали всем для блага живых существ. Они делали все не только для того, чтобы у живых существ были хорошие зубы во рту; они всемерно старались, чтобы у них были здоровые и добрые сердца, способствовали реализации ими природы будды. Долг чаньского учителя — служить другим, и он всегда радуется, когда у людей во рту хорошие зубы, когда их жизнь становится лучше и краше, независимо от того, хвалят ли его эти люди и воздают ли они ему добром за его благодеяния. Чаньский учитель никогда не опустится до пустых конфликтов, даже если все его ученики-монахи и окажутся во власти пустых и суетных занятий.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ПРИВЯЗАННОСТЕЙ

割
拾

Чаньский учитель Цзинь-дай чрезвычайно любил орхидеи. Весь сад он усталил горшками с орхидеями всех цветов, форм и видов и все свое время, свободное от проповеди и чтения сутр, он проводил в этом саду, так что все говорили, что орхидеи — судьба чаньского учителя Цзинь-дая.

Однажды Цзинь-даю надо было выйти из монастыря, и он поручил своему ученику поливать орхидеи и ухаживать за ними. Ученик, поливая орхидеи, неосторожно задел полку, на которой стояли горшки с ними, и они разбились. Ученик подумал: «Вот вернется учитель, увидит, как я испортил его любимый сад, разгневется на меня, и что же он со мной тогда сделает?» Ученик посоветовался со своими товарищами из братии и решил терпеливо дожидаться учителя и смиренно принять любое наказание, чтобы искупить свою вину.

Чаньский учитель Цзинь-дай вернулся, увидел содеянное, ни капли не рассердился и очень тихо, мирно и спокойно сказал ученику:

— Я разводил орхидеи, чтобы совершать подношение Будде этими ароматными благоухающими цветами и чтобы украсить наш монастырь, а отнюдь не для того, чтобы сердиться! Ведь в мире все непостоянно, все подвержено разрушению, и не надо своим сердцем цепляться за преходящие вещи, привязываясь к ним, но, напротив, надо отсекал влечения и привязанности, особенно, ес-

ли сделать это трудно. Разве не таким должен быть путь последователя чань?!

Услышав эти слова, ученик немедленно отбросил все свои треволения и усердно предался практике самоусовершенствования.

Для живущих в миру людей труднее всего предоставить течению событий идти их собственным путем. Людям так же трудно отказаться от влечения к приятному для них, как и от отвращения, которое тоже суть привязанность к неприятному для них. Поэтому привязанности в форме влечения и отвращения прочно угнездились в наших сердцах, а если это так, то разве можем мы наслаждаться подлинной свободой? Для этого мы должны отбросить всякие привязанности — и к приятному, и к неприятному и достичь состояния без влечения и без отвращения, как о том совершенно верно гласит «Сутра сердца совершенства премудрости»: «Они отсекли и отвергли все иллюзии и заблуждения и обрели окончательную нирвану». Слова чаньского учителя Цзинь-дая: «Я не делятого сажал эти цветы, чтобы сердиться» — поистине свидетельствуют о его величайших достижениях на пути чань!

УШИ СЛЫШАТ, А ГЛАЗА ВИДЯТ?

耳
聞
目
看

Однажды сонский¹ учитель Кён Хо² из Кореи привел вечером в свою комнату женщину и остался наедине с ней, заперев

¹ Сон — корейское чтение иероглифа «чань».

² Кён Хо (1849—1912) — знаменитый корейский монах школы сон (чань), 75-й патриарх своей традиции. Последние годы жизни провел в полном уединении вне стен монастыря в глухой рыбацкой деревне.

дверь. Его ученик Ман Гон¹ испугался, что об этом узнают другие монахи, слух распространится за стенами монастыря и опозорит всю братию. Поэтому он встал на страже у дверей кельи учителя и когда кто-нибудь спрашивал Кён Хо, то отвечал, что он отдыхает.

Наконец Ман Гон решил, что так не может продолжаться и, набравшись храбрости, вошел в келью учителя. Он увидел, что на постели Кён Хо лежит длинноволосая женщина с роскошным телом и изумительной белой кожей, а сам сонский учитель делает ей массаж.

Когда Ман Гон увидел эту сцену, его охватило возмущение, он больше не мог сдерживать негодование и, шагнув вперед, громко спросил:

— Учитель! Как так может поступать наставник, призванный быть образцом для людей и богов!? Так-то вы заботитесь о благе всех живых существ всех десяти сторон света!?

Сонский учитель Кён Хо ничуть не рассердился и совершенно спокойно и благожелательно ответил вопросом на вопрос:

— А что я делаю такого, что противоречит принципу быть образцом для живых существ?

Ученик Ман Гон рукой указал на лежащую на постели женщину и с чувством воскликнул:

— А вы сюда посмотрите!

¹ Ман Гон (1872—1946) — выдающийся монах, ученик Кён Хо с 13-летнего возраста. Обучал созерцанию монахинь и мирян, активно протестовал против японизации корейского буддизма в период японской колониальной оккупации Кореи (1910—1945).

Учитель совершенно ровным голосом спокойно сказал:

— А ты сюда посмотри!

В это время женщина повернула голову, и Ман Гон увидел лицо без носа, бровей, почти без губ — лицо женщины, пораженной проказой. Оно было залито слезами страданий. В это время учитель протянул Ман Гону лекарство, которым растирал кожу больной, и сказал:

— Ну вот и ты пришел!

Ман Гон тогда упал на колени и воскликнул:

— О учитель! Вы способны видеть, а мы незрячи! Вы способны творить добро, а мы — нет! Простите меня, своего неразумного ученика!

Когда мирские люди оценивают нечто с позиций добра и зла, хорошего и дурного, они часто говорят: «Мы видели это своими глазами, мы слышали это своими ушами». Но на самом деле их понимание крайне ограничено: они знают одну сторону, но не знают другой и поэтому не могут судить о том, что же на самом деле произошло. И в этом люди схожи с глупцами, слепцами, глухими и немыми.

Взыскупя Будду, он спрашивал о Пути

求
佛
與
問
道

При династии Тан некто Ян Тин-гуан в горах Сыкуншань встретил чаньского учителя Бэнь-цзина и сказал ему:

— Все в этом мире рождений-смертей преходяще и мгновенно. Поэтому я всем моим сердцем и всею моей волей ишу истинный Путь.

Прошу вас, о чаньский учитель, сострадательно укажите мне его!

— Вы пришли из столицы, обители императора и князей. В столице так много учителей чань, которые рассказали бы Вам все о Пути Будды. А вы пришли сюда и обратились ко мне, ничего не знающему о Пути, который вы ищете!

Поскольку, однако, Ян Тин-гуан настаивал, чаньский учитель Бэнь-цзин сказал ему:

— Что же вам надо? Скажите, вы ищете Будду или спрашиваете о Пути? Если вы ищете Будду, то скажу вам, что ваш ум и есть Будда; если же вы спрашиваете о Пути, то скажу Вам, что безмыслие и есть Путь¹.

Однако Ян Тин-гуан совсем не понял смысла, сокрытого в этих словах, и продолжал просить о наставлениях.

Чаньский учитель Бэнь-цзин сказал:

— Когда говорят, что ум и есть Будда, то имеют в виду, что состояние Будды обретается через преобразование ума. Когда же говорят о пробуждении как безмыслии, то имеют в виду, что здесь нет места даже для Будды. Поэтому безмыслие неотделимо от истинного и непревзойденного Пути!

Услышав эти слова, Ян Тин-гуан сказал:

— Великие добродетельные мужи в столице говорят, что для поисков состояния Будды нужно совершенствоваться в даянии, соблюдении заповедей, терпении, усердии и других благих качеств.

¹ В китайской буддийской терминологии иероглифом «дао» («путь») обозначается не только путь буддийского совершенствования, но и его результат — Пробуждение (*бодхи*).

вах. Однако вы, о чаньский учитель, говорите, что поскольку мы изначально обладаем всей полнотой премудрости-праджни, то мы ничего не приобретаем от такой практики совершенствования. Если это так, то, видимо, все содеянные мной поступки даяния, соблюдения заповедей и прочие добродейния на самом деле были тщетны.

Совершенно тщетны!

Когда Первопатриарх чань Бодхидхарма впервые пришел в нашу страну, лянский император У-ди спросил его: «Вот я, будучи государем, построил множество монастырей, заботился о монахах и повсюду распространял Учение Будды. Велики ли мои заслуги?» И в ответ он услышал: «Все это пустое, и в этом нет никакой заслуги». Это было сказано не потому, что те деяния не дают заслуг, а потому, что единственное подлинное сокровище — истинно реальная природа Будды, которая во всей ее полноте присуща всем людям и которую нельзя найти во внешнем мире. Поэтому Первопатриарх и сказал: «Все это пусто и в этом нет никакой заслуги». Как же нам увидеть свою природу и стать буддами? Хотя и есть другой берег существования, но у нас нет никакого драгоценного плота, который мог бы перевезти нас туда. Так как же нам быть? Вот из-за этой-то самой трудности практика даяния и соблюдения заповедей, украшающая нас гирляндами благих качеств, и оказывается весьма и весьма полезной и благой.

ЧТО ЗА ДХАРМУ УЧИТЕЛЬ ПЕРЕДАВАЛ УЧЕНИКАМ

傳
什
麼
法

Один ученый монах как-то спросил Ма-цзу Дао-и:

— Не скажете ли вы мне, что за Дхарма передается в традиции школы чань?

— А вы передаете какую Дхарму?

— Я, недостойный инок, преподаю более двадцати сутр и трактатов-шастр.

— Тогда, верно, вы не кто иной, как едущий на льве премудрый бодхисаттва Маньджушри!

— Ну что вы, что вы!

Тогда Ма-цзу издал своим носом свистящий звук. Монах утвердительно сказал:

— Вот это и есть Дхарма.

— Какая же это Дхарма?

— Дхарма льва, выходящего из своей пещеры.

Ма-цзу промолчал, а монах продолжил:

— Бессловесное молчание — тоже Дхарма.

— Что за Дхарма?

— Дхарма льва, пребывающего в пещере.

— А когда нет ни выхода, ни входа, то что это за Дхарма?

Монах на это ничего не ответил и собрался с благодарностью уходить. Однако Ма-цзу подозвал его к себе, сказав:

— Иди-ка сюда!

Монах повернул голову. Ма-цзу сказал:

— Что это за Дхарма?

Монах опять ничего не ответил. Ма-цзу воскликнул:

— А вот это Дхарма, проповедуемая глупцами!

Чань не опирается на слова и письменные знаки. Будда Шакьямуни сорок девять лет проповедовал Дхарму, Учение, проясняя и высветляя ее суть. Он проповедал более трехсот сутр, однако одновременно он утверждал, что не произнес и одного звука. И это не пустые слова, а заявление, проясняющее глубинную суть основы истинного принципа. Уже сказанное не возрастает, но еще не сказанное не

уменьшается. Тысяча речений в мириады слов не могут сравниться с молчанием. Ученый монах проповедовал двадцать с лишним сутр и шастр, а не мог ответить на один вопрос, разве это не означает, что его проповедь была проповедью глупца?

ПРЕПЯТСТВИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

在
前
邊
障

Когда чаньский учитель Тун-хуй был еще молод и проходил послушание как шраманера, его учитель однажды отправил его за водой. Мимо него проходил один торговец живой рыбой. Из садка торговца вдруг выпрыгнула одна рыба и оказалась прямо в ведре Тун-хуэя, который стукнул ее по голове и убил.

Прошло много времени, и Тун-хуй стал старшим монахом. Однажды он сказал одному из своих учеников:

— Тридцать лет тому назад я начал практиковать один гунъань. Сегодня настало время заканчивать.

Ученик осведомился, в чем, собственно, заключается дело. Тун-хуй сказал ему:

— Сегодня в полдень узнаешь.

После этого он закрыл глаза и погрузился в созерцание.

В этот день случилось так, что генерал Чжан Цзюнь, который был верным последователем школы Чистой Земли, вел солдат в Гуаньчжун через то место, где был расположен монастырь Тун-хуя, который и посетил как верующий. Внезапно настроение генерала без всякой видимой причины

изменилось, он пришел в ярость, выхватил лук и стал стрелять прямо в Зале Учения, с превеликим гневом глядя на Тун-хуя. Чаньский учитель Тун-хуй рассмеялся и сказал:

— Как долго я уже жду вас!

Чжан Цзюнь не понял, в чем дело, и сказал смущенно:

— Я никогда прежде не встречался с вами, чаньский учитель, но почему-то, глядя на вас, я испытываю ярость и я готов убить вас, хотя и не знаю, почему. В чем же дело?

Чжан Цзюнь произнес эти слова, но его гнев не проходил, и тогда чаньский учитель Тун-хуй рассказал ему, как тридцать лет тому назад он бездумно убил своей рукой рыбу, прыгнувшую к нему в ведро. Этот рассказ глубоко тронул Чжан Цзюня, и он произнес такие стихи:

Мы без конца мстим и мстим друг другу,
И так проходят неизмеримые мировые циклы.
Не лучше ли покончить с застарелой враждой
И всем вместе отправиться
на небеса Западного Рая?

Сказав это, генерал ушел прочь, поскольку ноги у него подкашивались от волнения. Увидев, что Чжан Цзюнь ушел и гнев его утих, чаньский учитель Тун-хуй взял лист бумаги и написал на нем стихи, гласившие:

Тридцать три года прошло с тех пор,
Но как все изменилось!
Кто мог предвидеть, что сегодняшняя встреча
Нужна была, чтобы устранить
препятствие из прошлого!

Написав эти слова, он поднялся со своего сидения и тоже ушел прочь.

«Причины — следствия и кармические плоды, вы связаны, словно тело и тень», — это не пустые слова, а сущая правда!

И ДОБРО И ЗЛО — ИЗ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ СЕРДЦА

善惡
一心

Однажды Четвертый чаньский Патриарх Дао-синь отправился на гору Ньютоушань нанести визит чаньскому учителю Фа-жуну¹. Он увидел Фа-жуна, сидящего в состоянии созерцания и до того самоуглубленного, что он ничего не видел вокруг себя и даже не заметил приближающегося Патриарха. Тот подошел поближе к Фа-жуну и спросил его:

— Что вы здесь делаете?

— Созерцаю ум.

— Созерцающий — что за человек? Ум — что за вещь?

Фа-жун ничего не ответил, но встал и почтительно приветствовал Четвертого Патриарха. Затем он спросил:

¹ Фа-жун (594—657) — выдающийся чаньский монах, представлявший ветвь развития чаньского буддизма, параллельную главной линии Патриархов и в известном смысле оппозиционную ей. Эта линия обычно называется «Чань Бычьей Головы» («Ньютоу чань») по названию горы (Ньютоушань), на которой отшельничал Фа-жун.

— Где находится возвышенное обиталище высокодобродетельного?

— Бреду по своему пути и не знаю, где остановлюсь. То иду на Восток, то на Запад.

— Ну, тогда скажите, знаете ли вы чаньского учителя Дао-синя?

— Почему вы спрашиваете о нем?

— Я очень давно слышал о нем и хотел бы засвидетельствовать ему свое почтение.

— Я как раз и есть он!

— Зачем вы пришли сюда?

— Я пришел сюда навестить вас. Позвольте спросить, есть ли здесь еще какое-нибудь место, где я мог бы отдохнуть немножко?

— К востоку отсюда есть одна маленькая хижина.

Четвертый Патриарх Дао-синь попросил показать ему дорогу. Когда они пришли туда, то увидели соломенную хижину, вокруг которой со всех сторон виднелись следы тигров и волков. Четвертый Патриарх поднял руки и сделал жест испуга. Чаньский учитель Фа-жун увидел это и снова сказал:

— Вам еще знакомо чувство страха?

— А что это вы увидели? — спросил в ответ Четвертый Патриарх.

Фа-жун опять не знал, что ответить. Он предложил Четвертому Патриарху сесть и пошел приготовить чаю. Тогда Дао-синь написал на противоположном сиденье иероглиф «Фо» («Будда»). Фа-жун вернулся и уже собирался садиться, как увидел на сиденье иероглиф «Будда». Рассудив, что сидеть на «Будде» неблагочестиво и непочти-

тельно, он так и не решился сесть. Четвертый же Патриарх, смеясь, сказал:

— Так вам тоже знакомо чувство страха?

Услышав это, Фа-жун не знал, что сказать в ответ.

Пока мы находимся во власти иллюзии рождений-смертей, мы будем испытывать страх. Пока для нас не рассеялась иллюзия славы и позора, мы будем испытывать чувство утраты. Пока для нас существует иллюзия благородного и презренного, мы будем проводить различия. Если для нас существует иллюзорная разница между Буддой и живыми существами, у нас будет сохраняться извращенность мышления. Так стоит ли удивляться тому, что миры, осознаваемые пробужденным сознанием Четвертого Патриарха Дао-синя и чаньского учителя Фа-жуна столь отличаются друг от друга?

ПАРЕНЬ, ДОСТИГШИЙ СВЕРХСПОСОБНОСТЕЙ

自
了
漢

Чаньский учитель Хуанбо ушел из семьи и стал монахом в очень юном возрасте.

Однажды он отправился на гору Тяньтайшань¹ и встретил по пути удивительного монаха. Они вскоре подружились и стали болтать и смеяться как старые друзья. Они подошли к стремительному бурлящему потоку, и монах предложил Хуанбо перейти через поток вброд вместе с ним. Хуанбо на это сказал:

¹ Тяньтайшань — гора в восточном Китае (провинция Чжэцзян), одно из почитаемых буддистами мест, религиозный центр одноименной буддийской школы (Тяньтай-цзун).

— Старший брат, вода здесь слишком глубока, разве мы сможем перебраться?

Между тем тот монах снял свою обувь и без всякого труда перешел через поток, ступая по воде, как посуху. Достигнув другого берега, он повернул голову и закричал:

— Иди, иди сюда!

Хуанбо крикнул:

— Эй ты! Ты — парень со сверхспособностями из последователей Малой Колесницы! Если бы я знал, что ты таков (то есть что ты хинаянист со сверхъестественными способностями), я бы уже давно перебил тебе ноги!

Эта гневная отповедь произвела на монаха такое сильное впечатление, что он воскликнул:

— Ты истинный сосуд Дхармы Махаяны — Великой Колесницы, и мне не сравниться с тобой!

Сказав это, он исчез.

Буддизм разделяется на Хинаяну — Малую Колесницу и Махаяну — Великую Колесницу. Хинаянисты спасают сами себя, махаянисты спасают других. Просветление, которое обретают хинаянисты, не может достичь того уровня, которого достигают махаянисты благодаря появлению у них стремления спасти все живые существа. «Я не пожертвую и одним своим волоском ради блага Поднебесной»¹, — такой образ мысли никогда не позволит человеку стать Буддой. «Пусть я еще не спасся сам, но я раньше спасу других — вот намерение и устремление бодхисаттвы». Хуанбо своими словами смутил самодовольного чу-

¹ Высказывание Ян Чжу, древнекитайского (IV в. до н. э.) философа-индивидуалиста и «эпикурейца», взгляды которого излагаются в одной из глав даосского трактата «Ле-цзы».

дотворца-хинаяниста, не удивившись нисколько его чуду, и тот восславил его как истинный сосуд Дхармы Махаяны.

Я ИДУ В АД

到
地
獄
去

Один человек спросил чаньского учителя Чжаочжоу:

— Вы, наставник, обрели так много заслуг и мудрости, а добродетель вашей личности превышает всяких похвал; куда же вы пойдете, когда упокоитесь после столетнего долголетия?

— Пойду в ад.

— Почему же вы, наставник, имея столько заслуг и добродетелей, после кончины пойдете в ад?

— Если я не пойду в ад, то кто же спасет тебя оттуда после всех твоих убийств, разбоя, разврата и всех прочих порочных деяний?

Желание чаньского наставника Чжаочжоу после смерти пойти в ад поистине полно духа бодхисаттвы Кшитигарбхи¹ и обнаруживает его безграничное сострадание и стремление исполнить великий обет, который гласит: «Если я не пойду в ад, то кто же пойдет в ад?» Вот и достойный учитель Дхармы Цы-хан говорит: «Если хоть одно живое существо не спасено, я тем более не вправе спастись бегством!»

¹ Кшитигарбха — один из наиболее почитаемых в Махаяне бодхисаттв. Он дал обет сойти в ад и сделать там свое тело таким большим, что больше в аду уже никто не поместится.

ЗА УЧИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВА НЕ СТЫДНО!

不
愧
爲
國
師

Однажды чаньский учитель Дань-ся отправился навестить чаньского учителя Хуй-чжун. Когда Дань-ся прибыл на место, Учитель Государства Хуй-чжун отдыхал. Дань-ся спросил его ученика Тань-юаня:

— Позвольте спросить, дома ли Учитель Государства?

Тань-юань только-только начал изучать принципы чань, и ему захотелось покрасоваться. Поэтому он ответил:

— Учитель здесь, но никого не принимает.

— А-а, о сколь же глубокомыслен твой ответ!

Тогда Тань-юань пошел еще дальше и сказал:

— Даже если вы наделены оком Будды, вам все равно не увидеть его.

Дань-ся горестно вздохнул и сказал:

— Поистине, дракон рождает дракона и феникс рождает феникса.

Вскоре Учитель Государства Хуй-чжун проснулся, и тогда Тань-юань доложил ему о приезде чаньского учителя Дань-ся. Услышав о том, что произошло, Хуй-чжун дал Тань-юаню двадцать палок и выгнал прочь из монастыря.

Когда Дань-ся услышал о том, как поступил Хуй-чжун, он сильно растрогался под впечатлением этого и произнес:

— Да, поистине за Учителя Государства из Нань-яна можно не стыдиться!

Чань — отнюдь не просто умение борзо и красно говорить. Когда Тань-юань тонко ответил Дань-ся, тот произнес фразу: «Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса», похвалив его за это. Когда Тань-юань получил двадцать палок, то Дань-ся похвалил Хуй-чжуна, сказав, что можно не стыдиться того, что он был учителем семи императоров. Ведь чань проявляет себя в полной беспристрастности: когда поступок достоин похвалы, его следует хвалить, когда же он достоин осуждения, его следует осудить. Вот ведь как проявляется искусство чань!

ОН НЕ СМОГ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОБЫДЕННЫЙ УМ

不
留
平
常
心

Один ученик вошел в Зал Учения и спросил чаньского учителя:

— О чаньский учитель! Я постоянно занимаюсь практикой созерцания, распеваю вслух сутры, рано ложусь, рано встаю, в моем уме нет никаких посторонних мыслей. Из всех учеников, внимающих у ваших ног наставлениям, нет ни одного столь же трудолюбивого и усердного, как я. Почему же мне никак не удастся обрести пробуждение?

Чаньский учитель взял тогда тыкву и щепоть грубой соли и передал все это ученику с такими словами:

— Налей в тыкву воды и положи в нее соль. Как только она растворится, ты обретишь пробуждение!

Ученик взял тыкву и решил сделать все точно так, как ему сказал учитель. Однако вскоре он бросился бегом обратно к учителю, крича:

— Учитель! Горлышко тыквы слишком узкое и кусок соли, который я в него протиснул, сам по себе не растворяется! Я попробовал использовать палочки, чтобы размешать соль, но у меня ничего не вышло. Видно, не судьба мне обрести пробуждение!

Тогда учитель взял тыкву, отлил немного воды и встряхнул ее несколько раз. Соль сразу же растворилась. Тогда учитель с состраданием сказал ученику:

— Ты целый день усердно трудишься, но совсем не даешь своему обыденному уму проявить себя. Если соль не растереть, а воду в тыкве не встряхнуть, как же можно растворить соль? А уж тем более как же обрести пробуждение?!

— Вы имеете в виду, что можно обрести пробуждение без усердного труда?

— Это похоже на игру на цитре: если ты натянешь струны слишком сильно, они лопнут, а если слишком слабо, то ты не извлечешь из инструмента никаких звуков. Срединный путь и наш обыденный ум — вот корни пути пробуждения.

В конце-концов тот ученик все понял и обрел пробуждение.

Мирские дела таковы, что их нельзя исполнить ни просто шаг за шагом работая над ними, ни на основе одних отвлеченных книжных знаний. Это не принесет много пользы. Нужно обязательно оставлять место для раздумий и размышлений, чтобы на основе этих раздумий иметь возможность действовать непосредственно и самостоятельно. Если не работать на износ, но и не лениться, не изматы-

вать себя, но и не прохладиться, то как раз и вступишь во врата пути к пробуждению.

ДИКИЕ УТКИ

野
鴨
子

Однажды чаньский учитель Ма-цзу и чаньский учитель Бай-чжан стояли за стенами монастыря и смотрели на улетающих диких уток. Ма-цзу спросил:

- Что это такое?
- Это дикие утки.
- А куда это они летят?
- Они улетаюТ от нас.

Услышав это, Ма-цзу ухватил Бай-чжана за нос. Тот вскрикнул от боли. Ма-цзу сказал:

- Ну что, они уже улетели, не так ли?

Бай-чжан вернулся в свою келью, громко рыдая. Все начали расспрашивать его:

- Почему вы плачете?
- А вы пойдите и спросите учителя!

Все монахи тогда пошли к чаньскому учителю Ма-цзу. Увидев их, Ма-цзу сказал:

— Да он сам знает, идите и спросите его самого!

Тогда все они вновь пошли к Бай-чжану, который, увидев их, начал громко хохотать. Монахи ничего не поняли и спросили:

— Вы еще недавно плакали, а теперь смеетесь. В чем дело?

- Просто тогда я плакал, а сейчас смеюсь.

Никто так ничего и не понял. На следующий день едва Ма-цзу сел на возвышении для произ-

несения проповеди, Бай-чжан поднялся со своего места и направился прочь из зала. Ма-цзу тогда тоже сошел вниз и направился вслед за Бай-чжаном. Ма-цзу спросил:

— Я как раз собираюсь проповедовать Учение, почему же ты уходишь?

— Сегодня мой нос уже не болит.

— Наконец-то ты до конца понял смысл вчерашнего.

Все мы находимся во власти заблуждения, разделяющего нас во времени и пространстве. И это заблуждение есть источник сансары — мира чередования рождений и смертей. Дикие утки никуда не улетели. Улетели просто иллюзорные признаки. Чередование слез и смеха совершенно естественно, ведь эти чувства суть продолжение друг друга, и мы плачем, когда надо плакать, и смеемся, когда надо смеяться. В чань существует поговорка: «Когда великое дело не свершено, следует скорбеть, как во время траура; когда великое дело свершено, также следует скорбеть, как во время траура». Одни и те же слезы, но ситуация не одна и та же; одна и та же боль, но не одинакова реакция на нее. Все зависит от того, сумели ли мы постичь нашу собственную изначальную природу.

**ИЕРОГЛИФ, НАПИСАННЫЙ
ПРАВИЛЬНО, И ИЕРОГЛИФ,
НАПИСАННЫЙ ЗАДОМ НАПЕРЕД**

正
字
與
反
字

Один послушник-шраманера как-то спросил чаньского учителя У-мина:

— О чаньский учитель! Вы говорили, что следование буддизму — это исполнение обета

спасти все живые существа. Но если взять такого плохого человека, который уже совсем утратил человеческий образ и которого и человеком-то нельзя считать, то неужели и его надо спасать?

Чаньский учитель ничего на это не сказал, а просто взял бумагу и кисть и написал иероглиф «я», но написал его не как полагается, а зеркальным образом, так, как если бы он был вырезан на печати.

Чаньский учитель спросил:

— Что это?

— Это иероглиф, но только написанный зеркальным образом.

— Можно ли такой извращенный иероглиф «я» считать за иероглиф?

— Нельзя!

— Но если нельзя, то почему же ты говоришь, что это иероглиф «я»?

— Можно! — быстро изменил свое мнение шраманера.

— Но если можно, то почему ты говоришь, что он перевернут?

Шраманера был обескуражен и не знал, что ответить.

Учитель тогда сказал:

— Правильно написанный знак и знак, написанный зеркальным образом, ты определяешь как иероглиф «я», но вместе с тем относительно второго ты делаешь вывод, что это извращенный иероглиф. Это происходит потому, что в твоём уме содержится идея правильного иероглифа «я». С другой стороны, если бы ты не знал этого иероглифа, а я написал бы тебе его перевернутую фор-

му, то ты не понял бы, что это неправильная форма. Напротив, увидев правильно написанный иероглиф «я», ты решил бы, что это именно он вывернут наизнанку!

Тут чаньский учитель разъяснил смысл своего примера:

— Точно так же хороший человек — это человек и плохой человек — это тоже человек и здесь главное — знать их изначальную природу. Поэтому, когда ты встретишь злого человека, ты не только сразу же одним взглядом определишь, что в нем хорошего, а что — плохого, но и обнаружишь его изначальную природу, которая всегда светла, и тогда тебе будет нетрудно возыметь стремление спасти его.

Хороших людей надо спасать и плохих людей надо спасать. Чем в большей грязи растет лотос, тем чище и прекраснее будут в конце-концов его цветы. Если безжалостный убийца убирает в сторону свой нож, значит, он способен и обрести состояние Будды. Добро и зло, хорошее и плохое — только идеи, порожденные силой различающей мысли. «Добро и зло — это дхармы, но Дхарма не ведает добра и зла». Если мы посмотрим на это с позиции нашей изначальной природы, то увидим, что нет ни одного человека, недостойного спасения!

ЭТО НЕ ТВОИ СЛОВА

В самом начале своей деятельности чаньский учитель Вэнь-янь решил нанести визит чаньскому учителю Сюэфэну. Придя в селение Сюэфэнчжуан, он встретил монаха-ученика и спросил его:

不是你的話

— Тебе сегодня надо будет подниматься на гору, в монастырь?

— Да, конечно.

— Передай, пожалуйста, несколько слов чаньскому учителю Сюэфэну, но не говори ему, что это я сказал.

— Хорошо.

— Иди в монастырь и жди, когда вся братия соберется слушать проповедь настоятеля. Тогда выйди вперед, возмись за запястье и спроси: «Эй ты, старик! Почему ты не снимешь ошейника со своей шеи?»

Тот ученик мало-помалу выполнил все, что ему сказал чаньский учитель Вэнь-янь. Услышав его слова, чаньский учитель Сюэфэн спустился со своего возвышения, взял его за грудки и воскликнул:

— Скорее, скорее говори!

Но монах молчал и ничего не говорил. Сюэфэн оттолкнул его и сказал:

— Это не твои слова!

— Нет, это мои слова.

— Принеси мне веревку и палку!

Монах страшно перепугался и быстро все рассказал:

— Это не мои слова, это слова пришедшего из провинции Чжэцзян чаньского учителя Вэнь-яня, которого я встретил внизу в селении!

Тогда Сюэфэн сказал, обращаясь ко всей братии:

— Идите вниз в селение и пригласите сюда наставника пятисот учеников!

На следующий день Вэнь-янь встретился с Сюэфэном, и Сюэфэн прямо спросил Вэнь-яня:

— По какой причине ты прибыл в этот мир?

Вэнь-янь наклонил голову.

С тех пор оба наставника жили душа в душу. Вэнь-янь остался в монастыре Сюэфэна, и Сюэфэн передал ему многие чаньские методы.

В мире чань подлинное не выдать за фальшивое, а фальшивое не выдать за подлинное. И людские глаза не упустят возможности разобраться, какова мера пробужденности другого человека.

ДАВАЙ ПОЙДЕМ ТУДА!

我
們
走
吧

Господин Ли, помещик из деревни Лундэцунь, чрезвычайно почитал чаньского учителя Шань-чжао. Ему очень хотелось пригласить чаньского учителя Шань-чжао стать старшим монахом монастыря Чжэнтяньсы. Однако учитель никоим образом не хотел нести бремя забот по управлению монастырем, и поэтому посланец господина Ли долго продолжал умолять его согласиться. Тогда Шань-чжао обратился к своим ученикам с вопросом:

— Как же я могу уйти на место старшего монаха, не взяв с собой хотя бы одного из вас? Но если я и возьму с собой всех, вы ведь не поспеете за мной.

Один ученик сказал откровенно:

— Учитель! Я могу пойти с вами! Я могу проходить в день восемьдесят верст!

Чаньский учитель покачал головой и, вздохнув, сказал:

— Ты ходишь так медленно! Не то что я.

Тогда другой ученик встал и воодушевленно сказал:

— Я пойду с вами. Я могу пройти в день сто двадцать верст!

Шань-чжао сказал:

— Медленно, слишком медленно!

Тогда ученики начали удивленно переглядываться, недоумевая, с какой же скоростью путешествует их учитель. Тогда вперед медленно-медленно вышел один из учеников и, обратившись к Шань-чжао, сказал:

— Учитель! Я пойду вместе с вами.

— Какое расстояние ты можешь пройти за день?

— Сколько пройдет учитель, столько пройду и я!

Шань-чжао услышал это и с радостным смехом сказал:

— Очень хорошо! Вот с тобой-то мы и пойдем туда!

После этого чаньский учитель Шань-чжао продолжал сидеть на своем возвышении, лучась радостью и не делая никакого движения. Сидя так, он и почил, обретя освобождение. А тот ученик, продолжая почтительно стоять около сиденья учителя, также ушел из этого мира, пресуществившись в святого.

Для последователя чань никакие заслуги, почести и награды не имеют никакого значения и не волнуют его сердце. Он не испытывает никакого страха ни перед чем, даже перед скорбным миром рождений-смертей, ибо он уже свободен, еще пребывая в нем. И если это так, то к чему ему стремиться к месту старшего монаха?

Выйди! 出 去

Чаньский учитель Хуанлун Хуй-нань сказал однажды послушнику, который стоял возле него:

— Существуют сотни и тысячи методов достижения самадхи¹ и бесчисленные методы практики Дхармы. Если я тебе изложу их одной фразой, согласишься ли ты мне?

— Если учитель искренне скажет мне что-то, как же я не поверю ему?

Хуанлун указал налево и сказал:

— Иди туда!

Ученик уже собрался идти в ту сторону, как Хуанлун вдруг остановил ученика, прикрикнув на него:

— Когда наступает время не следовать за звуком, не следовать за формой? Выйди!

Об этом узнал другой монах-ученик, который сразу же направился к учителю и попросил разрешения войти. Хуанлун встретил его теми же словами. Тот также ответил:

— Как же я посмею не поверить!

Тогда Хуанлун указал направо и сказал:

— Иди туда!

Но ученик продолжал стоять на том же месте, даже и не пытаясь идти направо. Но и на него прикрикнул Хуанлун:

— Ты пришел ко мне учиться, а сам не слушаешь, что я тебе говорю. Выйди!

¹ Самадхи — предельная форма психотехнического сосредоточения, высший пик созерцания.

Пока последователь чань не пробужден, что бы он ни делал, все будет не так. Но после пробуждения он видит, что и земные пространства, и горы, и реки — все суть Дхарма Будды. Для чань есть ты и есть посох. Я даю тебе посох. У тебя нет посоха. Я отбираю у тебя посох. Я говорю, чтобы ты шел сюда, но это неправильно. Говорю тебе, чтобы ты шел туда, но и это не то. И ты должен уйти не из-за «туда» или «сюда», а просто потому, что ты, как и те ученики, еще не проник в суть своего ума. Напрасно ученики ходили то налево, то направо, то просто стояли на месте, но все это было напрасно, так как они не понимали того возвышенного смысла, который стоял за обращением к ним чаньского учителя Хуанлуна, не так ли?

ВЕЛИКОЕ БЕССТРАШИЕ

大
無
畏

Однажды чаньский учитель Инь-фэн с горы Утайшань¹ толкал тяжелую телегу, груженную разнообразными вещами, а чаньский учитель Ма-цзу Дао-и тем временем сидел посреди дороги, вытянув перед собой ноги, и безмятежно отдыхал. Чаньский учитель Инь-фэн вежливо попросил Ма-цзу убрать ноги, чтобы его телега могла проехать. Тогда Ма-цзу сказал:

— Я только что вытянул ноги и не собираюсь сгибать их.

Но Инь-фэн тоже не собирался сдаваться. Он твердо сказал:

— А я не буду поворачивать обратно и все равно поеду вперед.

¹ У т а й ш а н ь — священная для буддистов гора в западной части Китая, место пребывания бодхисаттвы Маньджушри.

Никто из них не уступал друг другу. Наконец Инь-фэн толкнул вперед свою телегу и повредил ноги Ма-цзу. Ма-цзу быстро вернулся в монастырь, ворвался в монастырский зал, где произносились проповеди, и, размахивая топором, крикнул всей собравшейся братии:

— Пусть тот, кто только что повредил мои ноги, немедленно выйдет вперед!

Тогда чаньский учитель Инь-фэн вышел вперед, встал перед Ма-цзу и подставил под топор вытянутую шею. Тогда Ма-цзу бросил топор на пол и сказал:

— Ты определил свой путь вперед и для тебя нет никаких преград. Теперь ты можешь беспрепятственно пройти в любой мир из трех тысяч большой тысячи миров¹.

Тогда Инь-фэн втянул шею и почтительно поклонился Ма-цзу, простершись перед ним ниц, после чего вышел из зала, двигаясь в согбенной позе. Ма-цзу одобрительно сказал, восхищаясь им:

— Он умеет войти, умеет и выйти. Вот истинный сосуд благой Дхармы!

Поведение последователя чань порой может показаться весьма странным. Почему, толкая телегу, надо было непременно причинить вред ногам учителя? Зачем пострадавший учитель угрожающе размахивал топором? Однако все это выражает изначальный источник отношений учителя и ученика, находящийся в проповеди Учения Будды. Войти — значит определить свой путь вперед. Выйти —

¹ Согласно буддийской космологии, существует неисчислимое количество миров, аналогичных нашему. Тысяча тысяч таких миров образует одну большую тысячу миров.

это значит быть истинным сосудом благой Дхармы. Принцип, выраженный в словах: «Умеет хорошо войти и умеет хорошо выйти», поистине выражает суть чаньского бесстрашия обоих учителей.

ХОЛОДНО ИЛИ ТЕПЛО — МЫ ЗНАЕМ ЭТО НА СОБСТВЕННОМ ОПЫТЕ

冷
暖
自
知

Чаньский Шестой Патриарх великий учитель Хуй-нэн получил Дхарму от Пятого Патриарха Хун-жэня с горы Хуанмэйшань. Получив рясу, патру и печать ума, он бежал в дальние края. Когда об этом стало известно, один последователь чань по имени Чэнь Хуй-мин бросился в погоню за ним. Догнав Хуй-нэна, Чэнь Хуй-мин крикнул ему, что он ищет не рясу Патриарха и не патру, а только Дхарму. Потом он стал просить Хуй-нэна передать ему Дхарму. Хуй-нэн сказал в ответ:

— Значит, ты пришел сюда только за Дхармой. Тогда ты вначале должен отбросить всякую привязанность к вещам внешнего мира и прервать всякую мыслительную деятельность твоего ума. Только в таком случае я проповедаю тебе Дхарму.

Услышав эти слова, Чэнь Хуй-мин пережил великое пробуждение. Однако потом он снова начал просить Хуй-нэна открыть ему некое тайное знание. Тогда Хуй-нэн сказал ему:

— То, что я могу сообщить тебе, отнюдь не есть тайное знание. Если ты можешь обернуться

на себя самого, то ты сам найдешь тайное знание в своем собственном уме.

Услышав это, Чэнь Хуй-мин очень растроганно сказал:

— Я очень долго учился, сидя у стоп великого учителя Хун-жэня, но так и не познал моего собственного изначального облика, а сейчас благодаря твоим указаниям я в совершенстве прочувствовал, что «пьющий воду на собственном опыте знает, горячая она или холодная». Вот и я точно так же теперь познал самого себя.

Хуй-мин обрел пробуждение, услышав слова Шестого Патриарха Хуй-нэна. Но если бы не было многих лет учебы под началом великого учителя Хун-жэня, то разве смог бы он за один день обрести пробуждение? Всякое дерево имеет свой корень, всякая река имеет свой исток. Настоящее мгновение, несомненно, укоренено в историческом процессе, берущем начало в далеком прошлом. Так называемое «созревание причин и условий» как раз и есть то, что ясно видно на этом примере.

ИЗНАЧАЛЬНАЯ ПУСТОТА И ОТСУТСТВИЕ ВСЯКОГО НАЛИЧИЯ

本
空
非
有

Однажды чаньский учитель Фо-инь возшел на алтарное возвышение для проповедования Учения Будды. Великий поэт Су Дун-по¹ пришел послушать наставления учителя. Но присутствующих в храме было очень

¹ Су Дун-по (Су Ши, 1037—1101) — великий китайский поэт. Интересовался буддизмом и практикой чаньского созерцания.

много и не осталось ни одного свободного места. Увидев Су Дун-по, чаньский учитель сказал:

— Людей слишком много и уже не осталось места для такого ученого мужа, как вы.

Су Дун-по немного интересовался чань и быстро сообразил, как надо ответить:

— Раз здесь негде сесть, я использую в качестве сиденья эту мою личность, образованную четырьмя великими первоэлементами и пятью скандхами.

Когда чаньский учитель услышал, что Су Дун-по разговаривает с ним в чаньской манере, он сказал:

— О ученый муж! Я хочу задать вам один вопрос. Если вы ответите на него, то вашим сиденьем станет тело этого старого монаха, а если вы не ответите, то оставите в монастыре в качестве памятного подношения ваш нефритовый пояс.

Су Дун-по был совершенно уверен, что ответит на любой вопрос, и потому легко принял вызов.

Тогда чаньский учитель Фо-инь спросил его:

— Четыре великих первоэлемента в своей основе пусты и пять скандх лишены какого-либо наличия. Позвольте спросить вас, о ученый муж, на чем же вы, в таком случае, собираетесь сидеть?

Су Дун-по в своих словах не учел, что наше тело, составленное из четырех великих первоэлементов, не имеет реальной сущности и пусто по своей природе, а следовательно, на нем никак нельзя сидеть. Поэтому Су Дун-по пришлось пожертвовать монастырю свой нефритовый пояс, передав его чаньскому учителю Фо-иню; этот пояс и сейчас хранится в монастыре Цзиньшаньсы.

ТЫ НЕ ОБЛАДАЕШЬ ПРИРОДОЙ БУДДЫ

你
無
佛
性

Когда чаньский наставник Хуй-лан из Таньчжоу впервые пришел к наставнику Ма-цзу, тот, увидев его, спросил:

— Чего тебе надо?

Хуй-лан:

— Узнать Будду.

Ма-цзу:

— Будда вне знания. Знания — это бесы.

Хуй-лан выслушав поклонился.

Наставник Ма-цзу спросил:

— Откуда ты пришел?

Хуй-лан ответил:

— Из Наньюэ.

Это означало, что он был учеником наставника Шитоу Си-цяня из Наньюэ в Хунани.

В то время Ма-цзу распространял чань в Цзянси, а Шитоу Си-цянь проповедовал учение об уме в Хунани. Поэтому те, кто не учился у Ма-цзу, следовали учению наставника Шитоу. В то время выражение «бродить из Цзянсу в Хунань» было весьма распространено и используется по настоящее время.

Ма-цзу без стеснения сказал:

— Ты пришел из Наньюэ, но не оправдал милосердия Шитоу. Быстрее возвращайся обратно — для тебя нет иного места (кроме Наньюэ)!

Вернувшись к наставнику Шитоу, Хуй-лан обратился к нему за разъяснением:

— Что такое природа Будды?

Шитоу ответил:

— У тебя нет природы Будды.

Хуй-лан с сомнением произнес:

— У всех существ, обладающих душой, даже у червей, она есть. Почему же у меня нет природы Будды.

— Потому что ты не червяк с душой.

— Так что же, у Хуй-лана меньше души, чем у червя?

— Да. Потому что ты боишься ответственности!

Хуй-лан, пробужденный, удалился.

Следующие пути Будды непременно должны испытывать уверенность как в самих себе, так и в том месте, где они практикуются. Некоторые не знают себя и не уверены, в правильном ли месте они практикуются. Они слепо бродят повсюду и, только вернувшись домой, понимают, что «сносили железные подметки, не найдя того, что искали», а то, что нашлось, не стоит потраченного времени.

В нашем мире необходимо в первую очередь быть уверенным в себе, верным себе и своему занятию. Не следует «метаться между Востоком и Западом» только потому, что не удалось достичь сразу высокого положения. Если мы в итоге ничего не добиваемся, то это только из-за страха ответственности.

ПУСТОТА И ФОРМА ИЗНАЧАЛЬНО ОДНО

空
色
本
來
同

Послушник спросил наставника Чжаочжоу:

— Форма есть пустота, пустота есть форма. Как понять эту истину?

Чжаочжоу ответил:

— Послушай одну мою гатху:

Препятствия не в стенах,
Проход не в пустоте.
Если поймешь это,
То пустота и форма изначально одно.

Послушник выслушал гатху, но все равно ничего не понял, и тогда Чжаочжоу опять сказал:

— Природа Будды проявляет себя во всем достоинстве, она пребывает в природе [человека], и имеющему чувства трудно ее увидеть.

Если увидишь, что живые существа не имеют Я,
Разве мой лик не будет похож на лик Будды?

Однако послушник опять ничего не понял и сказал:

— Наставник! Я просил вас объяснить, почему форма есть пустота, а пустота есть форма.

Чжаочжоу, выпучив глаза, закричал:

— Форма есть пустота, пустота есть форма!

Послушник наконец обрел пробуждение.

Все видимые материальные предметы буддизм называет «формами». Формы возникают из совокупности условий и причин (т. е. пустоты). Формы не могут существовать независимо и поэтому не имеют собственной природы, доступной познанию. Это непознаваемое и есть пустота, и по этой причине субстанцией формы является пустота. В этом и заключен смысл того, что «форма есть пустота». Пустота не есть отсутствие, скорее это — пространство, которое объемлет все вещи, поэтому в сутре сказано: «Истинная пустота не препятствует чудесному наличию. Чудесное наличие не препятствует истинной пустоте».

Профаны привержены к представлению о том, что все вещи обладают собственной истинной субстанцией, повсюду сталкиваются с препятствиями и не могут в полной мере осознать феномены (формы) и истинную субстанцию (пустоту). Если однажды удастся осознать, что все дхармы (формы) не имеют Я (пусты), что возникшее из причин (формы) пусто по природе (пустота), то и поймешь, что сознание Будды есть твое сознание, а твое сознание и есть сознание Будды. Поэтому и говорится: «Разве мой лик не похож на лик Будды?»

И-СЮ ЕСТ МЕД 一

Уже когда И-сю был послушником, он обладал могучими чаньскими способностями.

休
吃
蜜

Однажды прихожанин поднес его наставнику сосуд с медом. Наставнику в этот день как раз надо было уходить, и он подумал, что оставлять мед в комнате небезопасно: И-сю мог его тайком съесть. Поэтому учитель позвал И-сю и сказал:

— И-сю! Тут нам принесли бутылку с необычайно сильным ядом — это опасно, смотри ни в коем случае не ешь.

И-сю был очень сообразительным и понял, что имеет в виду наставник. После того как учитель ушел, И-сю съел весь мед, а наевшись, задумался, как же ему избежать гнева учителя. И вдруг ему пришла блестящая мысль — и он разбил стоявшую рядом любимую вазу учителя. Когда учитель вернулся, он застал И-сю лежащим на полу и горько рыдающим. И-сю сказал:

— Учитель! Я совершил непростительный проступок.

— И-сю! Что случилось?

— Учитель! Я разбил вашу любимую вазу.

— И-сю, что ж ты так неосторожен. Как можно было разбить такую драгоценную вазу!

И-сю все продолжал каяться:

— Учитель! Я знал, что нельзя было разбивать вашу вазу, и в знак раскаяния, чтобы вы не гневались, мне осталось только убить себя. И я съел тот яд, что вам сегодня принесли.

Такой способ выразить раскаяние поверг учителя в изумление, и он не знал, смеяться ему или плакать. Если прибегать к чань на пути совершенствования, то можно сделать ум ясным и увидеть собственную природу, но и в других областях жизни чань тоже имеет свое применение. Чань — это мудрость-праджня, мудрость и юмор. Тот способ раскаяния, который придумал маленький И-сю, — разве это не истинный пример чаньского юмора?

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

夜游

В монастыре, где жил наставник Сянь-янь, был некий послушник, который по ночам тайком перелезал через стену и отправлялся веселиться. Сянь-янь ночью, обходя храм, увидел, что у угла стены стоит высокая скамейка, и понял, что кто-то сбежал. Сянь-янь не стал никого будить и убрал скамейку, а сам встал вместо нее, ожидая возвращения послушника.

Возвращавшийся глубокой ночью после гулянки послушник не знал, что скамейка уже убрана,

и, перепрыгнув стену, свалился прямо на голову Сянь-яню. Только упав на землю, послушник увидел наставника и крайне смутился, не зная, что сказать.

Но Сянь-янь вовсе не выглядел обиженным и сказал послушнику:

— Ночью роса, надо поосторожнее. Смотри не простудись, беги оденься побыстрее.

Никто во всем храме не узнал об этом, и Сянь-янь об этом тоже никогда не упоминал, но с тех пор ни один из более чем ста послушников храма не убегал по ночам веселиться.

Лучшее воспитание — это воспитание любовью. Замена поощрением обвинения, заботой наказания, гораздо легче добиться целей воспитания. Наставник Сянь-янь явил высший пример чаньского подхода к воспитанию. Основным принципом чаньского воспитания является милосердие. Даже применяя битье и ругань, воспитатель должен соизмерять свои способности и приводить их в соответствие с методами воспитания милосердием. Родители и учителя должны сперва изучить своих детей и учеников, а затем решить, какой способ образования применить. Доброта, любовь и собственный пример по-прежнему остаются лучшими чаньскими методами воспитания.

ПОСТИЖЕНИЕ КОРНЕЙ

根
源
會

Чаньский наставник Вэньшу Синь-дао в течение долгого времени изучал теорию о том, что «три мира есть лишь ум, все дхармы есть лишь восприятие», но все равно остался

не очень сведущ в вопросах «только-сознания» и поэтому однажды отправился в путешествие в поисках ответов. Прибыв к наставнику Тайпин Фо-цзяню, Синь-дао решил обсудить с ним гуньянь «Дерево во дворе Чжаочжоу». Однако наставник Чжи-цзюэ Те-цзуй, узнав о намерении Синь-дао, резко сказал последнему:

— Покойный наставник не рассказывал такой истории. Не надо распространять ложь о нем.

Синь-дао был этим весьма озадачен, но с течением времени начал понимать и тогда пришел к настоятелю, чтобы обсудить с ним то, что пришло ему в голову. Однако Фо-цзянь, бывший тогда настоятелем, увидев, что некто движется в его сторону, затворил двери.

Синь-дао продолжал громко взывать к нему из-за двери:

— Наставник! Не надо меня обманывать.

Фо-цзянь отозвался изнутри:

— Перед десятью сторонами света нет стен. Что же ты неходишь?

Синь-дао тогда ударом кулака пробил бумажное окно в комнате настоятеля, а тот распахнул дверь, выскочил и свирепо вцепился в Синь-дао с воплем:

— Говори! Говори!

Синь-дао, отгалкивая двумя руками голову Фо-цзяня, сплюнул и произнес:

Чжаочжоу рассказывал о кипарисе в саду.

Эта история известна последователям чань
в Поднебесной.

Но они лишь собирали листья
и искали в ветвях,

держался ни руками, ни ногами. Вдруг он услышал, как кто-то спрашивает его снизу: «В чем смысл прихода Патриарха с Запада?» Если бы монах не ответил на вопрос, то нарушил бы заповедь милосердного просвещения живых существ, но если бы ответил, то, открыв рот, непременно упал бы и убится. Как ему было поступить в этой ситуации?

Собравшиеся некоторое время смотрели друг на друга, не зная, как ответить. Среди монахов был некто по имени Хутоу Чжао, который, увидев, что никто не может ответить, встал и сказал:

— Когда наставник уже на дереве, спрашивать нельзя, надо было спрашивать до того, как он на дерево влез.

Чжи-сянь выслушал его и засмеялся, а затем произнес гатху:

Цыпленок ломает, мать долбит,
Цыпленок понял, что скорлупа мешает.
Мать и сын забыли, как было дело,
но все произошло по закону причин.
Все поют согласным хором,
но лишь один произнес чудесное.

Вопрос Чжи-сяня был весьма странен, на него было трудно ответить. Однако для понимания чань иногда необходимо прямо следовать сути вопроса, а иногда необходимо быть гибким и подвижным в ответах, нельзя так сказать «съесть и не переварить». О смысле прихода Патриарха с Запада следовало спросить, пока наставник был еще на земле, зачем было ждать, когда он залезет на дерево? В чань диалоге, необходимо уловить суть вопроса и не к чему вдаваться в детали. Как сказано о курице и яйце — «Цыпленок ломает, мать долбит» — смысл этого выска-

звания не в долблении или ломании, а в рождении жизни. Последователи чань должны быть озабочены смыслом прихода Патриарха с Запада, а не тем, забрался монах на дерево или нет.

ЧАСТИЧНО СОГЛАСЕН, ЧАСТИЧНО НЕТ

半肯半不肯

Наставник Дуншань Лян-цзе достиг пробуждения под руководством наставника Наньцюань Пу-юаня. В день поминовения своего первого учителя Юньяня Таньшена Лян-цзе постился и совершал приношения учителю.

Послушник спросил его:

— Чего ты достиг под руководством своего первого учителя?

Дуншань ответил:

— Хотя я и был его учеником, он никак меня не просвещал.

Послушник засомневался:

— Если он ничему тебя не учил, за что же ты совершаешь приношения ему и постишься?

Дуншань сказал:

— Как же я могу отвернуться от него?

Послушник вновь сказал:

— Я чего-то не пойму. Ты совершенствуешься здесь, у Наньцюань Пу-юаня. Ради чего же ты по-прежнему почитаешь Юньяня?

Дуншань спокойно ответил:

— Я не почитаю его за мораль или за его учение. Я почитаю его за то, что он не все раскрыл

мне. В одном этом он был добрее ко мне, чем родители.

Послушник продолжал:

— Когда вы совершаете приношения своему наставнику, это означает, что вы следуете его направлению.

Дуншань ответил:

— Частично согласен, частично — нет.

— А почему не полностью согласен?

— Потому что если бы я был полностью согласен, то проявил бы неблагодарность к покойному наставнику.

Наставник Дуншань Лян-цзе обрел пробуждение, созерцая свое отражение в воде вскоре после нирваны своего первого учителя Юньяня. Его стихотворение, сложенное после пробуждения, гласит:

Не ищи в других местах,
 ибо все более отделишься от себя.
Когда я бродил сегодня один,
 повсюду вокруг меня окружали каналы.
Ныне вода в канале — это был Я,
 однако Я не был водой в канале.
Поняв это, я обрел гармонию
 и единство с учителем.

Хотя Дуншань обрел пробуждение после смерти своего наставника, но не забывал его благодеяний и в день его поминовения всегда совершал ему приношения с тем, чтобы поблагодарить учителя за то, что он не все раскрыл ему и дал возможность самому достичь пробуждения.

Если в процессе совершенствования целиком полагаться на учителя, то можно потерять себя. Если же полагаться только на себя, не следуя наставлениям, то как же увидишь луну, если на нее не укажут пальцем? Так что основ-

ной смысл слов Дуншаня о его частичном согласии состоит в том, что учитель может только быть помощником и указывать направление.

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ МУЖИ

善
知
識

Хао-юэ поклонился и спросил Чжаочжоу:
— Все ли добродетельные мужи Поднебесной уже обрели пробуждение?

Чжаочжоу:

— Вы спрашиваете о полной нирване или о том, что они создали возможность обретения нирваны?

Хао-юэ:

— О полной нирване.

Чжаочжоу:

— Благородные мужи еще не обрели ее.

Хао-юэ:

— Почему еще не обрели?

Чжаочжоу:

— Их усилия меньше, чем усилия патриархов древности.

Хао-юэ:

— Если их усилия меньше, чем у патриархов древности, почему же они названы благородными мужами?

Чжаочжоу:

— Прояснить ум и увидеть природу, обрести мудрость Будды — за это тоже можно называться благородным мужем.

Хао-юэ:

Однажды наставник Чжэюань Чжун-син поднес чашку чая своему учителю Дао-у, последний, указав на чашку, спросил:

— Это истина? Или это ложь?

Чжун-син подошел еще ближе к Дао-у и встал напротив него, не говоря ни слова. Дао-у сказал:

— Ложь всегда ложь, правда всегда правда.

Чжун-син кивнул головой в знак того, что понял мысль Дао-у, и сказал:

— Я так не думаю.

Дао-у спросил:

— А как же ты думаешь?

Чжун-син выхватил чашку из рук Дао-у и громко закричал:

— Это истина или ложь?

Дао-у поднял руки и засмеялся:

— Ты достоин следовать за мной.

Чжун-син поклонился наставнику Дао-у.

Спрашивая «правда или ложь», наставник Дао-у имел в виду, что «если злой человек проповедует истинное Учение, то и Учение становится злым, если добродетельный человек проповедует ложное Учение, оно превращается в истинное». Многие из тех, кто день за днем проповедуют Учение, на деле разрушают веру людей, некоторые из тех, кто дерется, орет и ругается, напротив, способны побудить людей обратиться к пути. Когда хороший врач лечит больного, то даже и яд превращается в лекарство. Это и имел в виду Дао-у, говоря, что «ложь всегда ложь, правда всегда правда».

Наставник Син-чжун полагал, что во Вселенной «все дхармы рождаются обусловленно, и обусловленно гибнут». Если это осознать, то не следует исключительно обра-

шаться к уничтожимости дхарм и точно так же нельзя абсолютизировать их постоянство. С этой точки зрения, все — истинно. Если же исключительно полагать, что чашка в руке существует или не существует, то все окажется ложным. В этом смысл встречного вопроса Чжун-сина к Дао-у. Наставник Дао-у был успокоен и обрадован ответом ученика, и они обрели согласие.

ОН УЖЕ ПОБЛАГОДАРИЛ

他
已
謝
過
了

Однажды вечером наставник Ци-ли распевал сутры. В это время разбойник с острым мечом ворвался в дом и, желая испугать наставника, заорал:

— Давай деньги, а то зарежу!

Наставник, не повернув головы, отвечал:

— Не мешай мне. Деньги там в шкафу, возьми сам.

Разбойник забрал все дочиста и уже собрался уходить, когда Ци-ли обратился к нему:

— Все не забирай, оставь мне немного на завтра, купить цветов и фруктов для подношения Будде.

Когда разбойник уходил, Ци-ли сказал ему:

— Деньги забрал и даже спасибо не скажешь?

Позднее, когда разбойник был задержан за другие преступления, полиция при допросе узнала, что в свое время он ограбил Ци-ли. Наставника пригласили на опознание, но он сказал:

— Этот человек не разбойник. Деньги я дал ему сам, и, помню, он меня поблагодарил.

Разбойник был необычайно растроган и, отбив срок, принял обеты у наставника Ци-ли и стал его учеником.

Чаньское воспитание необычайно действенно, с помощью чань можно не только пробудить собственную природу, но и преобразовывать других.

НЕ МОГУ ТЕБЕ РАССКАЗАТЬ

不可
向你
說

Некый послушник собирался посетить наставника Фу-чуаня. По дороге он встретил старого торговца солью и обратился к нему с вопросом:

— Скажи, старик, как пройти к Фу-чуаню?

Ответа долго не было, и послушник повторил вопрос.

Старик:

— Я же ответил тебе, ты что, оглох?

Послушник:

— И что же ты мне ответил?

Старик:

— Объяснил тебе, как пройти к Фу-чуаню.

Послушник:

— А, так ты тоже последователь чань?

Старик:

— Не только чань, я понимаю весь буддизм.

Послушник:

— Ну что, может подискутируем?

Старик ничего не сказал, поставил на плечо корзину с солью и собрался уходить.

Послушник не сдержался и вздохнул:

— Тяжело!

Старик:

— Почему так говоришь?

Послушник:

— Соляной старик!

Старик:

— Зачем ты позвал меня?

Послушник:

— Как тебя зовут?

Старик:

— Я даже не могу сказать тебе, что это соль.

Послушник собирался учиться у Фу-чуаня. Как к нему добраться? И ведь Фу-чуань означает «перевернутый корабль», какая же к нему может быть дорога? Есть разные пути: трудный, легкий, путь Великой Колесницы, путь Малой Колесницы, монашеский и мирской пути. Обычные верующие идут по проторенному пути, но последователи чань «с устремлениями, простирающимися до небес, не желают следовать даже пути Татхагаты». Так что даже и к «перевернутому кораблю» разве не может быть дороги?

ГУСТОЙ БАМБУК НЕ ОСТАНОВИТ ВОДУ

莫
輕
園
頭

Некий послушник собирался попрощаться с наставником Ло-пу и отправиться куда-нибудь еще поучиться чань. Наставник спросил его:

— Здесь повсюду горы, куда же ты собираешься идти?

Послушник ничего не ответил.

Наставник продолжил:

— Если сумеешь ответить в течение десяти дней, то можешь идти куда хочешь.

Днями и ночами послушник размышлял, пока наконец не встретил в саду наставника Шань-цзина, который был главным огородником монастыря. Шань-цзин спросил послушника:

— Слышал, что ты уже расстался с нами и отправился в дальние края. Почему же ты все еще здесь?

Послушник рассказал Шань-цзину историю о том, что велел сделать ему наставник Ло-пу, прежде чем ему, послушнику, будет позволено уйти. Наставник Шань-цзин сказал послушнику:

— Я могу подсказать тебе ответ, но ни в коем случае не признавайся наставнику, что это мои слова.

Услышав это, послушник обрадовался и стал горячо говорить:

— Конечно, конечно. Пожалуйста, сообщи мне ответ!

Шань-цзин медленно, слово за словом произнес:

— Даже густой бамбук не задержит течение потока, даже высокая гора не закроет путь облакам.

Когда наставник Ло-пу выслушал этот ответ от послушника, то спросил:

— Кто научил тебя так говорить?

Послушник ответил:

— Это мои слова.

Наставник Ло-пу вытаращил глаза и закричал:

— Не верю!

Послушнику ничего не оставалось, как признать правду. В тот день вечером наставник Ло-пу поднялся в зал и объявил:

— Не считайте старшего огородника глупцом. Придет день, и пред его помостом будут стоять пятьсот учеников.

Впоследствии, когда Шань-цзин проповедовал в других местах, у него действительно было пятьсот последователей.

Истинный человек не всегда внешне заметен. В чаньских монастырях многие из тех, кто поддерживает огонь, носит воду, варит рис и исполняет другую неприятную работу, оказываются способны в процессе работы реализовать свой изначальный облик, но по-прежнему скрывают его, и никто не знает о том, что они уже обрели свою истинную природу. «Нет почетной и презренной работы, есть лишь разница в познании пути». В этом надо быть уверенным.

ЧАНЬ — ЭТО НЕ ВЕЩЬ 禪非一物

Однажды наставник Шитоу спросил наставника Бао-туна:

— Ты последователь чань или просто бродячий монах?

Бао-тун:

— Я — чаньский монах.

Шитоу:

— А что же такое чань?

Бао-тун:

— Поднимать брови и моргать.

Шитоу:

— Оставь это и расскажи-ка мне о своем изначальном облике.

Бао-тун:

— Сначала попросил бы уважаемого наставника не поднимать брови и не моргать.

Шитоу:

— Я же не собираюсь оценивать тебя по тому, как ты моргаешь и поднимаешь брови.

Бао-тун:

— Я уже объяснил тебе чань, и ты уже его видел.

Шитоу:

— Кроме подъема бровей и моргания, есть ли разница между моим и твоим умом?

Бао-тун:

— Твой ум и мой ум не отличаются от чаньского сознания.

Шитоу:

— Это нас не касается.

Бао-тун:

— Это нас касается.

Шитоу:

— Чань — это не вещь.

Бао-тун:

— Любая вещь — это чань.

Шитоу:

— Истинный чань — это не вещь, и никакую вещь нельзя познать. Если смысл твоих рассуждений таков, как я понял, тебе необходимо лучше защитить себя.

Чань — это нечто активное и динамичное. Лишь только сможешь в процессе созерцания осознать пустую природу всех дхарм, то и в повседневной жизни увидишь, что «побеги бамбука — это чудесная истина, ароматные цветы — не что иное, как мудрость-праджня». Поэтому сидеть, ходить, стоять, лежать — все это чань, поднимать брови и моргать — это тоже чань. Если это осознано в сердце, то зачем нужны слова?

Бао-тун не выдержал настойчивых вопросов Шитоу и в конце концов сказал, что чань не есть вещь, но любая вещь есть чань. В «Алмазной сутре» сказано: «Все дхармы,

о которых говорил Татхагата, нельзя воспринять и нельзя выразить. Это не дхармы [пусты по природе] и не не дхармы, [ибо нет приверженности к пустой природе]». Поэтому Шитоу и побуждал Бао-туна уделять больше внимания своей защите (созерцанию) и продолжать медитировать.

КТО-ТО ЗАБРАЛ

被人借去了

Два послушника из одного монастыря долго не виделись. Однажды они встретились, и тот, кто жил на верхнем этаже, обратился к тому, кто жил на нижнем, с вопросом:

— Давно не виделись, чем ты занимался?

Обитатель нижнего этажа ответил:

— Я строил пагоду без щелей.

Услышав это, послушник с верхнего этажа обрадовался и сказал:

— Я тоже собираюсь строить такую пагоду, не мог бы ты одолжить мне свою посмотреть, как она выглядит?

Второй послушник воскликнул:

— Как скверно! Что же ты раньше мне не сказал. Мою пагоду без щелей уже забрали.

Послушник с верхнего этажа уверенно сказал:

— Ничего страшного. Посмотрю на тебя и хватит.

— Посмотрю на тебя и хватит — природа живых существ и есть пагода без щелей. Кроме совершенной природы дхарм, разве есть еще какая-нибудь пагода без щелей?

Реликвии Дхармового Тела Будды есть полное проявление природы пробуждения Будды. Этими реликвиями являются сутры Будды, которые представляют собой учение, возникшее из осознания Буддой природы дхарм. Это учение также называется Дхармовым Телом или реликвиями (проявлениями) Дхармового Тела. Поэтому в сутре сказано: «Повсюду, где есть сутры, есть пагоды (вместилища реликвий Будды)».

Послушник с нижнего этажа реализовал безграничное Дхармовое Тело, поэтому он и узнал о пагоде без щелей, о том, что следует безграничной пагодой почитать Дхармовое Тело Будды. Однако подобное пробуждение нельзя имитировать, его можно лишь пережить. Отдать его никому нельзя, нельзя его выучить — поэтому монах с нижнего этажа и сказал, что его пагоду унесли. Однако истинную природу нельзя и забрать, и монах с верхнего этажа точно это знал.

Совершенствоваться можно только самостоятельно, опираясь на собственные силы, а если подражать кому-либо, то будешь подобен попугаю, который может говорить, но не понимает смысла слов.

Сын Будды Тянь-жань

佛
子
天
然

Ученик наставника Син-сы¹ Данься Тянь-жань первоначально готовился отправиться в столицу сдавать экзамены на чиновничью должность. Некто сказал ему:

¹ Цинъюань Син-сы — ученик Хуй-нэна, основатель направления Цинъюань.

— Разве стать чиновником лучше, чем стать Буддой?

Данься спросил:

— Где можно стать Буддой?

Ему ответили:

— В Цзянси у великого наставника Ма-цзу неплохое место.

Тянь-жань отправился к Ма-цзу и, увидев его, сложил ладони на голове в знак того, что хочет стать монахом. Ма-цзу обратился к нему со словами:

— Тебе следует быть не здесь у меня, а у наставника Шитоу.

Тогда Данься отправился к наставнику Шитоу Си-цяню. Шитоу, как только увидел его, сразу же послал его на работу. Однажды Шитоу заставил монахов косить траву перед залом для медитаций. Данься вымыл голову и, взяв острый нож, встал на колени перед Шитоу. Шитоу понял его намерение и, взяв его нож, обрил ему голову. Так Данься стал монахом.

После этого Данься вновь отправился к Ма-цзу. Придя в его монастырь, он не пошел в гостевой зал, а отправился прямо в зал для медитаций и уселся на статую Бодхидхармы. Увидев это, другие монахи решили, что это какой-то странствующий монах, неизвестно откуда и с дурным поведением, и сразу же сообщили Ма-цзу. Однако Ма-цзу, увидев Тянь-жаня сидящим на статуе Бодхидхармы, обрадовался и воскликнул:

— Мой сын Тянь-жань!

¹ Тянь-жань означает естественность, нескованность условностями.

Увидев наставника, Данься спрыгнул со статуи и поклонился ему. С этого времени его стали называть Тянь-жань.

Тот, кто жег статую Будды вместо дров, да еще говорил при этом, что ищет реликвии Будды — это как раз и был наставник Данься Тянь-жань.

Среди последователей Будды есть те, кто, раз услышав учение, сразу же обретают пробуждение, а некоторые стараются всю жизнь, но так и не могут его достичь. Это связано с заслугами в предыдущей жизни, поэтому быстрота обретения пробуждения не связана с различием в уме и мудрости, наблюдаемым в настоящей жизни.

Буддист должен подражать Данься Тянь-жаню — не упускать сложившихся благоприятных условий, но и не гнаться за быстрым результатом. Путь Бодхисаттвы требует бесчисленных кальп, и только после этого обретаются настоящие корни мудрости.

НАИВЫСШЕЕ УЧЕНИЕ 說

Однажды наставник Фо-гуан обратился к своим послушникам со следующим гунь-анем:

— В древности дороги освещались бумажными фонарями, внутри которых горели свечи. Однажды один слепец отправился в гости к своему приятелю, и когда они расставались, его друг дал ему фонарь, чтобы слепцу было светлее идти домой.

Слепец поблагодарил своего друга за доброту, но отказался от фонаря со словами: «Мне не нужен фонарь — ведь для меня нет разницы — светло или темно». Друг объяснил ему: «Я знаю, что

說
究
竟
法

тебе нет нужды в фонаре, но ты все же возьми его, а то в темноте на тебя кто-нибудь может налететь».

В этих словах был смысл, так что слепец взял фонарь и отправился домой. Однако не успел он отойти далеко, как на него налетел прохожий. Слепец в гневе вскричал: «Куда идешь? Что, не видишь моего фонаря?» Прохожий извинился и сказал: «Братец! У тебя ведь свеча потухла». Слепой ответил: «Это у тебя мозги потухли, причем здесь моя свеча?»

Для того, кто узрел собственную природу, не существует разницы между сиянием мудрости и мраком неведения. Заблуждения и неведение могут причинить страдания, но разве сияющее солнце не обжигает? И все равно, что может помешать прибегнуть к искусству милосердия и поднять фонарь (факел мудрости) с тем, чтобы просветить сердца живых существ?

С безначальных времен живые существа необычайно глубоко привержены собственному Я и пребывают в постоянном мраке чередующихся рождений и смертей. Хотя у них есть глаза, но они не видят прохожих на дороге — разве причина этого в том, что у слепого потухла свеча? Просто люди излишне доверяют глазам и не следуют сердцу — тухнет свеча сердца — разве это не более прискорбно? Так и те, кто не понял Дхарму Будды, создают о ней ложное представление, хулят Три Драгоценности — такие люди подобны тем зрячим, которые, столкнувшись на дороге со слепцом, обвиняют его в том, что он не зажег свечу.

В одном хранилище буддийских текстов был монах, который ничего не читал, но целыми днями предавался созерцанию. Главный хранитель спросил его:

— Вы каждый день созерцаете, а почему не читаете сутр?

Созерцатель искренне ответил:

— Дело в том, что я не умею читать.

Хранитель сказал:

— Почему бы вам не попросить кого-нибудь научить вас?

Монах ответил вопросом:

— А кого надо попросить?

Хранитель, не смущаясь, сказал:

— Можете меня попросить.

Созерцатель встал, поклонился и сложив ладони спросил:

— Скажите, пожалуйста, что это такое?

Хранитель, услышав это, не нашелся, что ответить. Ведь «это» означает истинную природу, а что же это такое?

Чань не устанавливает письменных знаков потому, что письменные знаки и речь не в состоянии выразить изначальный облик истинной реальности собственной природы. Шестой Патриарх Хуй-нэн в начале своего пути, когда он еще не прибыл в Хуанмэй, мог слушать чтение сутр и разъяснение смысла писаний, но тогда он не смог исполнить собственного предназначения. Когда же он прибыл к Пятому Патриарху, то все время был занят работой на мельнице, не читал сутр и не слушал объяснений, но в конце концов смог реализовать собственную природу. Из этого видно, что пробуждения можно достичь не только из чтения текстов.

Созерцатель из хранилища сутр не читал, но был способен к истинной практике совершенствования и поэтому каждый день предавался созерцанию. Хранитель из милосердия побуждал его к чтению, так что у созерцателя не было выбора, как только обратиться к пути пробуждения, с тем чтобы продемонстрировать ограниченность воззрений хранителя. Чань не ограничен писаниями — только через непосредственное переживание можно реализовать свой изначальный облик.

ГДЕ НАЙТИ ПОКОЙ?

安
住
何
處

В период династии Тан наставник Данься решил отправиться поклониться наставнику Ма-цзу. По дороге он встретил совершенно седого старца, которого сопровождал юноша. Увидев благородство осанки старца Данься, приблизился и почтительно спросил:

— Где вы живете, господин?

Старец провел рукой сверху вниз и сказал:

— Наверху небо, внизу земля.

Это означало, что его дом весь мир. Данься показалось, что он уловил слабинку старика, и поэтому он спросил:

— А если небо упадет, а земля расколется?

Он имел в виду, что случится со стариком, если Вселенная исчезнет? Старец высоким голосом воскликнул:

— Синее небо! Синее небо!

Он имел в виду, что Вселенная проходит четыре стадии существования: становление, пребывание, разрушение и гибель.

Юноша только выдохнул:

— Ху-у-у.

Этим он подразумевал, что местопребывание собственной природы не подвержено рождению и смерти.

Данься одобрительно воскликнул:

— Каков отец, таков и сын!

Старик и юноша отвернулись и скрылись в горах.

Где же мы должны пребывать? Наставник Цы-кан говорил: «Если ум пробужден, то безразлично, где жить — на Юге, Севере, Западе или Востоке». Поэтому — небо вверх, земля вниз, нигде нет дома и повсюду как дома.

Миряне же пребывают в приверженности к заслугам, славе, власти и богатству. Все эти вещи постоянно изменяются, разве они могут быть безопасным и спокойным прибежищем? «Бодхисаттва, как прохладная луна, парит в неизмеримой пустоте». На первый взгляд, Луна в небе ни на что не опирается, казалось бы, это нестабильное положение. Однако на деле это самое безопасное положение. Именно потому, что бодхисаттва пребывает в мудрости собственной природы и преодолел все препятствия, он обладает наивысшей свободой.

КОМНАТА С ШЕСТЬЮ ОКНАМИ

一
室
六
窗

Однажды наставник Яншань спросил наставника Хун-эня:

— Почему мы не можем быстро осознать собственную природу?

Хун-энь ответил ему:

— Я приведу тебе пример: предположим, в комнате шесть окон и обезьяна. Обезьяна непре-

рывно бегают по комнате, в то время как пять других обезьян гоняются за ней со всех сторон, оставаясь снаружи. Так что в любом из шести окон всегда есть обезьяна, так что той обезьяне, что внутри комнаты, нелегко догадаться, когда она видит себя в отражении на стекле, а когда — других.

Яншань выслушал и понял, что наставник Хун-энь имел в виду то, что мы, пребывая внутри шести восприятий (зрительного, слухового, обонятельного, осязательного, вкусового и интеллектуального) устремляемся за шестью внешними объектами (материальным, звуком, запахом, вкусом, ощущением и дхармами). Восприятия и объекты приводят друг друга в движение, непрерывно опутывают один другого в путы, водят хоро-вод, как звезды в небе. Как же в таких условиях быстро узнать свою истинную природу? Поэтому Яншань поклонился Хун-эню и с благодарностью сказал:

— Благодарю за объяснение. Однако если обезьяна внутри уснет, что же сделают те, кто остался снаружи, если они пожелают увидеть ее?

Хун-энь встал с ложа, взял Яншаня за руку и, покачивая ею, сказал:

— Чтобы вороны и воробьи не клевали злаки, на полях устанавливают чучела. Если деревянная фигура смотрит на цветы и птиц, то что же случится с окружающими ее вещами!

Выслушав это, Яншань обрел пробуждение.

Почему мы не можем осознать собственную природу? Главным образом потому, что наше истинное сознание

окутано пылью подобно зеркалу, на которое села пыль и скрыла его блеск, — разве может оно проявить свою способность к сиянию? Когда истинный ум скрыт, то ум, охваченный иллюзиями, становится хозяином, постоянно следует за внешними объектами — это называется «вести себя как обезьяна или лошадь». Человеческая субстанция — это как деревня: хозяева заключены в темницу, а шесть разбойников (органы чувств) захватили имущество, предаются пороку, следуют за шестью видами пыли (объекты восприятия). Человек — как деревня или комната с шестью окнами, где же ему найти успокоение?

ЕДА И ОДЕЖДА

穿衣吃飯

Некто спросил наставника Мучжоу: — Нам приходится есть и одеваться каждый день — это поистине весьма утомительно. Есть ли какой-нибудь способ избежать этого?

Мучжоу ответил:

— Мы тоже едим и одеваемся.

— Не понял.

Наставник Мучжоу отрезал:

— Если не понимаешь, так давай дальше ешь и одевайся!

Чудесное применение чань как раз и состоит в том, о чем чаньские учителя говорят: «У тебя нет посоха, я дам тебе; у тебя есть посох, я его у тебя отниму!»

Чань вовсе не означает отхода от жизни — людям необходимо есть и одеваться; после обретения состояния Будды эта необходимость по-прежнему сохранится. Разница состоит лишь в том, какое значение придают разные

люди одежде и пище и какие чувства по отношению к ним испытывают. Как говорится: «Луна за окном всегда одна и та же, но в цвету слив она другая».

ВСЕ АРОМАТЫ В ОДНОМ

百味具足

Наставник Юньянь Тань-шэн пришел к наставнику Яошаню и последний спросил:

— Откуда ты явился?

Тань-шэн:

— От Байчжана Хуай-хая.

Яошань:

— Ну, и чем тебя просвещал Байчжан?

Тань-шэн:

— Он часто говорил, что есть фраза, содержащая все ароматы и вкусы.

Яошань:

— Соленое — соленое, пресное — пресное, не соленое и не пресное — это нормальный вкус. Что значит все вкусы в одном?

Тань-шэну нечего было ответить.

Яошань:

— У меня тоже есть одна фраза: Что ты сделаешь в это мгновение с жизнью и смертью?

Тань-шэн:

— В это мгновение нет жизни и смерти.

Яошань:

— Сколько ты пробыл у Байчжана?

Тань-шэн:

— Двадцать лет.

— За двадцать лет так и не избавился от мирских взглядов.

Спустя некоторое время Яошань опять спросил:

— Кроме всех вкусов в одной фразе Байчжан еще чему-нибудь учил?

— Иногда он произносил три фразы, но заставлял нас заучивать шесть.

— Нас разделяет три тысячи ли, и я счастлив, что мы не общаемся, — сказал Яошань.

С радостным выражением на лице Яошань продолжил расспросы:

— А еще что он говорил?

— Иногда поднимался в зал, когда все созерцали, и посохом всех разгонял, а потом созывал обратно. При этом ничего не объяснял, но, напротив, сам спрашивал: «Что это?»

Яошань:

— Что же ты раньше не сказал! Через твои слова я смог наконец встретиться с братом Хуай-хаем.

После этих слов Тань-шэн обрел пробуждение.

Чтобы узнать человека, необходимо длительное время, многие годы и месяцы. Нужно узнать о его делах, затратить определенное усилие. Двадцать лет — не долгий срок, три тысячи ли — не расстояние, лишь сказав о том, о чем не говорится, можно узнать Байчжана Хуай-хая — это и есть «сто вкусов в одной фразе».

Во время полковых учений офицеры решили, что наиболее скрытным было бы расположение частей в храме, где пребывал наставник Эшань, и потребовали от монахов трехразового питания. Эшань объявил монахам:

— Приготовьте им то же, что мы сами едим. Нам надо с ними установить хорошие отношения.

Поскольку солдатам дали вместо рыбы и мяса овощей, они, естественно, не наелись и рассердились. Один офицер, указывая на наставника Эшаня, закричал:

— За кого ты нас принимаешь?

Эшань спокойно ответил:

— Я отношусь к вам так же, как к своим людям.

— Как же ты посмел накормить нас овощами и редиской — едой простолюдинов?

Наставник спокойно объяснил:

— Овощи и редиска — действительно пища простых людей, поэтому она не может надоесть.

Офицер гневно выкрикнул:

— Ты кем нас считаешь? Мы — солдаты родины, не жалея крови и самой жизни противостоим врагу!

Эшань тоже не сдержался и воскликнул:

— А ты кем нас считаешь? Мы — посланцы истины, мы отказались от всего, чтобы спасти людей.

Вклад людей религии в мир и счастье людей неизмеримы. В настоящее время мир переполнен различными ката-

строфами, терроризмом, угрозой войны, ум людей пребы-
вает в смуте. На мир легла тень смерти. Если бы не было
религиозных сил, вносящих успокоение в сердца, то обще-
ство было бы еще в большей опасности.

Монахи отказываются от любви и родственных уз для
того, чтобы не прервалась нить истины, чтобы дать опору
человеческому духу. Они самоотверженны, довольствуют-
ся малым — не каждому это под силу. Поэтому в старину
говорили: «Уйти в монахи — дело для великого мужа, не
всякий министр или генерал способен на это».

НИ ЭХА, НИ ЗВУКА

無
響
無
聞

Однажды Хао-юэ обратился с вопросом к
Чжаочжоу:

— Что такое дхарани (заклинание)?

Чжаочжоу ничего не сказал, но протянув
руку, указал на правую сторону своей по-
душки для созерцания.

Хао-юэ:

— Это?

Чжаочжоу:

— Думаешь, это не дхарани? Монахи воспева-
ют это?

Хао-юэ:

— А что-нибудь еще монахи воспевают?

Чжаочжоу указал на левую сторону своей по-
душки.

Хао-юэ:

— Это?

Чжаочжоу:

— А разве нет? Монахи и это тоже воспевают.

Хао-юэ:

— А я почему не слышу?

Чжаочжоу:

— Разве почтенный не знает, что истинное песнопение не имеет звука, истинное слышание не подразумевает слушания.

Хао-юэ:

— Значит, звук не относится к природе мира дхарм?

Чжаочжоу:

— Стремление увидеть что-либо помимо зримого — ложное воззрение, стремление услышать что-либо помимо звука — ложный слух.

Хао-юэ:

— Как добиться истинного видения, не отказываясь от видимого, как добиться истинного слуха, не отказываясь от звука?

Чжаочжоу сложил гатху:

То, что наполняет зрение, — не есть форма,
то, что наполняет слух, — не есть звук.

Маньджушри — в наших глазах,

Гуань-инь — в наших ушах.

Три начала¹ — суть одно,

четыре стадии² — одинаково истинны.

Во всеобъемлющей природе мира дхарм,

нет различий между человеком

и Буддой.

Обычно люди стремятся через повторение заклинаний достигнуть состояния Будды — так действовал Хао-юэ, не

¹ Три начала — тело, речь и мысль.

² Четыре стадии — возникновение, существование, упадок и гибель.

понимая, что форма и звук одинаково пусты. Хотя Чжаочжоу и объяснил ему, что смысл всех дхарани в том, что пустота есть форма, Хао-юэ все равно не обрел понимания, полагая, что звук не относится к природе мира дхарм. Как же ему было знать, что природа мира дхарм проявляет себя через видимые формы. Как говорится: «Дхарма Будды принадлежит миру, пробуждение обретается в миру. Стремиться к пробуждению вне мира (вне формы и звука и др.) — все равно что искать рога у зайца».

ЛУЧШЕ НИЧЕГО, ЧЕМ ХОРОШО

好事不如無事

Однажды наставник Чжаочжоу Цун-нянь предложил послушникам поразмыслить над выражением:

— Будда есть аффект, аффект есть Будда.

Послушники не поняли смысла этого выражения и попросили Чжаочжоу объяснить его. Они спросили:

— Для кого Будда является аффектом?

Чжаочжоу Цун-нянь ответил:

— Для всех живых существ.

Послушники:

— Как избежать этого аффекта?

Чжаочжоу строго спросил послушников:

— А зачем избегать аффектов?

Однажды Чжаочжоу Цун-нянь увидел, как ученик Вэнь-янь поклоняется Будде и, ударив Вэнь-яня посохом, спросил:

— Ты чем занимаешься?

Вэнь-янь ответил:

- Поклоняюсь Будде.
 Чжаочжоу сурово спросил:
 — А разве Будде следует поклоняться?
 Вэнь-янь ответил:
 — Поклоняться Будде хорошо.
 Чжаочжоу Цун-нянь сказал:
 — Хорошо хуже, чем ничего.

Аффекты — это болезнь, Путь Будды — это тоже болезнь, так разве Будда и бодхисаттвы больны? Нет! Будда и бодхисаттвы больны из-за всех живых существ. Будда родился в нашем мире, Гуань-инь преобразует море страданий, Ди-цзан принял обет не становиться Буддой, пока ад не опустеет — почему же Будды и бодхисаттвы должны быть избавлены от страданий, изнуряющих живые существа.

Хотя поклоняться Будде хорошо, не следует быть приверженным к этому «хорошему» — заслугам. Недеяние — вот что действительно хорошо.

НЕ ПОНИМАЕШЬ ДХАРМАКАЮ

不
識
法
身

Однажды настоятель Фу из Тайюани был в храм Гуансяосы и прочитал там проповедь по «Нирвана-сутре». Когда он говорил о трех добродетелях Дхармакаи и ее чудесном принципе, некий монах из присутствовавших на проповеди рассмеялся. Закончив проповедь, настоятель Фу пригласил этого монаха выпить с ним чаю.

— Мое понимание буддизма основывается главным образом на текстах, и я сознаю, что мое понимание недостаточно. Очевидно, это и вызвало ваш смех. Надеюсь, что из милосердия вы можете мне своими указаниями.

— Когда вы, настоятель, говорили о трех проявлениях Дхармакаи, у меня создалось впечатление, что вы не понимаете, о чем говорите.

Настоятель:

— Что же неправильного я сказал?

Монах:

— Повторите, пожалуйста.

Настоятель:

— Истина Дхармакаи в том, что она подобна пространству, вертикально объемлет собой прошлое, настоящее и будущее, горизонтально охватывает десять сторон света, заполняет собой восемь пределов и включает в себя Небо и Землю. Дхармакайя следует всем воздействиям и объемлет собою все.

Монах:

— Я ведь не сказал, что вы говорите неверно, вы просто не понимаете чудесной функции и субстанции Дхармакаи.

Настоятель:

— Раз так, будьте столь милосердны, объясните мне.

Монах:

— А вы поверите мне?

Настоятель:

— А почему я должен не верить?

Монах:

— Ну тогда с сегодняшнего дня прекратите читать лекции и проповеди, предавайтесь спокойно-му размышлению, соберите воедино свои мысли и отбросьте все хорошие и дурные воздействия.

Настоятель так и поступил и стал каждый день предаваться умиротворенному созерцанию с вечера до самого рассвета. Однажды, услышав звук барабанов и горнов, он обрел пробуждение и постучал в дверь давешнего монаха.

Монах:

— Я наставлял тебя в понимании Великой Дхармы, что ты врываешься ночью, как пьяный гуляка?

Настоятель:

— Сегодня я понял, что раньше в своих проповедях я слишком придерживался слов — как будто бы слишком сильно выкручивал носы своим родителям, так что и сам не был свободен. Отныне не осмелюсь более обращаться к словам.

Настоятель прекратил выступать с проповедями и отправился в странствия. В конце концов он приобрел известность.

Дхармакая есть проявление истины. Это и есть наш начальный облик. Чтобы разъяснить Дхармакаю, учителя древности часто прибегали к сравнениям: нирвана, истинная реальность, собственная природа, истинное свойство, праджня, Вместилище Так Приходящего, путь недвойственности. Все эти понятия означают Дхармакаю.

Дхармакаю нельзя понять, ее можно только пережить в качестве собственной природы. Как говорится, Дхармакая постигается постепенно; преодолевая немного неведения и приверженности к свойствам, тем самым постигаешь немного Дхармакаи.

Некий послушник отправился поклониться наставнику Юэ-си и спросил его:

— Я изучаю буддизм и конфуцианство уже двадцать лет, но совершенно незнаком с чань. Не могли бы вы просветить меня?

Юэ-си ничего ему не ответил, а только залепил послушнику пощечину. Тот был настолько поражен, что сразу же выбежал из зала. Послушник подумал:

— Да уж, такому действительно нет названия. Удивительное дело, надо будет поговорить с наставником.

Выходя из зала, сердитый послушник налетел на старого монаха-настоятеля, который, увидев на лице послушника выражение гнева и растерянности, по-доброму обратился к нему:

— Что случилось? Пойдем выпьем чаю. Что может рассердить того, кто взывает пути?

За чаем послушник рассказал, как был незаслуженно избит наставником Юэ-си. Покуда послушник рассказывал, старший монах неожиданно тоже залепил ему пощечину. Чашка выпала из рук послушника и ба-бах — разбилась. Старый монах сказал:

— Ты вот говоришь, что знаешь и буддизм и конфуцианство, не знаешь только чань. Вот я и преподавал тебе чаньский урок. Знаешь, что такое чань?

Послушник совершенно онемел от удивления и гнева и не знал, что отвечать. Старый монах еще

несколько раз спросил его, но так и не добился ответа. В конце концов старый монах сказал:

— Ну ладно, извини. А теперь взгляни на путь чань.

С этими словами он собрал осколки чашки и вытер мокрый пол тряпкой.

— Кроме этого нет иного пути чань! — сказал старый монах.

Послушник наконец осознал, что путь чань пребывает в нем самом. С тех пор он следовал наставнику Юэ-си.

В чань наставление часто предполагает битье и ругань учащегося, хотя в действительности доброта и милосердие чаньских учителей не имеют ничего общего с настоящими бранью и битьем. Суровые речи, ругань и битье, исходящие от наставника, оказываются путем чань. Причина этого — в гибкости и открытости чань, в стремлении во что бы то ни стало позволить ученику глубоко ощутить его сущность. Например, чаньский наставник способен изменять свое поведение, он может разбить чашку, но сам же может и подобрать осколки, может пролить воду, но сам же вытерет пол. Разве этого не достаточно для осознания пути?

РАСКАЯНИЕ ЗА СЕБЯ И ДРУГИХ

自
懺
懺
他

Верующий обратился с вопросом к наставнику Пу-цзяо:

— Путь раскаяния предназначен только для себя? Или и для других также? Если для себя, то откуда происходит моя злая природа. Если для

других, то ведь они не Я, как же мне за них раскаяться?

Наставник Пу-цзяо не знал, как ответить на этот вопрос, и поэтому отправился в странствия в поисках решения. Однажды он прибыл к наставнику Ле-таню. Как только он переступил порог, наставник Ле-тань вдруг выкрикнул:

— Ха!

Хотя Пу-цзяо не понял смысла этого «ха!», но поскольку он прибыл в поисках пути, то должен сначала заявить о том, зачем он пришел. Откуда было ему знать, что как только он откроет рот, наставник Ле-тань угостит его своим посохом.

Пу-цзяо не знал причины этого, ему оставалось только терпеть. Через несколько дней Ле-тань обратился к нему:

— У меня есть один древний гунъань. Я хотел бы побеседовать о нем с тобой.

Только Пу-цзяо собрался открыть рот, чтобы выразить согласие, как наставник Ле-тань выкрикнул:

— Ха!

Услышав это «ха!», Пу-цзяо вдруг обрел пробуждение и, не сдержавшись, громко рассмеялся. Ле-тань сел на циновку и, взяв Пу-цзяо за руку, спросил:

— Ты понял Дхарму Будды?

Пу-цзяо выкрикнул: «Ха!» — и оттолкнул руку Ле-таня.

Наставник Ле-тань рассмеялся.

Что касается раскаяния, то у него много уровней: раскаяние дхармы, раскаяние в добродетели, нерожденное

раскаяние и другие. В гатхе сказано: «Преступление возникает из сознания, и сознанию следует раскаяться. Если иллюзорное сознание уничтожено, исчезает и преступление. Сознание исчезло, исчезло и преступление — оба они пусты — это и называется истинным раскаянием». Раскаиваясь за себя, раскаиваешься и за других, раскаиваясь за других, раскаиваешься и за себя. Ты и другой недвойственны, вещи и принцип — одно. Так зачем разделять себя и другие живые существа.

Говоря о злой карме, мы имеем в виду, что внешне существует преступление и его карма, а за кармой следует воздаяние. На уровне изначальной собственной природы откуда взяться условному наименованию злой кармы? Восклицание «ха!» — это добро или зло? Это временно или постоянно? Это ты или другой? В отношении высшей истины нет никакого разделения и различия между живыми существами.

СВЕЧА СЧАСТЬЯ

炷
香
增
福

Первый министр Пэй Сю, живший в период Тан, был искренним буддистом. Его сын Пэй Вэнь-дэ в юном возрасте достиг вершин ученой карьеры и был назначен императором в Академию Ханьлинь — высший ученый орган Китая. Однако Пэй Сю не хотел, чтобы его сын столь рано поднялся к вершинам карьеры, и поэтому отправил его учиться в буддийский монастырь, потребовав, чтобы его сын занимался в храме тяжелой работой на кухне. Так что молодой и самоуверенный академик целыми днями носил в храме воду и рубил дрова. Он

очень уставал, и сердце его было омрачено, и он постоянно злился на отца, отправившего его в отдаленный храм, так сказать, работать лошадью и коровой. Но приказа отца послушаться нельзя, и Пэй Вэнь-дэ, скрыв свои гнев и досаду, провел в храме некоторое время, пребывая в унынии. Однажды он не выдержал и злобно произнес:

— Академик надрывает спину и истекает потом, все таскает и таскает воду в этот храм. Интересно, как эта водичка кажется монахам на вкус?

Настоятель храма наставник У-дэ услышал эти слова, улыбнулся и сложил небольшое стихотворение:

Я, монах, зажгу свечу,
все зерно на свете проглочу.

Пэй Вэнь-дэ был поражен улышанным и с этого времени стал более сосредоточенным и дисциплинированным, весь отдался труду.

Великий человек не только пребывает в лучах славы и почитания, чаньские же монахи занимаются самыми презренными видами труда, изнуряя свое тело, укрепляются в своей решимости и воле.

Конфуцианцы говорят: «Если Небо собирается дать этому человеку высокое предназначение, то сначала непременно испытает его волю, изнурит его кости, подвергнет тело голоду и болезни». Буддизм гораздо более суров в отношении физического изнурения. Однако этим создаются условия для последующего достижения счастья и заслуг, и таким образом физические усилия относятся к непостоянным мирским дхармам. Все это не сравнится с тем, что, зажигая свечу, чаньский монах способен своим умом охватить десять сторон света и прошлое, настоящее и будущее. Ум чаньского монаха приходит в соответствие с

постоянными дхармами — истинной реальностью. И это действительно так: «Я, монах, зажгу свечу, / все зерно на свете проглочу».

НЕТ СВЯЗИ С БУДДОЙ

與
佛
無
緣

Один необычайно искренний верующий однажды попал в наводнение. Ему ничего не оставалось, как укрыться от воды на крыше дома. Но вода все прибывала, так что уже достала ему до ног. Верующий взмолился:

— Милосердная Гуань-инь, спаси меня!

Через некоторое время он увидел, что некий туземец на каноэ подплывает к нему, чтобы спасти его. Верующий сказал ему:

— Мне не нужно, чтобы меня спасал какой-то горец, меня спасет Гуань-инь.

Туземцу на каноэ ничего не оставалось, как только покинуть его, вода меж тем продолжала прибывать и дошла уже до пояса. Верующий взмолился:

— Гуань-инь, пожалуйста, побыстрее спаси меня.

Тут подплыла моторная лодка, и сидевшие в ней предложили перевезти его в безопасное место. Он отказался со словами:

— Я всю жизнь не любил механистическую цивилизацию. Всякие механизмы мне противны. Меня спасет Гуань-инь.

Моторная лодка тоже уплыла, а вода меж тем дошла ему до груди. Он вскричал:

— Гуань-инь, приходи быстрее!

Тут прилетел вертолет с американским пилотом. Увидев это, верующий вскричал:

— Ты иностранец, мне не нужна твоя помощь. Меня спасет Гуань-инь.

Вода уже почти скрыла верующего, когда его по счастью извлек из воды наставник Фо-гуан. Верующий с обидой сказал ему:

— Я такой преданный верующий, почему Гуань-инь не пришла спасти меня?

Наставник Фо-гуан сказал:

— Ты поистине клеветешь на Гуань-инь. Когда вода скрыла твои ноги, бодхисаттва превратилась в каноэ и приплыла спасти тебя. Однако ты с пренебрежением отнесся к туземцу и не принял его помощь. Тогда бодхисаттва превратилась в моторную лодку, но ты снова сказал, что не любишь всякие механические штуки. Делать нечего, бодхисаттва превратилась в вертолет и прилетела спасти тебя, а тебе опять не понравилось. Бодхисаттва Гуань-инь раз за разом спасала тебя, а ты даже не поблагодарил. То тебе не нравится, это не нравится — похоже, у тебя нет связей с Буддой и бодхисаттвами. Мне не стоило спасать тебя, лучше бы ты отправился с докладом к владыке ада.

Бодхисаттва может принимать тридцать три облика, и те, кто имеют лишь веру и не имеют чаньской мудрости, неспособны увидеть, что «зеленые побеги бамбука есть чудесная истина, аромат желтых цветов заключает в себе мудрость». Надо ли удивляться поношениям наставника Фо-гуана.

СОВЕРШЕННОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ

女子
出定

Однажды, во время проповеди Будды, некая девушка, находившаяся рядом с ним, вошла в состояние сосредоточения. Увидев это, Маньджушри попросил Будду:

— Будда! Смотри, почему эта девушка может сидеть рядом с тобой и к тому же входить в самадхи, а я, наиболее славный мудростью среди твоих учеников, не могу?

Будда ответил:

— А ты выведи ее из самадхи и сам спроси.

Маньджушри три раза обошел вокруг нее, пощелкал пальцами, но все было бесполезно. Девушка даже не двинулась. Маньджушри даже поднял ее к небесам, исчерпал все свои силы, но девушка так и не вышла из самадхи.

Будда сказал:

— Сейчас даже миллион таких как ты, Маньджушри, не смогли бы вывести ее из состояния созерцания. Если тебе обязательно надо, чтобы она вышла из самадхи, то в нижнем мире на расстоянии сорока двух земель, исчисляемых песчинками Ганга, живет бодхисаттва Авидья. Он может это сделать.

Через некоторое время Авидья появился изпод земли и поклонился Будде. Затем он приблизился к девушке, щелкнул пальцами, и девушка сразу вышла из самадхи.

Авидья означает невежество, непробужденность. На обретшего чаньское сосредоточение невозможно воздей-

ствовать внешними объектами. Даже мудрость-праджня Маньджушри не в состоянии была пробудить девушку. Но не следует недооценивать силы невежества и загрязненности — одно случайное слово может пробудить в нас радость, а может нас огорчить, пустяковое дело может доставить нам удовольствие, а может и расстроить и рассердить.

Если бы не было сосредоточения, то наше мирское существование было бы весьма достойно сожаления: другим было бы очень легко несколькими словами расстроить или обрадовать нас. Если другие могут контролировать нас, то мы не свободны, не в состоянии сопротивляться ни горю, ни радости. Это значит, что наше сосредоточение недостаточно.

Эта девушка так глубоко погрузилась в сосредоточение, что даже Маньджушри не смог вывести ее из этого состояния. Но стоило появиться неведению, как «в одно мгновение гнева возникли десять тысяч преград»¹. Разве можно этого не бояться?

УТОЛЯЕМ ГОЛОД, РИСУЯ БЛИНЫ

畫餅充飢

После нирваны наставника Байчжана, наставник Сяньянь Чжи-сянь решил отправиться к наставнику Лин-ю на Гуйшань. Лин-ю, увидев Чжи-сяня, обратился к нему с вопросом:

— Я слышал, что, пребывая у наставника Байчжана, ты мог, услышав одно, догадаться о десяти-

¹ То есть, если разгневаться, то возникнуть десять тысяч преград к обретению пробуждения.

ти, услышав о десяти, догадаться о ста. Мудрость твоя велика. Однако все это вопросы и ответы на уровне обыденного понимания. Я сейчас не буду спрашивать тебя о том, что ты понял из своего жизненного опыта или запомнил из сутр и шастр. Скажи-ка мне, что было твоей основной обязанностью, когда ты еще не покинул материнскую утробу? Скажи, а я скажу тебе, прав ты или нет.

Чжи-сянь оказался беспомощен и, поразмыслив немного, сказал:

— Прошу наставника ответить за меня.

Гуйшань сказал:

— Я скажу, но это будет мой опыт, какая тебе от этого польза?

Чжи-сянь отправился в медитационный зал, обложился сборниками чаньских изречений и сутрами и шастрами, просмотрел их все, но не нашел ничего, что соответствовало бы ответу на вопрос Гуйшаня. Он воскликнул:

— Говоря о рисе, не наполнишь желудок, разве можно насытиться, рисуя блины?

После чего он выбросил все тексты в огонь и поклялся:

— Не буду больше учиться. С сегодняшнего дня стану странствующим монахом, чтобы не тратить душевные силы.

Чжи-сянь попрощался с Гуйшанем и отправился в Наньян, где в каких-то развалинах в одиночестве совершенствовался государственный наставник Хуй-чжун. Однажды, когда он полол траву, его мотыга наткнулась в земле на кусок черепицы. Услышав звук удара, Чжи-сянь пробудился и сложил гатху:

С одним ударом забыл, что знал.
Не нужно больше совершенствоваться.
Проповедую древний путь
И не забываю о безмолвии.
Нигде не видно следов,
Звука, цвета и внешнего блеска.
Те многие, что нашли Путь,
Все говорят о высшем.

Из этого гуньяня видно, что знания — это знания, а осознание Пути — это осознание Пути. Знание происходит из различений и достигается через интеллектуальное усилие. Осознание Пути переживается путем отказа от различений.

Чаньское озарение приходит тоже не как результат бессмысленного сидения в молчании, оно подразумевает переход от различающего знания к неразличающей мудрости. Если бы у Чжи-сяня не было мирской мудрости, то, даже и разбив камень своей мотыгой, он по-прежнему остался бы непробужденным.

ПЕТУХ И ЖУК

公雞與蟲兒

Один семилетний мальчик часто приходил к наставнику У-дэ поболтать. Однако наставник полагал, что у этого ребенка выдающиеся способности и в его бессмысленных словах можно ощутить чаньский вкус.

Однажды наставник У-дэ сказал ему:

— Я, старый монах, очень занят, у меня не всегда есть время с тобой спорить. Давай так договоримся: сейчас мы поспорим, и кто проиграет — покупает победившему блин.

Мальчик выслушал его и сказал:

— Сначала деньги покажи.

Наставник У-дэ ответил:

— Деньги нужны тому, кто проиграет, а если выиграет, то и вопроса нет. Давай сначала предположим, что я петух.

Мальчик сказал:

— Ну, а я тогда жук.

У-дэ воспользовался случаем и заявил:

— Ну так и давай, маленький жук, покупай блин мне, большому петуху.

Мальчик не согласился с поражением и заспорил:

— Нет, учитель. Это ты должен мне блин. Ты большой петух, а я маленький жук. Я как тебя увижу, так сразу и улетаю, потому что между учителем и учеником не может быть споров. Ну, похоже, ты проиграл.

У-дэ схватил мальчика за руку, позвал людей и обратился к ним:

— Этот вопрос такой же, как вопросы войны и мира. Если чиновники не могут его решить, то необходимо поставить его на обсуждение перед народом. Здесь вас больше трехсот человек и у каждого из нас наверняка есть сторонники. Люди! Рассудите старого и малого, кто же из нас прав.

Но народ безмолвствовал, и тогда наставник У-дэ серьезно сказал:

— Только чаньские наставники, у которых зрение ясно и отчетливо, могут вынести решение.

Прошло три дня, и люди в храме увидели, как У-дэ купил блин и отдал семилетнему малышу.

Петух и жук. С этой парой молодого и старого созерцателей связано очень много забавных историй.

Для чань не существует различия большого и малого, длинного и короткого, правдивого и ложного, хорошего и плохого. В чань нет победы и поражения. У-дэ сначала хотел победить семилетнего мальчика, но тот специально принял сторону маленького жука. Жук — самая любимая пища петуха, только клюнь — и готово. Однако жук может улететь, и это означает, что между учителем и учеником не может быть споров. Чань — это мир без споров, но это также и мир порядка и традиций.

ПОЛНА ОЧАРОВАНИЯ

最具魅力

Некая верующая жила необычайно счастливо. Никто не мог сравниться с ней ни в богатстве, ни в положении, ни в возможностях, ни в красоте. Но всем этим она наслаждалась одна, ей не с кем было даже поговорить по душам. Поэтому она обратилась к наставнику У-дэ за помощью. Она хотела узнать, как ей стать привлекательной и заслужить любовь людей.

Наставник У-дэ сказал ей:

— Если сможешь в любое время и в любом месте сходитья с людьми, проявлять милосердие, подобное милосердию Будды, говорить чаньские речи, слушать чаньские звуки, поступать по-чаньски, иметь чаньский ум, то постепенно ты превратишься в привлекательного человека.

Женщина выслушала и спросила:

— Как вести чаньские речи?

— Это приятные, красивые, скромные речи, речи, которые доставляют людям радость.

— А как слушать чаньские звуки?

— Чаньские звуки — это когда все звуки превращаются в чудесную мелодию, когда звук гнева и обиды превращается в звук милосердия, звук ругани превращается в звук помощи. Когда тебя перестанут раздражать звуки плача, стенания, грубые звуки, шум, тогда ты услышишь звуки чань.

— А как поступать по-чаньски?

— Это даяние, милосердие, служение, жизнь в соответствии с Дхармой Будды.

— А что такое чаньский ум?

— Это восприятие без Я и Ты, без противопоставления мудрого и глупого, ум, объемлющий собой все и стремящийся всем принести пользу.

Чань — это не теория, это жизнь. Если в жизни присутствует чань, то сила Дхармы безгранична. Когда люди уважают и ценят друг друга, когда у них есть чань, то перспектива жизни поистине блестяща.

ИДИ ВЕРНЫМ ПУТЕМ

步
步
不
迷
方

Наставник Сянь-жу с горы Лофушань прибыл в Хубэй к наставнику Цзин-сюаню из Даяна.

Даян спросил Сянь-жу:

— Ты откуда?

Сянь-жу:

— С горы И.

— Далеко ли отсюда гора И?
— Пять тысяч ли.
— И как же ты пришел, пешком?
— Да нет, не пешком.
— А что же, прилетел?
— Да и летать я не умею.
— А я, шаг за шагом, не терял верного пути и оставался незаметным.

— Так, значит, ты уже превзошел самадхи?

— Невозможно проникнуть в сознание Будды, как же может самадхи проявить себя?

— Так! Так! Если ты веришь в это, то изначальная природа проявится целиком, вещи и принцип будут недвойственны, совершенствуйся в этом.

Даян Цзин-сюань — чаньский наставник эпохи Сун. Он стал монахом вместе со своим дядей Чжи-туном, в двенадцать лет принял обеты и проявил чаньские способности. Слушая «Сутру Совершенного Пробуждения», он задал вопрос о том, что называется совершенным пробуждением. Пребывая у наставника Юань-гуаня, он пожелал узнать, что называется «алтарем, не имеющим свойств». Его чаньский стиль позволял ему спрашивать о чем угодно: видя умирающего монаха, он спрашивал, куда тот направляется. Видя, как монахи сажают тыквы, он спрашивал, когда тыквы созреют. Но если к нему самому обращались с вопросом, он отвечал стихами и песнями, поскольку был весьма одарен как стихотворец.

Наставник Сянь-жу пришел к нему с горы И в Сычуани, преодолев расстояние в пять тысяч ли. За время пути он ни разу не коснулся земли, потому что в чань нет пространства и времени, нет представления о расстоянии. То, что он не сбился с пути, свидетельствует о том, что он был изначально связан с учителем, и то обстоятельство, что Сянь-жу воспринял Дхарму от Цзин-сюаня, вовсе не беспричинно.

Наставник Лэшань задал вопрос наставнику Шитоу Си-цяню:

— Я уже имею некоторое представление о Трех корзинах и Двенадцати частях учений, но что касается учения Южной школы о «прямом указании на ум, видении природы и обретении состояния Будды», я до сих пор не смог его до конца осознать. Не могли бы вы, наставник, мне его разъяснить?

Си-цянь ответил:

— Утверждение неверно, отрицание неверно. Отрицание утверждения и утверждение отрицания одинаково ошибочны. Как в этом случае поступать?

Лэшань начал понимать, но все же понял еще не все. Через некоторое время Си-цянь сказал ему:

— Твое место не здесь. Тебе надо отправиться к Великому наставнику Ма-цзу.

Лэшань отправился к Ма-цзу и задал ему тот же вопрос, и Ма-цзу сказал:

— Иногда я называю это «поднимать брови и моргать», иногда не называю так, иногда «поднимать брови и моргать» — это именно оно и есть, а иногда и нет. Так как же ты это поймешь?

Лэшань выслушал это и, ни слова не сказав, поклонился. Ма-цзу спросил:

— Что ты такого увидел, что кланяешься?

— Когда я был наставника Шитоу, то ходил на комара, который хочет ужалить железного быка.

Понимание наступает, когда услышанное глубоко внедрилось в сознание, реализация наступает тогда, когда увиденное претворяется в практику.

Степень реализации невозможно выразить словами — подобно тому как только сам человек знает, какую воду ему пить — теплую или холодную. Лэшань путешествовал по Цзянси и Хубэю, обучался у наставников Шитоу и Ма-цзу.

Говоря о чаньском сознании и собственной природе, Шитоу свел воедино отрицание и утверждение, наставник Ма-цзу заявил, что есть «поднять брови и моргнуть», но в то же время и нет. Есть — это утверждение, нет — это отрицание. На деле на Пути утверждение и отрицание, наличие и отсутствие есть одно. Чань — изначально есть путь гармонии.

СБОР ЛИСТЬЕВ 多檢

Наставник Динчжоу прогуливался с послушниками по двору храма. Вдруг налетел ветер и сорвал множество листьев с деревьев. Наставник нагнулся и стал подбирать листья и складывать их в карман. Послушник сказал:

— Учитель! Не нужно собирать. Завтра, как только рассветет, мы выйдем и все подметим.

Наставник Динчжоу возразил:

— Нельзя так говорить. Разве обязательно будет чисто после того, как вы подметете? Я подниму листья, так что все же будет немного чище.

Послушник опять сказал:

— Наставник! Пока вы тут собираете, сзади еще нападает — так как же собрать их все?

Учитель, продолжая собирать листья, сказал:

— Листья падают не только на землю, они падают и на наш ум также. Если я буду собирать те листья, что падают на мой ум, то наступит день, когда я их все соберу.

Послушник выслушал и понял, в чем смысл жизни чаньского монаха.

Когда Будда пребывал в мире, у него был ученик, которого звали Гунапаритака. Этот ученик был необычайно глуп, если он выучивал песнопение, то помнил только первую строчку, а вторую забывал. А если помнил вторую, то забывал первую. Будда спросил его, что он умеет. Ученик сказал, что он умеет мести пол. Будда велел ему, подметая пол, повторять про себя «счищаю пыль, убираю грязь».

Через долгое время ученик подумал, что внешнюю грязь можно уничтожить с помощью метлы, а вот как счистить грязь с ума?

Так он обрел мудрость.

Наставник Динчжоу, собирая листья, в действительности убирал то, что загрязняло его ум. Не так важно, сколько листьев упадет на землю, следует один за другим собирать те листья, что замутняют наш ум. Последователям чань необходимо умиротворить собственный ум, и они приобретут всю большую тысячу миров. Конфуцианцы утверждают, что во всех делах следует начинать с самосовершенствования. Чань утверждает, что вслед за очищением ума настанет и очищение местопребывания. Поэтому люди должны постоянно убирать те листья, которые падают на их ум.

ГРЯЗНАЯ БУМАГА

廢紙一堆

У наставника Бай-иня был ученик, который считал, что уже обрел пробуждение, и поэтому не поклонялся Будде, не возжигал благовоний и часто разрывал на куски «Сутру о Великой премудрости» и подтирался ими. При этом он говорил:

— Я и есть Будда. В сутрах записаны слова Будды. Поскольку здесь сейчас есть Будда, то все эти листы — просто макулатура. Какая беда в том, чтобы подтереться ими?

Наставник Бай-инь услышал об этом и сказал:

— Слышал, что ты уже стал Буддой. Поздравляю! Однако задница Будды невероятно драгоценна и не пристало вытирать ее макулатурой. Поэтому в дальнейшем пользуйся качественной туалетной бумагой.

Некоторые учителя полагают, что экстравагантное поведение и есть осознание Пути. Однако нельзя без разбору честить Будду и ругать патриархов. У удивительного есть своя сила, у противоречий есть единство. Железный ключ запирает, но и золотой ключ запирает точно так же. Подтираться сутрами можно, но только после того, как полностью осознаешь истину вселенной. В противном случае надо бережливо относиться равно и к чистой бумаге, и к макулатуре.

Зять

作女婿

Наставник И-сю был настолько пробужден, что мог изменять ход событий просто смехом и шутками. Однажды к нему

прибежал верующий и сказал:

— Наставник! Я жить не хочу, хочу убить себя! Спасите меня!

— Так у тебя все вроде хорошо, зачем же себя убивать?

— Учитель! Я разорен, мой бизнес провалился, я в долгах по уши, кредиторы обложили со всех сторон. Осталось только умереть!

— И кроме смерти ничего придумать нельзя?

Верующий горестно ответил:

— Нет! У меня, кроме дочери, нет ни кола ни двора.

И-сю задумался и вдруг его озарило:

— Придумал! Придумал! Выдай ее замуж за хорошего человека и пусть поможет тебе расплатиться.

Верующий разочарованно сказал:

— Моей дочери всего восемь лет. Как ей замуж выйти?

И-сю сказал:

— Так пусть она за меня выйдет. Я стану твоим зятем и помогу тебе расплатиться.

Верующий был поражен и с трудом произнес:

— Да это просто смешно. Вы мой учитель, как вы можете быть моим зятем?

И-сю успокоил его мановением руки.

— Я только хотел помочь тебе. Хорошо, хорошо. Оставим это. Иди объяви об этом, и в день свадьбы я приду в твой дом и стану твоим зятем. Давай быстрее!

Этот верующий был необычайно уверен в мудрости наставника И-сю. Поэтому, придя домой,

он сразу же объявил о предстоящей свадьбе своей дочери с наставником И-сю.

Это известие всколыхнуло весь город. В день свадьбы народу собралось столько, что яблоку негде было упасть. Наставник И-сю тоже пришел, поставил перед воротами дома стол, на столе установил чернильницу, положил кисть, тушь и бумагу и начал писать каллиграфическим почерком. Все увидели, что он пишет очень красиво, всем понравилось, и собравшиеся, забыв о свадьбе, наперебой стали покупать надписи И-сю. В конце дня наставник наторговал несколько полных корзин денег.

Наставник спросил верующего:

— Этого достаточно, чтобы расплатиться с долгами?

Верующий счастливо кивал:

— Достаточно! Достаточно! Учитель, вы поистине волшебник. Сразу достать столько денег.

Наставник взмахнул руками:

— Отлично! Проблему мы решили, и зятем я твоим не стал. Останусь учителем. До свидания!

Те, кто обладает духом чань, могут вот так легко решать многие проблемы.

КТО НАСТАВНИК?

誰
是
禪
師

Наставник Фо-гуан вел жизнь, исполненную чань, и часто забывал о себе. К нему часто приходили последователи чань из разных мест с тем, чтобы позаимствовать у него мудрость. Когда прислужники докладывали

Фо-гуану, что к нему пришел такой-то и такой-то монах и хочет повидать наставника, Фо-гуан спрашивал:

— А кто тут наставник?

Иногда во время еды его спрашивали:

— Наставник, вы наелись?

Фо-гуан рассеянно отвечал вопросом:

— А кто тут ест?

Однажды наставник целый день без отдыха копал огород. Храмовые служители сказали ему:

— Учитель, вы, должно быть, устали.

Фо-гуан вежливо ответил:

— Кто устал?

«Кто устал?», «Кто ест?», «Кто ходит?», «Кто разговаривает?» — такими словами наставник Фо-гуан отвечал на вопросы прихожан. Многие из последователей чань благодаря такой его манере нашли себя, узнали себя. Некоторые люди, утверждая себя, свои знания, свой ум, свое состояние, на деле утрачивают в себе истинное, и оказывается, что они в действительности ничего не признают и не утверждают, теряют себя. Они похожи на ходячие куски мяса, бездушные трупы, не имеющие точки опоры. Когда приобретаешь чань, то вроде бы все отвергаешь, но на самом деле все обретаешь, вроде приобретаешь все, но на деле от всего освобождаешься.

Поэтому чаньская речь безмолвна, а движения невидимы, и все они обладают еще одним глубоким смыслом. Жизнь чаньского монаха умиротворена и обладает еще одним глубоким содержанием. Беседы чаньских монахов наполнены глубоким смыслом, их речи хотя и могут показаться безыскусными и пресными, но их чудесный смысл неисчерпаем. Их окрики могут показаться грубыми, но их отношение поистине родственное, и зрят они гораздо дальше обычных людей.

«Кто тут наставник?» — так вот же он и есть.

НИЩИЙ И ЧАНЬ 乞巧與禪

Наставник Тяошуй Юнь-шуй пользовался большой известностью, и ему пришлось пожить во многих монастырях. Можно сказать, что он обладал наивысшей ученостью и религиозностью, а к тому же во многих местах преподавал чань.

Тот монастырь, где он был настоятелем, привлекал к себе множество монахов и верующих, но все они, не вынеся трудностей обучения, бросали дело на полдороге. Это заставило Тяошуя в конце концов заявить последователям, что он оставляет место настоятеля. Он предложил послушникам и монахам разойтись и идти своей дорогой. После этого следы наставника Тяошуя затерялись.

Через три года один из его последователей неожиданно увидел Тяошуя в компании нищих под одним из столичных мостов. Верующий сразу же обратился к Тяошую за наставлениями.

Тяошуй заявил ему:

— Ты недостойн принимать мои наставления.

— А как же мне стать достойным?

Тяошуй ответил:

— Если проживешь тут со мной под мостом дней пять, так я, может, чему-нибудь тебя и научу.

Так этот ученик превратился в нищего и прожил вместе с наставником один день под мостом. На второй день умер один из нищих. Наставник Тяошуй и его ученик ночью отнесли мертвое тело в горы и похоронили его, после чего опять вернулись на свое место жительства — под мост.

Наставник сразу же завалился спать и проспал до рассвета, а его ученик всю ночь не смыкал глаз. Когда рассвело, Тяошуй сказал ученику:

— Сегодня не надо идти побираться — от покойника еще осталась кое-какая еда.

Однако, взглянув на грязную миску, ученик не смог ничего проглотить. Тяошуй грубо сказал ему:

— Я же говорил, что ты ничему не сможешь у меня научиться. Ты не можешь понять, какой здесь на самом деле рай. Так что давай, возвращайся к людям. И пожалуйста, не рассказывай никому, что видел меня здесь — жители рая и чистой земли не любят, когда их беспокоят.

Ученик, плача, повалился на колени и произнес:

— Учитель! Как ты прав. Я недостойн учиться у тебя, потому что неспособен представить себе твой рай.

Где видит рай и чистую землю истинный последователь чань? В презираемой работе есть рай, в сострадании и любви к людям тоже есть рай. Обучение и преобразование других — тоже есть рай. Рай и чистая земля пребывают в уме адепта, а не вне него.

ИСКУССТВО ОБЪЯСНЕНИЯ

方便示教

Наставник Яншань Хуй-цзи из Гуанчжоу обрел пробуждение после пятнадцати лет пребывания у наставника Лин-ю с горы Гуйшань. В тридцать пять лет Хуй-цзи перенял Дхарму у Лин-ю. Благодаря своей широкой про-

поведнической деятельности Хуй-цзи обрел славу маленького Будды. Однажды к нему прибыл новый ученик. Хуй-цзи спросил его:

— Откуда ты пришел?

— С Юга.

Яншань поднял посох и ткнул им в направлении ученика:

— А что, наставники с Юга учат ли еще этому?

Ученик честно ответил:

— Не учат.

Яншань взмахнул посохом и спросил:

— Этому не учат, а этому?

Ученик покачал головой:

— Нет, не учат.

Яншань помахал посохом и милостиво обратился к почтительно стоящему рядом ученику:

— Великий добродетелью!

Ученик, сложив ладони, ответил:

— Здесь!

— Иди в зал для медитаций.

Когда ученик уже почти дошел до зала, наставник вновь закричал:

— Господин!

Ученик обернулся.

— Иди ко мне! — позвал наставник.

Ученик подошел к Яншаню, а тот коснулся посохом его головы и сказал:

— Иди!

Ученик обрел пробуждение.

Наставник Яншань был непревзойденным мастером объяснения посредством искусных методов. Неудивительно поэтому, что многие ученики обретали пробуждение от его слов. Сначала он велит тебе остановиться, сообщает,

что нет ни Севера, ни Юга, ни Востока, ни Запада, нет различий между тем и этим. Потом он велит отправиться в зал и говорит, что чань — повсюду, а Дао — везде. Потом он велит приблизиться к себе и понимающе сообщает, что Дао — перед глазами. Потом он опять дождется, пока ты подойдешь, и вновь велит уйти — этим он стремится показать, что Дхарма Будды не приходит и не уходит, объемлет собой весь мир, прошлое, настоящее и будущее. Вот сколь искусен был Яншань в разъяснении учения — так как же могли его ученики не пробудиться?

КТО БОЛЬШЕ? 比

大

В Корее храм Дунду, олицетворяющий Драгоценность Будды (в нем хранится ряса, которую носил Будда), расположен на двух с небольшим тысячах гектаров. Другой храм Хайинь, олицетворяющий Драгоценность Дхармы (в нем хранится целиком набор досок для печатания буддийского канона), занимает более четырех тысяч гектаров. Однажды на дороге встретились два монаха из этих храмов, познакомились и пошли дальше вместе. Отдыхая под деревом, они беседовали о своих храмах и заспорили, какой из них больше.

Монах из Дунду сказал:

— По величине и числу служителей наш храм, наверное, самый большой в стране.

Монах из Хайинь не поверил:

— Из чего это следует?

— Из того, что во время обеда суп приходится наливать в корабль, чтобы всем хватило.

Монахи из Хайинь решили не ударить в грязь лицом:

— Наш храм больше. Наверное, ни один храм в стране не сравнится с нами по величине.

Монах из Дунду не поверил и с сомнением спросил:

— Откуда это видно?

Монах из Хайинь задумался и ответил:

— Когда мы испражняемся, проходит три минуты, прежде чем слышим шлепок об дно — такая у нас яма глубокая.

Тут подошел монах еще из одного храма — Сунгуан, олицетворяющего Драгоценность Сангхи (в нем на протяжении его истории было шестнадцать государственных наставников), и сказал:

— Наш храм еще больше — ведь каждый монах обладает Вселенной (которая есть наш ум). Кто сравнится с нами?

Так кто же больше? Чаньские монахи горазды поговорить, ведь «их ум подобен Вселенной, объемлет мириады миров». Вот таков мир чань.

КОПАЯ ОГОРОД, УБИЛ ЗМЕЮ

鋤
草
斬
蛇

Послушник пришел учиться к наставнику Чжи-чану.

Наставник в это время как раз копал огород. По огороду проползла змея, и наставник, увидев ее, взмахом мотыги отрубил ей голову.

Послушник осуждающе сказал:

— Давно восхищался милосердием здешнего наставника, а прибыв, вижу грубого простолюдина.

Чжи-чан ответил:

— Ты так говоришь, что непонятно: ты грубый или я грубый?

Послушник нерадостно сказал:

— Что такое грубый?

Наставник отложил мотыгу.

Послушник продолжил:

— И что такое тонкий (воспитанный)?

Наставник поднял мотыгу и изобразил, как он только что убил змею.

Послушник не понял, что наставник имел в виду, и сказал:

— Вы так странно объясняете, что понять невозможно.

Наставник обратился к послушнику:

— Не стоит снова говорить о грубости и тонкости, лучше скажи, где ты видел, что я убил змею?

Послушник невежливо ответил:

— Да прямо здесь.

Наставник увещевающим тоном сказал:

— Ты «прямо здесь» сам себя не видишь, как же вдруг углядел, что я убил змею?

Ученик обрел понимание.

В истории чань есть история о том, как Наньцюань убил кота. Некоторые говорят, что, поскольку запрет на убийство является основной буддийской заповедью, Наньцюань не должен был убивать кота. Некоторые говорят, что Наньцюань прекрасно использовал прекрасную возможность, и что не стоит толковать его действия столь дурно и клеветать на Великого добродетелью. Видимо, Наньцюань сделал это ради того, чтобы помочь остальным преодолеть привязанность к внешнему. Наставник

Чжи-чан убил змею тоже с такой же целью, послушник понял его лишь поверхностно и обвинил в недостатке сострадания и грубости.

Наставник Чжи-чан был человеком благородных свойств и пользовался авторитетом среди учеников. Беседой о грубости и тонкости он предостерег послушника от приверженности к буквальному пониманию увиденного и услышанного. Чань требует отказа от обыденных воззрений. Зачем непременно надо различать внешние объекты вместо того, чтобы увидеть свое истинное Я, которое находится «прямо здесь».

Ад 地獄

У наставника У-дэ было множество молодых учеников. Он никогда не разрешал им ничего брать с собой в монастырь и на собраниях в зале для медитаций все время говорил:

— Отдайте тело монастырю, а жизнь — Драконовым небесам (Учению).

Однако среди учеников были такие, кто любил хорошо покушать и не хотел работать; некоторым нравились развлечения, и они были привержены светским занятиям. Чтобы изменить их поведение, У-дэ рассказал им следующую историю:

— Некто умер, и его душа попала в иной мир. Когда он уже собирался войти, привратник сказал покойнику: «Ты любишь покушать? Здесь хватит еды для тебя. Любишь поспать? Здесь спи сколько хочешь, тебя никто не разбудит. Любишь веселиться? Занимайся здесь чем хочешь — выбор за тобой. Работать не любишь? Обещаю, что здесь

ничего не надо делать, и никто за тобой смотреть не будет». Этот человек радостно остался там. Поест, поспит, повеселится, потом снова поест и опять поспит. Через три месяца ему это надоело и он обратился к привратнику: «Что-то мне эта жизнь не нравится. Слишком много развлечений, так что мне уже ничего не интересно. Объелся до последней степени и отупел от сна. Нет ли у тебя для меня работы?» Привратник: «Извини! Здесь нет работы».

Прошло три месяца, и покойнику уже стало совсем невмоготу, и он опять обратился к привратнику: «Слушай, не могу я так жить. Если опять не дашь мне работы, так я лучше в ад пойду». Привратник: «Так ты думал, здесь рай? Это и есть ад! Здесь ты без идеалов, без творчества, без перспективы постепенно исчезнешь сам по себе. Такое мучение духа хуже, чем гора из мечей и котел с кипящим маслом».

Чань — это не сидение с закрытыми глазами. Сидение с закрытыми глазами — это лишь один из способов обрести чань. Что же такое настоящий чань? Таскать дрова и носить воду — это чань, носить на спине камни и сажать рис — это тоже чань, пахать поле и копать огород — это тоже чань. С утра работать, а вечером учиться — это тоже чань. Все, что связано с терпением, состраданием и жертвенностью — все это чань. Искусные методы и гибкость духа — это чань, битье и ругань с целью пробуждения — это также чань. Если нет чань — то это ад, а если чань есть — то это рай и земля высшей радости.

ГДЕ НАСТОЯТЕЛЬ?

上座何在

Наставник Хуанбо отправил наставника Линьцзи отнести письмо к наставнику Гуйшаню Лин-ю.

Гуйшань отправил Яншаня встретить Линьцзи. Забрав письмо, Яншань спросил Линьцзи:

— Это письмо от достопочтенного Хуанбо. А где письмо от настоятеля?

Линьцзи ответил:

— Я его тебе уже отдал.

После этого они вместе отправились к Гуйшаню. Гуйшань спросил Линьцзи:

— Сколько монахов в монастыре наставника Хуанбо?

Линьцзи ответил:

— Семьсот человек.

Гуйшань спросил:

— А кто у вас настоятель?

— Я уже попросил брата Яншаня отдать вам письмо.

Яншань достал письмо:

— Письмо-то здесь, а вот где настоятель?

Линьцзи в свою очередь задал вопрос Гуйшаню:

— А сколько у вас здесь монахов?

— Полторы тысячи.

— Ого, как много.

— У твоего учителя Хуанбо тоже немало.

— Раз у вас так много народу, пришлите нам настоятеля.

Гуйшань ничего не ответил, только отправил Яншаня проводить Линьцзи.

По дороге Яншань сказал Линьцзи:

— Отправляйся на Север. Там найдешь настоящего.

Линьцзи хлопнул в ладоши и спросил:

— Откуда ты знаешь?

Яншань без колебаний ответил:

— Иди, иди. Настоятель настоятеля всегда узнает. Единственно, что они вместе будут не до конца.

Когда Линьцзи прибыл в Чженьчжоу, он обнаружил там наставника Пу-хуа. Когда Линьцзи собрался основать монастырь, он пригласил наставника Пу-хуа стать там настоятелем, а сам стал его помощником. А когда Линьцзи стал необычайно популярен, Пу-хуа обрел нирвану.

Чаньские наставники стараются никогда не раскрывать своего подлинного отношения к вещам и людям. Чаньские наставники честны и искренни. Главным в их общении с учениками является сострадание, они подвержены скрытности, так что их намерения можно угадать лишь интуитивно.

ЧЖАОЧЖОУ МОЧИТСЯ

超
州
小
便

Верующий задал вопрос Чжаочжоу:

— Как достичь пробуждения?

Услышав этот вопрос, Чжаочжоу встал со свой циновки и заявил:

— Пойду пописаю.

Пройдя несколько шагов, он обернулся и сказал верующему:

— Смотри — такая мелочь, а все равно надо самому ходить — никто за меня не попишет.

Чжаочжоу имел в виду, что достижение пробуждения — личное дело каждого и нечего спрашивать его.

Такое, казалось бы, туманное разъяснение — а сколько оно понятно, доходчиво и ясно.

Буддизм учит: сам ешь — сам и наедаешься, жизнь и смерть — личное дело каждого. Жизнь и смерть, пробуждение требуют твоего собственного усилия, личного переживания. Ни друзья, ни родственники не смогут тебя заменить. С точки зрения чань, каждый человек есть выдающееся, неповторимое и независимое существо!

СМЫСЛ НА КОНЧИКЕ МОТЫГИ

意在鑿頭遍

Когда Лу Си-шэн впервые прибыл к наставнику Яншаню, то спросил:

— Открыто три пути, каким из них входить?

— Через ворота веры.

— А зачем нужны остальные двое ворот?

— Через них также можно войти.

— Через какие ворота входить?

— Через ворота мудрости.

— А как еще войти?

— Через ворота сострадания.

— Одних бы хватило, к чему трое ворот?

— В ворота веры вводит Будда, в ворота мудрости вводит Дхарма, в ворота сострадания вво-

дит сангха. Это — ворота Трех Драгоценностей, через любые из них можно входить.

Лу Си-шэн пришел в зал учения и спросил:

— Что бывает, когда, не покинув земной мир, входят в мир Будды?

Наставник трижды махнул метелкой, после чего Лу Си-шэн поклонился ему и спросил:

— Наставник, вы все еще соблюдаете обеты?

— Не соблюдаю.

— Предаются ли созерцанию?

— Нет, не предаюсь.

Лу Си-шэн надолго задумался. Яншань спросил его:

— Понял?

— Нет, не понял.

— В бурлящем потоке не соблюдаю обетов,

И стараюсь не предаваться созерцанию.

Пара чашек крепкого чая —

И весь смысл — на кончике мотыги.

Есть пословица «Все пути ведут в Чанъань». Так же можно сказать, что «все пути ведут к Будде». Однако, вступая на путь Будды, необходимо исполнять заповеди и совершенствоваться в созерцании. Наставник Яншань же не исполнял заповедей и не предавался созерцанию — разве он предал буддизм? На самом деле нет. Заповеди и обеты определяют мирское поведение, разделяет уместное и неуместное. Смысл чань в освобождении, преодолении, неограниченности обыденными воззрениями и представлениями, вплоть до того, что «видишь беса — убей беса, видишь Будду — убей Будду». Поэтому наставник Яншань сначала отбросил все обыденные представления, а затем сказал: «Пара чашек крепкого чая — и весь смысл — на кончике мотыги».

ОТПЛАТИТЬ ЗА ДОБРО

知
恩
報
恩

Наставник Линьцзи собрался оставить своего учителя Хуанбо Си-юня и отправиться в новые места.

Хуанбо спросил Линьцзи:

— Ты куда собрался?

— Не в Хунань, так в Хубэй.

Тут Хуанбо ударил Линьцзи, а тот, схватив Хуанбо за руку, дал ему сдачи. После этого Хуанбо рассмеялся и позвал прислужника:

— Принеси мне подстилку Байчжана и его пюпитр для сутр.

Линьцзи тоже закричал:

— И еще огня захвати.

Хуанбо сказал:

— Хоть я так и сказал, но этот огонь не будет гореть. Иди своим путем, но постарайся заткнуть рты народу.

Гуйшань услышал об этом и спросил Яншаня:

— Интересно, оскорбил Линьцзи своего учителя или нет?

— Да уж точно нет.

— Ты абсолютно уверен?

— Лишь благодарные люди знают, как отплатить за добро.

— Среди древних мудрецов случалось ли что-нибудь подобное?

— Случалось, только очень давно, не хотелось бы вас утомлять рассказом.

— Пусть так, но я все никак не пойму, так что ты уж расскажи мне.

— В «Шурангама-сутре» Ананда восхваляет Будду: «Я хотел бы принести свое горячее сердце в жертву на благо самого малого государства и самого незначительного живого существа». Это и называется «отплатить Будде за доброту». Это хороший пример настоящей благодарности!

— Верно, верно. Когда взгляды у ученика такие же, как и у учителя, это наполовину снижает достоинства и заслуги наставника. Только если ученик превзошел учителя, он может далее передавать его учение.

Из истории чань известно, что Хуанбо Си-юнь передал свое учение Линьцзи И-сюаню. Так возникло направление Линьцзи. Гуйшань передал учение Яншаню. Так возникло направление Гуйян. Все эти наставники были учениками Байчжана Хуай-хая в первом и втором поколениях. Гуйшань (771—853) был старше Хуанбо (776—856) на шесть лет, а Линьцзи — на шестнадцать лет младше, но он всегда очень высоко ценил обоих этих наставников, несмотря на разницу в их учениях. Это и называется великодушием, благодарностью, добродетелью, великим чань.

НЕ ОТНЯТЬ 搶不走

Однажды Линьцзи и Хуанбо работали в поле. Линьцзи спрятался за спиной Хуанбо. Хуанбо обернулся и, увидев, что Линьцзи стоит с пустыми руками, спросил:

— Ты что, мотыгу потерял?

— Не помню, кто-то унес.

Хуанбо остановился и позвал Линьцзи:

— Иди сюда. Разговор есть.

Когда Линьцзи подошел, Хуанбо поднял мотыгу и сказал:

— Вот это никто не сможет унести.

Услышав это, Линьцзи сразу же отнял мотыгу у Хуанбо и сжал ее руками.

— Вы только что сказали, что это никто не сможет унести, почему же сейчас оно у меня в руках?

— Не обязательно действительно обладаешь тем, что у тебя в руках. А если в руках нет, то не значит, что нет совсем. Лучше скажи, кто сегодня будет копать?

— Пусть кто хочет, тот и копает, кто хочет, пусть собирает урожай, нам какое дело?

Когда Линьцзи произнес эти слова, Хуанбо не сказал ни слова, повернулся и ушел.

Через некоторое время Гуйшань спросил Яншаня об этом событии:

— Мотыга была у Хуанбо, зачем Линьцзи ее отобрал?

Яншань:

— Только грабитель отнимает, но его мудрость выше, чем у благородного мужа.

Гуйшань снова спросил:

— Почему Линьцзи сказал, что пахота и сбор урожая его не касаются?

Яншань не ответил, но сам задал вопрос:

— Разве нельзя преодолеть различия?

Гуйшань ничего не сказал, повернулся и вышел.

Хуанбо повернулся, Гуйшань повернулся — мир, где все переворачивается — это мир, где все утверждается. Миряне говорят много, если правы, если неправы —

говорят еще больше. Если можешь повернуться к истине спиной — то это совсем другой мир.

ТРАВЫ И ДЕРЕВЬЯ СТАНУТ БУДДОЙ

草
木
成
佛

Наставник Чжэнь-гуань шесть лет изучал учение Тяньтай, затем в течение семи лет следовал чань, бродил повсюду в поисках учителя с тем, чтобы прояснить свой ум и увидеть истинную природу. Более двенадцати лет он бродил по священным горам Китая, по различным монастырям, практиковал хуатоу¹, созерцание.

Через двадцать лет он наконец узнал свой истинный облик и собрался на родину. Вернувшись, он повсюду проповедовал чань. Ученые его области наперебой устремились к нему за учением, задавали различные вопросы, надеясь, что он их разрешит.

Вопросы были разные:

— Каков наш изначальный облик?

— Зачем Бодхидхарма пришел с Запада?

Чжаочжоу спрашивали о том, обладает ли собака природой Будды. Иногда он говорил, что да, иногда — что нет. Так да или нет?

И хотя вопросов было так много, наставник Чжэнь-гуань сидел с закрытыми глазами и ни слова не говорил. Все знали, что Чжэнь-гуань не лю-

¹ Хуатоу — один из чаньских методов созерцания, предполагающий вопрошание. Например: «Кто есть тот, кто повторяет имя Будды?»

бит обсуждать гунъань, поэтому людям приходилось обсуждать их между собой, что не прибавляло им понимания.

Однажды к Чжэнь-гуаню прибыл знаменитый тяньтайский наставник, изучавший Тяньтай более тридцати лет. Он необычайно искренне спросил Чжэнь-гуаня:

— Я изучаю Тяньтай с малых лет, но есть один вопрос, на который я никак не могу найти ответа.

Чжэнь-гуань холодно сказал:

— Тяньтай и «Лотосовая сутра» необычайно сложны и глубоки. Они все объемлют собой. Вопросов должно быть очень много, а у вас только один. Что же это за вопрос?

— В «Лотосовой сутре» сказано: «Разумные и неразумные — все обретут праджню-мудрость». Это означает, что деревья и трава тоже станут Буддами. Скажите, возможно ли, чтобы дерево стало Буддой?

Чжэнь-гуань не ответил, но сам спросил:

— Тридцать лет вы ломаете голову над тем, может ли дерево стать Буддой. Какая вам от этого польза? Надо думать о том, как самому стать Буддой. Только это правильно!

— Об этом я не думал, — сказал наставник. — А как мне стать Буддой?

Чжэнь-гуань сказал:

— Вы сказали, что у вас только один вопрос. Ответ на второй ищите сами.

Могут ли трава и деревья стать Буддой? Этот вопрос не очень важен, ибо вся вселенная, со всей травой, деревьями, морями и реками, происходит из нашего ума. Надо

только, чтобы мы стали Буддами, тогда все травы и деревья тоже станут Буддами. Если обращать внимание на ветви и не доискиваться корней, то как войти на Путь чань? Чань требует, чтобы мы мгновенно осознали себя, а не рассматривали окружающее.

ЧАНЬ ЧАЯ И РИСА

茶飯禪

В период династии Тан наставник Лунтань Чун-синь принял монашество под руководством наставника Тяньхуана Дао-у. В течение многих лет Чун-синь собирал и колол дрова и носил воду, но не удостоился ни полслова наставлений от наставника Дао-у. Однажды Чун-синь обратился к учителю:

— Учитель! Я уже давно являюсь вашим учеником, но ни разу не получал ваших наставлений. Уповаю на ваше милосердие и прошу поучения.

Услышав это, Дао-у мгновенно откликнулся:

— Твои речи — это клевета и поклеп на учителя. С того времени, как ты пришел сюда, не было ни одного дня, чтобы я не передавал тебе учение.

— Я крайне туп, поэтому не понял, что же такое вы мне передали? — удивленно спросил Чун-синь.

— Ты подносишь мне чай, и я пью для тебя. Ты подносишь мне рис, и я ем для тебя. Ты складываешь ладони, приветствуя меня, а я киваю тебе головой. Так был ли хоть один день, когда я поленился и не учил тебя?

Услышав это, Чун-синь мгновенно обрел пробуждение.

Из этой беседы учителя и ученика можно понять, что чань — это жизнь. В любом проявлении повседневности, будь то колка дров или таскание воды, скрыты неизмеримые чаньские возможности.

ОДУХОТВОРЕННЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ

靈
利
道
人

Наньцюань Пу-юань был настоятелем в одном из монастырей провинции Хэнань. Однажды из Шаньдуна прибыл ученик Чжаочжоу, чтобы поклониться наставнику Пу-юаню. Последний, увидев Чжаочжоу, сказал:

— Ты очень неудачно пришел: мне сейчас надо идти в горы, на работу, так что нет времени с тобой беседовать. Ты тут сам справляйся, приготовь поесть, да не забудь мне на гору чего-нибудь отправить.

Сказав это, Наньцюань отправился в горы, а Чжаочжоу принялся готовить еду. Поев, он расслабился и задремал. Наньцюань, не дождавшись еды от Чжаочжоу, спустился с горы и вернулся в монастырь и увидел сладко спящего Чжаочжоу. Наньцюань тоже влез на кровать и прилег рядом с Чжаочжоу. Когда Чжаочжоу проснулся, Наньцюань сказал ему:

— Когда-то давно я знал одного «одухотворенного» верующего. С тех пор я давно уже его не видел.

Сказав так, Пу-юань поднял посох настоятеля, и, покачав им, упер его в Чжаочжоу, и спросил:

— Этот «одухотворенный» последователь похож ли на это?

Чжаочжоу ответил:

— Нет, не похож.

Пу-юань спросил:

— Ты что, его видел? Откуда же знаешь, что он не похож на это?

— Если вы, наставник, хотите узнать, где я его видел, то сначала уберите ваш посох.

Пу-юань радостно сказал:

— Теперь я убедился, что ты обладаешь оком мудрости!

Через некоторое время Чжаочжоу спросил Пу-юаня:

— Учитель! Вне вещей нет Дао, то, что вне вещей, — не Дао. Что такое Дао вне вещей?

Пу-юань не ответил, а взял посох и ударил Чжаочжоу. Чжаочжоу же, не стесняясь, отобрал посох у Пу-юаня и сказал:

— В следующий раз не бейте кого не надо.

Пу-юань радостно воскликнул:

— Дракона от змеи легко отличить, истинного монаха не обмануть!

Чжаочжоу в детстве был учеником Пу-юаня и вот снова приехал к нему поговорить о Пути. Учитель работает, а ученик отдыхает, ученик ест, а учитель голоден, ученик спит, а учитель не осмеливается его будить — поистине, их отношения скорее отношения между друзьями, а не между учителем и учеником.

Учитель хотел его ударить, а он не только не позволил, а еще и предупредил не бить, кого не надо. Учитель же обрадовался — нечасто встретишь такого замечательного последователя!

Вот каков чань! Смотри на него спереди или сзади, чань все равно приобретается внутренним пробуждением.

Некий послушник обратился к наставнику Пань-гую за наставлением:

— У меня есть врожденный порок — я очень резок и легко прихожу в гнев. Как только услышу порицание учителя, то хоть бы и сам знал, что неправ, но все равно по привычке прихожу в гнев. У меня совершенно нет сил это исправить. Скажите, учитель, нет ли у вас какого-либо средства помочь мне преодолеть это пагубное свойство?

Наставник сочувственно ответил:

— Если бы ты продемонстрировал мне это свое свойство, то я бы помог тебе справиться.

— Сейчас я не смогу разгневаться, но иногда это происходит спонтанно.

Наставник, смеясь, заметил:

— Так, значит, твой ум то беспокоен, то нет. Это не свойство природы и не врожденный порок. Это свойство проявляется при столкновении с внешними объектами, изначально его нет, оно рождается от внешних воздействий. Ты говоришь, что это врожденное свойство — это клевета на родителей. Твои родители одарили тебя только природой Будды и ничем иным.

Всю жизнь наставник Пань-гуй никогда не проповедовал послушникам учение, не учил их созерцанию, а только требовал, чтобы они овладели изначально присущим им сознанием Будды и высокой добродетелью.

Впоследствии, когда Пань-гуй скончался, один слепец, живший подле монастыря, говорил послушникам, практиковавшимся в созерцании:

— Хотя я и слепой и не вижу того, кто стоит передо мной, но могу понять его природу по тому, как он говорит. Я не только могу почувствовать зависть в том, как некто радостно рассуждает о счастье или успехах другого, я также могу почувствовать удовольствие и радость в словах утешения, обращенных к кому-либо по поводу постигшей его беды или несчастья. Как будто из этих утешительных или радостных речей может произойти какая-либо польза. Но среди тех, с кем я встречался, голос наставника Пань-гуя всегда звучал правдиво и искренне. Если он хвалил кого-нибудь, то я слышал только похвалу, если же порицал кого-либо, то я слышал только скорбь и порицание. Этот его голос есть звук его сознания Будды, а сознание Будды досталось ему от родителей!

Послушник выслушал его и сказал:

— Сознание Будды досталось нашему учителю не от родителей, оно было присуще ему изначально.

Приписывать все хорошее в себе родителям означает пренебрегать собственной изначально природой, сваливать все плохое в себе на родителей означает быть непочтительным сыном. Хорошее и плохое — это внешние привычки, а не изначальное свойство. Они не возникают при рождении и не наследуются от родителей. Допустим, нас спросят: «Кто родил Будду?» Если мы ответим: «Будду родила Майя», — то это будет неверно. Майя родила принца Сиддхартху, а Будда родился из мудрости-праджня. Поэтому и говорится, что «праджня есть мать всех Будд трех миров».

Наставник Ю-дао отправился путешествовать. По дороге он почувствовал жажду и заглянул в придорожный чайный домик выпить чашку чая. Хозяин, увидев монаха, проявил необычайное радушие и спросил:

— Наставник! Вы, наверное, устали, заходите, выпейте чайку.

Наставник Ю-дао в ответ на это только холодно оглядел помещение и молча кивнул. Хозяин решил, что перед ним наверняка какой-нибудь заслуженный монах, и осторожно спросил:

— Наставник! Видно, что вы очень далеко продвинулись на пути совершенствования. Наставник! У ничтожного есть вопрос. Надеюсь вы соблаговолите помочь мне разрешить его. Если так, то я одарю вас. Ну как?

Наставник Ю-дао ответил:

— Спрашивай!

— Если старое зеркало не чищено, каким оно станет?

— Черным, как лак, — быстро ответил Ю-дао.

— А если его почистить?

— Оно отразит небо и землю.

Хозяин так не думал и сказал:

— Извините! Я не буду вас одаривать.

С этими словами он отвернулся и ушел в дом.

Ю-дао расстроился и подумал:

— Ведь я столько лет отдал созерцанию, но оказался хуже какого-то лавочника. Да уж, он действительно продвинулся в чань!

И тогда Ю-дао решил запереть окна и двери, предаться созерцанию и обрести пробуждение.

Через три года Ю-дао вновь пришел к чайному домику. Хозяин приветствовал его:

— Три года не видались. Ну как, скажете мне, что будет, если старое зеркало не почистить?

Ю-дао непринужденно ответил:

— Это недалеко от Ханьяна.

— Ну, а если его почистить?

Ю-дао ответил:

— Перед башней желтого журавля — остров попугаев.

Услышав его ответ, хозяин искренне сказал:

— Примите мое подношение! — и, обернувшись, крикнул:

— Эй, ребята, заварите чайку получше!

О неочищенном зеркале Ю-дао сказал, что оно черно, как лак, а очищенное отразит небо и землю. Старое зеркало — это наша природа, которая изначально чиста и не подвержена рождениям и смертям. Зеркало изначально сверкает, так какая разница, очищено оно или нет. Изначальная природа не прибывает в мудром и не уменьшается в глупце, поэтому Ю-дао не мог осознать своей истинной природы, подобной старому зеркалу. И неудивительно, что чаю ему не дали. Когда он отвечал во второй раз — неочищенное зеркало «недалеко от Ханьяна»; очищенное зеркало — «пред башней желтого журавля — остров попугаев», — он смог в это мгновение осознать свою истинную природу. Поэтому сразу же нашелся для него хороший чай.

ЖИЗНЬ КАК СОН 浮生夢中

浮
生
夢
中

Наставника Няого из храма Сицюэ в Ханчжоу изначально звали Дао-линь¹. В девять лет он стал монахом и обрел пробуждение в пору ученичества у наставника Таогуана в Шэньси. После этого он отправился один на Тайваншань, где и поселился под сенью сосны, чьи необычайно густые ветви создавали подобие гнезда небольшой птицы. Поэтому наставник и получил прозвание Няого, что означает «гнездо».

Великий литератор Бо Цзюй-и необычайно почитал наставника Няого и однажды специально прибыл к нему за поучением. Поэт обратился к наставнику с вопросом в стихах:

Пришел к воротам пустоты спросить
о горе пустоты.
Хочу о чаньском деле спросить у старца чань.
Везде вокруг — лишь мимолетность сна,
Но мимолетность эта тоже лишь во сне.

Наставник Няого тоже ответил ему стихами:

У будущего нет знака, у прошлого — следа,
Все времена, и что ушли и что придут — одно.
Зачем же говорить о вещи мимолетной,
Ведь мимолетность эта лишь во сне.

Жизнь человека подобна иллюзии и сну, проходяща, как утренняя роса, но, поняв мудрость

¹ Няого Дао-линь (741—824) — один из известнейших наставников раннего чань-буддизма, принадлежал к сычуаньскому направлению.

утешить мне око сердца — лишь словом Амитофо¹. С утра Амитофо, вечером — Амитофо. Пусть даже вокруг несутся стрелы, я не откажусь от Амитофо. Надо мной могут смеяться — слишком много Амитофо. Допустим, смогу достигнуть рождения в Чистой Земле, а не смогу — так что с того? Пусть все существа мира вместе помнят об Амитофо».

Бо Цзюй-и от чань обратился к Чистой Земле, и в исполнении Пути чань и Чистой Земли его жизнь обрела истинное богатство.

ТАЩИТЬ ЗА УХО, ЧТОБЫ УХО ВЫРОСЛО

拖
耳
耳
長

Наставник Бу-дай (Холщовый Мешок) жил в эпоху Пяти династий. Он проповедовал и обучал народ в уезде Фэнхуа провинции Чжэцзян. Сам наставник полагал, что он может понять учение всех Будд и проникнуть в устремления всех живых существ, поэтому сам себя он называл «познавший это». Поскольку он был весьма плотного сложения, народ прозвал его «выпуклость».

Под конец жизни наставник Бу-дай ходил в незастегнутой одежде, так что его живот торчал наружу, речь его была бессвязна. Часто он вешал на свой монашеский посох с оловянными кольцами холщовый мешок, в правую руку брал жемчужину архата и отправлялся проповедовать. Встре-

¹ Амитофо — Будда Амитабха.

тив кого-либо, он просил подаяния и складывал все, что ему давали, в холщовый мешок. Поэтому он и был прозван Бу-дай хэшан, что означает «монах Холщовый Мешок».

Однажды в храме Тяньдунсы в Чжэцзяне пробили в колокол, и монахи группами потянулись в зал для принятия пищи. Тут, откуда ни возьмись, появился смеющийся и довольный наставник Бу-дай и, нимало не смущаясь, отправился в трапезную, где занял место настоятеля. Проверяющий монах принялся грубо сгонять его, но Бу-дай как будто бы ничего не видел и не слышал. Монахи попытались было его стащить, но куда там — он сидел неподвижно, как гора Тайшань, и не сдвинулся ни на йоту.

Настоятель, наставник Ми, должен был уже скоро прийти, так что проверяющий монах быстро прошел в центр, где на месте настоятеля сидел Бу-дай, схватил его за ухо и стал тянуть, думая таким образом совлечь его с места настоятеля. Кто же мог знать, что по мере того, как его тащат, ухо Бу-дая начнет расти и достигнет уже входа в трапезную, в то время как сам Бу-дай останется неподвижен. Окружающие при виде такого остолбенели. Увидев такое, настоятель наставник Ми сказал проверяющему:

— Ничего, я сяду сзади, пусть он остается, где сидит.

С тех пор Бу-дай каждый раз являлся в этот монастырь на обед и не стесняясь усаживался за стол настоятеля в центре трапезной. И по сей день в монастырях в зале Пяти созерцаний (трапезная) сохраняется обычай почитать изображение

Майтрейи (наставник Бу-дай) за обедом. В монастыре Тяньдун была сложена такая гатха:

Милэ (Майтрейя) в убогом облике явился и
твердо занял место настоятеля.
Надзиратель тянул его за ухо,
но ухо выросло.
Наставник Ми явил океан радости
и дал ему остаться,
Велел послушникам сменить места,
сменив места, сменил и положения¹.

В третий год Чжэнь-мин династии Лян периода Пяти династий (919) перед главным залом монастыря Юэлиньсы, сидя со скрещенными ногами на каменной плите, Бу-дай обрел нирвану. Он оставил после себя следующую гатху:

Майтрейя, настоящий Майтрейя,
Разделив тело на многие тысячи тел,
Явился к людям в мир,
Но люди мира его не узнали.

Наставник Бу-дай провел много лет, бродя по миру, но только из-за его последней гатхи люди узнали, кто он такой, и прозвали его «бодхисаттва Майтрейя». Он был великодушен и толст, всегда сохранял радостное выражение, и поэтому его почитали как радостного Будду. В домах верующих буддистов по всему миру почитаются изображения Гуань-инь — это происходит по причине милосердия этого бодхисаттвы, распространяемого на всех людей. Майтрейя же может входить в дома верующих в иные религии — так, в Европе и Америке практически везде в домах есть изображения Бу-дая (Майтрейи), который всем людям приносит радость и веселье.

¹ То есть признал в Бу-дае Будду Майтрейю.

Буддизм распространяется повсюду, входит в дома, и в этом огромная заслуга двух великих бодхисаттв — Гуаньинь и Майтрейи.

ПЕРЕЛЕТЕТЬ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

飛
越
生
死

Послушник Дао-ю был очень прилежен к созерцанию, но никак не мог добиться пробуждения. Он видел, что многие из тех, кто позже него вступил на Путь, уже достигли понимания. У него возникла мысль, что он, возможно, неспособен к чань, у него нет чувства юмора, дух его неподвижен и ему не удастся вступить в мир пробуждения. Поэтому Дао-ю решил стать странствующим монахом, собрал вещи и приготовился отправиться в дальний путь. Перед тем как покинуть монастырь, он отправился проститься с настоятелем наставником Гуан-у.

Дао-ю обратился к настоятелю:

— Учитель! Я в течение длительного времени обременял ваше милосердие, с момента принятия мною пострига прошло уже десять лет, но я так и не знаю, что такое чань. К чань у меня нет способностей. Ныне я пришел проститься с вами — отправляюсь в дальние края.

Наставник удивленно спросил:

— Ого! Раз не достиг пробуждения, так уже и уходишь. Зачем? Разве в другом месте легче пробудиться?

Дао-ю искренне ответил:

— Я каждый день не только ем и сплю, я усердно предаюсь созерцанию, но, видимо, у моих усилий нет оснований для успеха. И напротив, многие из моих соучеников уже давно смогли обрести свой изначальный облик. Последнее время у меня возникло чувство усталости и утомления, и поэтому я все же хотел бы стать странствующим монахом.

Гуан-у выслушал его и указал:

— Пробуждение есть проявление внутренне присущей изначальной природы, у него нет никакой формы, и его нельзя передать другим, нельзя выучить и нельзя достичь быстро. У других людей другой мир, а у тебя свой путь чань. Это разные вещи, разве можно их смешивать?

Дао-ю ответил:

— Учитель! Вы не понимаете меня. Когда я сравниваю себя с соучениками, то они — великая птица Пэн, а я — маленький воробей, и мне стыдно из-за этого.

Наставник Гуан-у притворился, что не понял, и спросил:

— Что такое маленький, что такое великий?

Дао-ю ответил:

— Великая птица Пэн взмахнет крыльями и перенесется на несколько тысяч ли, а я лишь скачу на несколько вершков от одного стебля до другого.

Гуан-у глубокомысленно заметил:

— Птица Пэн одним взмахом крыльев переносится на сотни ли, но разве она уже перелетела жизнь и смерть?

Услышав эти слова, Дао-ю замолчал и ничего больше не говорил — он обрел пробуждение.

Есть пословица: «Если сравнивать себя с другими, то умрешь от злости». Сравнение, сопоставление — источник всех аффектов. Как можно обрести пробуждение, отказавшись от созерцания? Мудрость, знания — все это великая птица Пэн, с одним взмахом крыла переносющаяся на сотни ли, но разве она перелетела через жизнь и смерть? Воробей и птица Пэн различаются по своей мощи и скорости, но чань основан на изначально равной у всех истинной природе. Таким образом, монах Дао-ю отказался от сравнения и сопоставления и вернулся к изначальной равностной природе — поэтому он и обрел пробуждение.

ЧАШКА ЧАЯ

一杯茶

Наставник Чжан с горы Цзи-шань был странствующим монахом. Он обучался созерцанию у наставника То-цзы и отвечал за заготовку дров в монастыре.

Однажды, закончив работу, наставник Чжан встретил наставника То-цзы. В благодарность за труды наставник То-цзы угостил наставника Чжана чашкой чая и спросил:

— Ну, как чаек?

Принимая обеими руками чай, Чжан ответил:

— Можно сказать, что в этом стакане пребывают все вещи мира!

То-цзы сказал:

— Пребывают все вещи мира? Да, это необычный чаек, так выпьешь, не подумав, и неизвестно, что будет?

Цзи-шань Чжан был очень уверен в своих чаньских способностях и, не дав наставнику договорить, выплеснул чай на землю и грубо заорал:

— Где все вещи мира?

Наставник Чжан полагал, что он продемонстрировал величайший чаньский дух, но наставник То-цзы медленно и тихо произнес:

— Жаль. Целая чашка чая.

Наставник Чжан сменил тему:

— Но это всего лишь чашка чая!

Но То-цзы не отпустил Чжана и ответил ему его же словами:

— Хотя это всего лишь чашка чаю, в ней пребывают все вещи мира!

Цзи-шань Чжан ничего не ответил.

Содержимое чашки чая очень непросто. Сначала нужно посадить чайное дерево, затем вырастить его, поливать, удобрять. Ему нужны свет, воздух, вода — можно сказать, что в чайном листе должны собраться все силы вселенной, и только тогда он сможет созреть. Так разве же в чашке чая не пребывают все вещи мира? Будда показывал землю драгоценного правителя на кончике волоса, великая тысяча миров пребывает на роге буйвола, в капле воды содержится три тысячи миров — а мы можем выпить ее одним глотком. Разве не серьезны будут последствия выпитой нами одной чашки чая?

Наставник Чжан вроде бы что-то понял, но не до конца, только наставник То-цзы полностью осознал, что вселенная есть чашка чая, что центр мира — в чашке чая.

Некий послушник пришел к наставнику Мин-дао от наставника Динчжоу (Северная школа Шэнь-сю). Мин-дао спросил послушника:

— Наша школа отличается чем-нибудь от того, что ты видел у Динчжоу?

Послушник ответил:

— Да в общем ничем особо не отличается.

Однако Мин-дао не показалось, что послушник прав, и он, проявив свойственную ученикам Ма-цзу Дао-и находчивость, спросил послушника:

— Ну, если все так одинаково, то и тебе тут незачем оставаться, иди откуда пришел!

Сказав так, он ударил послушника посохом. Послушник ответил:

— Если ты полагаешь себя вправе бить посохом, то хоть посмотри сначала, кого бьешь. Хоть у тебя и чаньский посох, но им не следует размахивать направо и налево!

Наставник Мин-дао сказал:

— Я сегодня как раз встретил одного, которого как раз стоило бы побить.

И опять три раза стукнул послушника. Избитый послушник развернулся и собрался уйти. Он подумал:

— Сколь же невелико терпение знаменитого наставника Мин-дао, я еще не вступил на Путь, а уже отведал чаньского посоха. Разве можно просто так бить людей?

Мин-дао увидел, что послушник собирается уходить, и обратился к нему:

— Вот слепой посох — это ведь человек, которого бы надо принять с радостью и счастьем.

Услышав эти слова, послушник собрался вернуться, и, приняв вид важного гостя, спросил:

— У вас, учитель, в руках посох, а мне что делать?

Мин-дао ответил:

— Ну, если так, то я отдам посох тебе.

Послушник приблизился к наставнику и, в соответствии с его словами, забрал его посох и нанес наставнику три удара. Мин-дао притворился, что крайне испуган и закричал:

— Обидел посохом! Обидел посохом! — как будто ему действительно было очень обидно. Послушник направил посох на наставника и сказал:

— Хоть и слепой посох, но принял тебя с радостью и счастьем!

Мин-дао наконец сказал:

— Не подобало колотить посохом такую выдающуюся личность как вы.

Послушник поклонился. Мин-дао быстро воскликнул:

— На том и порешим?

И снова ударил послушника. Послушник не удержался на ногах, упал и воскликнул:

— Отлично! Отлично! Оказывается, побои — это родственная любовь, ругань — это привязанность.

Так, под ударами посоха, учитель и ученик поняли друг друга.

Нам совершенно непонятно, почему чаньские монахи бьют друг друга посохами. Оказывается, они под ударами беседуют о Дхарме и проверяют свои чаньские способности. У них не слепые посохи, но посохи мудрости. Чем более ты меня бьешь, тем больше я тебе признателен. Ты бьешь за дело, и я тебя почитаю, если ты здорово ударишь, то я встану перед тобой на колени. Оказывается, побои выражают любовь, ругань выражает привязанность. А вы не получали ли подобных ударов, когда учились?

ПРИШЕЛ ЗА ТЕМ, ЧТО ЕСТЬ

只爲所以來

Наставник Вэй-янь с горы Лэ-шань был родом из провинции Шаньси, его мирская фамилия была Хань. В семнадцать лет он принял постриг у наставника Хуй-чжао из Гуандуна, совершенствовался под руководством Шитоу Си-цяня и наконец реализовал природу ума. Затем он отправился к Ма-цзу Дао-и и обрел у него великое пробуждение. В срок один год он поселился на горе Лэшань и принялся за проповедь.

Однажды к нему явился послушник и попросил наставлений:

— Я не сведущ в великом деле рождений и смертей, молю просветить меня.

Наставник Лэшань сказал ему:

— Я скажу тебе одну простую фразу. Если поймешь, что я имею в виду, то хорошо. Если ты задумаешься над моей речью, то это будет моя вина. Лучше бы мы оба помолчали, чтобы излишне не утомлять друг друга.

Послушник спросил:

— Пока Бодхидхарма не пришел в Китай, были ли у нас патриархи?

Лэшань ответил:

— Были!

Послушник вновь спросил:

— Так если они уже были, зачем же он пришел?

Лэшань ответил:

— Пришел за тем, что уже есть.

Послушник опять спросил:

— Вы, учитель, не разрешаете ученикам читать сутры, а сами каждый день читаете. Почему?

— Я только надеюсь с помощью сутр и книг прикрыть глаза.

Послушник опять спросил:

— Ученики следуют за учителем. Можно, мы тоже будем прикрывать глаза с помощью сутр?

Лэшань сказал:

— Если ты это ты, то твои глаза даже бычьей шкурой не прикроешь.

Ученик попросил Лэшаня сесть на место настоятеля и сказать то, что он собирался вначале. Лэшань не сказал ни слова и уселся. Послушник спросил:

— Почему вы, наставник, ничего не говорите?

Лэшань ответил:

— Для изучения сутр есть специальные наставники, есть свои учителя для винаи¹ и для трактатов. Почему ты обвиняешь меня?

При этих словах послушник обрел пробуждение.

¹ В и н а я — монашеская дисциплина.

Стиль наставника Лэшаня совершенно уникален, присущ только ему одному. Часто он говорил простые вещи с тем, чтобы слушатели познали сокровенное, пребывающее вне слов. Речи его таинственны и соотносятся с моментом и возможностями слушателей. Его резкий, рубящий метод иногда подразумевает утверждение, иногда — отрицание. Самое главное в том, что он стремился к тому, чтобы созерцатель открыл для себя мир спокойствия за пределами отрицания и утверждения.

СИДЕТЬ НЕ ЗНАЧИТ СОЗЕРЦАТЬ

大
作
非
禪

Многие полагают, что чань непременно означает пребывание в сидячей медитации. Так называемое сосредоточение подразумевает, что глазами мы должны созерцать нос, нос должен быть направлен на сердце — это и называется сидячей медитацией.

Но из учения нашего великого наставника Шестого Патриарха (Хуй-нэна) мы знаем, что чань вовсе не это.

Некогда некий чиновник по имени Се Цзянь обратился с вопросом к Шестому Патриарху:

— Ныне в столице все говорят, что для того, чтобы достичь пробуждения, необходимо предаваться сидячей медитации. А каково ваше высокое мнение по этому поводу?

Шестой Патриарх ответил:

— Путь пробуждается из сердца — разве он возникает из сидения?

Эти слова необычайно важны: нам непременно следует знать, что чань не выражается во внешних проявлениях

типа сидения или лежания. Шестой Патриарх говорил: «Когда жив, то сидишь, а не лежишь, когда мертв, то лежишь, а не сидишь. Это все вонючие кости, а никакая не заслуга или добродетель». Ходить, стоять, сидеть, лежать, носить воду, собирать хворост, даже моргать и поднимать брови — словом, любое движение или состояние одинаковым образом содержат в себе чань. Только усматривая чань в любом проявлении жизни, можно реализовать истинное чаньское устремление. Шлифуя камень, не сделать зеркала, пустым сидением не превратишься в Будду. Важнейшее заключено в реализации природы истинного сознания. Если поймешь это, то вступишь в истинный мир чань.

ПРОДОЛЖИТЬ ТАЙНОЕ ПРЕЕМСТВО

繼
承
密
付

Наставник Фэнсюэ Янь-шао совершенствовался под руководством наставника Наньюань Хуй-юна. Через шесть лет монашества Янь-шао стал старшим огородником. Однажды Наньюань пришел на поле испросил Фэнсюэ:

— Ты пришел с Юга. Скажи-ка, что на Юге говорят о посохе?

Фэнсюэ ответил:

— Хорошо говорят!

И тут же сам задал вопрос:

— А у вас тут какое учение?

Наньюань схватил посох и произнес:

— Под посохом не рождается терпение. Когда мгновение настает, не уступают учителю.

Услышав это, наставник Фэнсюэ пробудился.

Наньюань спросил о том, как изучают на юге, Фэнсюэ был недоволен формализацией чаньского учения. «Хорошо говорят» означает, что у каждой школы был свой стиль. Это подразумевает высокую степень теоретичности чаньского учения Фэнсюэ. Когда же Наньюань ответил Фэнсюэ, что под посохом не рождается терпение, когда наступает мгновение, не уступают учителю, смысл этого заключался как раз в том, что рассуждать и говорить не нужно! И благодаря этому Фэнсюэ обрел пробуждение.

Наставник Наньюань сказал:

— Ты глубоко постиг чаньский Путь, и это не случайно. Ты слышал, что произошло с великим наставником Линьци перед смертью? Перед смертью наставник Линьци сел, выпрямился и сказал: «После моего совершенного успокоения мое истинное учение не должно погибнуть». Послушник Сань-шэн выступил вперед и сказал: «Как мне добиться того, чтобы ваше учение не погибло?» Линьци спросил его: «Если тебя спросят, то как ты ответишь?» Сань-шэн громко крикнул! Линьци сказал: «Тело и ум в конце вернутся к умиротворению». И, не меняя позы, обрел превращение.

Наньюань продолжал спрашивать:

— Линьци говорил: «Кто понимает мое истинное учение, похож на слепого осла». Почему же в конце жизни наставник, наоборот, склонил колени и завил хвостом?

Фэнсюэ ответил:

— Тайное преемство истинного учения кончилось, тело и ум обращались в прах.

Наньюань опять спросил:

— Почему же Сань-шэн ничего не сказал, а только закричал?

Фэнсюэ ответил:

— Потому что он уже мог воспринять учение и был приближенным учеником. Он уже отличался от досужих людей внешнего мира.

В чаньском пробуждении самое главное забыть о различиях, рассуждать о чем-либо можно только не рассуждая. У посоха (настоятеля) нет никакого учения, если наступил момент, нужно смело брать на себя ответственность. После пробуждения Фэнсюэ уже не был досужим бездельником, он принял на себя груз учения и устремился вперед.

Я ЗАНЯТ ИЗ-ЗА ТЕБЯ

我
也
可
以
爲
你
忙

Однажды наставник Фо-гуан встретился с монахом Ке-це спросил его:

— С тех пор как ты прибыл сюда, ты все занимаешься чань. Время летит, уже прошло более десяти весен, а ты еще ни разу не спрашивал у меня наставлений. Как так?

Монах Ке-це ответил:

— Учитель каждый день так занят, я не осмеливаюсь вас беспокоить.

Время летит быстро, прошло еще три года. Однажды Фо-гуан вновь столкнулся с Ке-це на дороге и спросил его:

— Может, у тебя возникли какие-то вопросы? Почему ты не подходишь ко мне?

Монах ответил:

— Вы так заняты каждый день. Не осмеливаюсь попусту отвлекать вас.

Прошел еще год. Однажды Ке-це проходил мимо кельи наставника Фо-гуана. Тот увидел его и позвал:

— Заходи. Я сегодня как раз свободен, поговорим о чаньском пути.

Ке-це поклонился и сказал:

— Вы, учитель, крайне заняты, как я могу тратить ваше драгоценное время?

Фо-гуан понял, что Ке-це чрезмерно скромнен и боится принять на себя ответственность, так что как бы он ни совершенствовался, пробуждения достичь ему не удастся. Наставник осознал, что нужно принять какие-то меры, и, встретившись еще раз с Ке-це, сказал ему:

— Совершенствование на Пути требует непрерывного упражнения, почему ты все не подходишь ко мне за наставлениями?

Ке-це опять завел свое:

— Учитель! Вы так заняты, не осмеливаюсь тревожить.

Фо-гуан закричал:

— Занят! Занят! Я из-за тебя и занят!

Эта фраза Фо-гуана «я из-за тебя и занят» проникла в ум Ке-це, и он мгновенно обрел пробуждение.

Некоторые слишком заботятся о себе и не обращают внимания на других, вечно беспокоят других из-за всяких мелочей. Некоторые, наоборот, слишком заботятся о других и не думают о себе и в конце концов упускают благоприятные возможности. Изначальный облик чань — к этому нужно устремиться! Когда время еды — ешь, когда

время совершенствоваться — совершенствуйся, когда время спрашивать и учиться — спрашивай и учись, а когда время отвечать — следует держать ответ. Нельзя все время притворяться и изворачиваться!

Если я могу помочь, то почему ты не хочешь, чтобы я помог? Тебе нужна помощь, так почему бы мне не помочь тебе — разве это следует столько раз объяснять?

У МЕНЯ ЕСТЬ ТЫ

我
有
你
呀

В храме Чуаньдэнсы у наставника Фо-гуана было очень много последователей. Однажды, когда наставник Фо-гуан объяснял народу истины чань, к нему приблизился один из учеников и сказал:

— Жизнь и смерть — важнейшие вещи. Я хочу преодолеть жизнь и отринуть смерть. Для этого есть только путь памятования о Будде ради рождения в Чистой Земле. Так что я отправляюсь в Линянь, в храм памятования о Будде, где и последую этому учению.

Выслушав его, наставник радостно сказал:

— Хорошо. Отправляйся изучать путь памятования о Будде. Если в тех местах будет непрерывно слышен голос Будды, то мир наш станет подобен лотосу.

Как только Фо-гуан распрощался с первым учеником, к нему подошел второй и с поклоном сказал:

— Если сохраняются заповеди, то сохраняется и учение. В буддизме нет ничего важнее исполне-

ния заповедей. Так что, учитель, я отправляюсь на гору Баохуа изучать монашескую дисциплину.

Фо-гуан по-прежнему радостно сказал:

— Отлично! Отправляйся учить дисциплину, когда вернешься, то передашь нам всем три тысячи обрядов, восемьдесят тысяч малых практик. Такой монах стоит шестерых. Прекрасно!

Не успел Фо-гуан распротиться со вторым учеником, как к нему подошел третий и с поклоном сказал:

— Учитель! В буддизме нет ничего важнее превращения тела. Я давно об этом думал, и теперь немедленно отправляюсь в Тибет.

Наставник холодно рассмеялся и сказал:

— Отлично! Тайные учения дают возможность стать Буддой в этой жизни. Когда ты вернешься, то поможешь нам всем обрести неразрушимое алмазное тело.

После того, как Фо-гуан распротился с этими тремя учениками, его послушник был весьма недоволен и обратился к наставнику с вопросом:

— Учитель! Вы глава чаньских наставников нашего времени. Чань со времен Будды передается от сердца к сердцу. Нет ничего важнее стремления стать Буддой или патриархом, а для этого необходимо следовать Пути и совершенствоваться в чань. Этих троих нужно было оставить, чтобы они учились у вас чань, чтобы чань проник в их сердца, чтобы они прояснили свой ум и увидели свою природу. Зачем вы позволили им уйти?

Выслушав его, Фо-гуан расхохотался:

— У меня есть еще ты!

Молодым ученикам трудно порой сосредоточиться, им все время кажется, что везде хорошо, где их нет, они не могут завершить ни одного дела, не понимают, что Дао — рядом. Танская монахиня У-цзинь-цзан сложила стихи:

Всю жизнь искала весну, но весны не нашла.
Сносила обувь, попирая кручи, топтала облака.
Когда вернулась, ничего не нашла,
А весна уже на ветках в полном цвету.

Из одной фразы: «У меня еще есть ты» — послушник смог понять чаньское устремление наставника Фо-гуана.

ПОЧИТАТЬ КОЛОКОЛ КАК БУДДУ

敬
鐘
如
佛

Колокол — это голос буддийского храма. Утром его удары сначала быстрые, потом замедляются, сообщая всем, что долгая ночь закончена и нельзя больше спать. Вечером же удары сначала медленные, затем убыстряются, показывая, что день заканчивается и наступает ночь. Так в храмах вся жизнь, работа и отдых проходят по звуку колокола.

Однажды наставник Цзянь-шан вышел из состояния сосредоточения под звук колокола и стал напряженно вслушиваться в протяжные удары. Когда звук колокола прекратился, Цзянь-шан не удержался и заорал на служителя:

— Кто у нас в колокол бил?

Служитель ответил:

— Какой-то новый послушник.

Цзянь-шан попросил служителя позвать этого послушника и, когда тот пришел, спросил его:

— С каким настроением ты сегодня утром бил в колокол?

Послушник не знал, что хочет услышать от него наставник, и поэтому просто ответил:

— Да никакого особенного настроения у меня не было. Бил себе и бил.

Цзянь-шан сказал:

— Не понимаешь? Ты когда в колокол бил, наверняка о чем-то думал. Потому что звук был очень чистый и высокий. Только искренний и прямодушный человек может произвести такой звук.

Послушник подумал и сказал:

— Скажу вам вот что: я ни о чем таком не думал, просто, когда я еще не был монахом, дома мне говорили, что когда бьешь в колокол, считай, что перед тобой Будда, необходимо быть искренним и воздержанным, почитать колокол как Будду, считать, что бить в колокол то же, что созерцать, относиться к колоколу с почтением и прилежанием.

Цзянь-шана обрадовали эти слова, и он еще раз напомнил послушнику:

— В будущем относись так не только к колоколу, но и в любом деле сохраняй чаньское отношение.

Этот послушник с малых лет вырастил в себе привычку к усердию и почтению. Не только в случае с колоколом, но и в любом деле всегда сохранял заветы своего первого учителя и наставника Цзянь-шана — относился ко всему так же,

как к колокольному звону. Этот послушник впоследствии стал известным монахом наставником Линьтянь У-ю.

Наставник Цзянь-шан не только знал людей, но мог по звуку колокола узнать о характере того, кто бьет в колокол. Это проявление его чаньского сознания. Есть пословицы: «Есть устремления, нет устремлений — видишь огонь, тут же гаси»; «От малого до великого — один шаг». Линьтянь хотя и был мал, но уже знал о том, что колокол нужно почитать как Будду, так что неудивительно, что когда он вырос, то стал выдающимся монахом. Отсюда видно, что относясь к делам по-чаньски, можно добиться всего.

БРЕМЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА

個人承擔

Наставник Янчжи Фан-хуй происходил из области Юаньчжоу провинции Цзянси. Его мирская фамилия была Лин. Он с детства отличался умом и сообразительностью. Фан-хуй принял постриг в монастыре на горе Ушань в провинции Хунань. Там он был известен тем, что запоминал все тексты, прочитанные хотя бы один раз.

В течение долгого времени он следовал за чаньским наставником Цы-мином, по собственному желанию принял ответственность за малолетних послушников, но, несмотря на свои усилия, более чем за десять лет Фан-хуй так и не смог обрести пробуждение. Каждый раз, когда он обращался за наставлениями к Цы-мину, тот отвечал:

— Твоя работа слишком важна. После поговори-
рим.

Однажды, когда Фан-хуй в очередной раз обратился к Цы-мину за наставлением, тот сказал:

— Что ты переживаешь? Через несколько лет наши маленькие монахи покинут нас. Тогда и пробудайся, сколько хочешь.

Однажды Цы-мин покинул монастырь. Неожиданно пошел дождь. Янчжи встретил наставника на дороге и обратился к нему:

— Учитель! Поговорите со мной. Если не поговорите, то я не дам вам вернуться в храм!

Наставник Цы-мин сказал ему:

— Воспитатель! Если ты знаешь это, то все получится легко!

Когда он это произнес, у Фан-хуя как будто гром прогремел в ушах, в глазах сверкнула молния, и он обрел совершенное пробуждение и упал на землю, залитую дождем. Вода текла по нему, попадала ему в рот, намочила всю одежду, а он все кричал:

— Сегодня все легко! Сегодня все легко!

Однажды Цы-мин вышел в зал для медитаций, и Фан-хуй выступил с вопросом:

— Птица вдалеке кричит «на-на», прощается с облаком и садится на изломанный пик. Что это значит?

Наставник Цы-мин ответил:

— Я блуждаю по пустоши, а ты уже вошел в деревню!

Янчжи опять сказал:

— Все вещи прекратились, но я задам еще один вопрос.

Цы-мин в ответ выкрикнул, и Янчжи похвалил его:

— Хорошо кричишь!

Цы-мин опять крикнул, Янчжи крикнул в ответ, Цы-мин крикнул подряд три раза, после чего Янчжи трижды поклонился. После поклонов Янчжи искренне и почтительно обратился к учителю:

— Наставник! Доложу вам: это бремя каждый несет сам!

Выслушав его, Цы-мин взмахнул рукавом и ушел. Выражение его лица осталось холодным, на сердце его была радость: издалека до него донеслось:

— Это бремя каждый несет сам!

В чань-буддизме существует пять школ и семь направлений. Пять школ: Линьцзи, Гуйян, Цаодун, Юньмэнь и Фаянь. Если к ним добавить еще Янчжи и Хуанлун, то получится семь направлений. Почтенный Цы-мин не хотел все объяснять, ибо он надеялся, что Янчжи уже готов и ждет подходящего момента. Нужно было лишь сказать, чтобы Янчжи понял Путь и природу ума. Как хорош наставник Янчжи — сначала сказал, что все легко, а затем сказал, что это бремя каждый несет сам. Цы-мин взмахнул рукавом — тем самым он разрешал Янчжи самому нести свой груз. У чаньского наставника Янчжи Фан-хуя есть одна гатха: «Ум движется вслед за вещами, в движении может скрываться истина. Если повсюду узнавать природу, то нет ни радости, ни плача».

Человек предполагает, а Небо располагает: господин Чжу Ю-фэн, сжимая цветы и фрукты для приношения Будде, радостно спешил на утреннюю службу в храм Дафосы. Кто же мог знать, что едва он вступит в святилище, как его собьет с ног какой-то пробегавший мимо прихожанин. Все фрукты и цветы, которые нес Чжу Ю-фэн, оказались на полу. Увидев это прискорбное зрелище, господин Чжу не сдержался и закричал:

— Эй ты, невежа! Вывернул все мои приношения! Не хочешь ли мне это компенсировать?

Виновник происшедшего, господин Ли Наньшань, крайне недовольно произнес:

— Упало и упало. Что ж теперь делать? Я извинился и хватит с тебя. Чего ты так разозлился?

Господин Чжу еще больше разозлился:

— Ты что о себе думаешь? Сам во всем виноват, а еще других обвиняешь!

Так они довольно долго ругались и орали друг на друга, и шум их ссоры разносился по всему храму. В это время мимо проходил наставник Гуан-у, который услышал их ругань. Он отвел их обоих в сторону, чтобы выяснить причину скандала. Узнав, в чем дело, он сказал скандалистам:

— Сбивать с ног прохожих — это неправильно. Но в то же время неправильно и не принимать извинений от других. Все это глупо до невозможности. Искренне признать свою вину и принять от других извинения — таково поведение мудрого человека.

Далее наставник Гуан-у сказал:

— В этом мире слишком много ситуаций, которые требуют гармонии и взаимопонимания. Например, в общественной жизни нам необходимо общаться с друзьями и родственниками, в учебе нам необходимо находить взаимопонимание с учителем или с учениками, в бизнесе необходимо общаться с партнерами, в семейной жизни следует заботиться о муже и жене, заботиться о своем здоровье и здоровье других, выбирать собственный путь в жизни. Подумайте сами — из-за такой малости вы ссоритесь уже полдня — стоит ли это того?

Первым отозвался Ли Нань-шань:

— Наставник! Я крайне виноват! Я был так неосторожен!

Повернувшись к господину Чжу, он добавил:

— Примите мои искренние извинения! Я был так глуп!

Господин Чжу покаянно ответил:

— Я тоже был неправ! Не стоило скандалить из-за такой мелочи. Я вел себя как ребенок!

Слова наставника Гуан-у успокоили двух упорных скандалистов. Так что у чань есть высокое предназначение, но он может найти применение и в повседневности.

ЭТО И ЕСТЬ ЧАНЬ

那
就
是
禪

Ван Тянь был талантливым врачом. Однако, несмотря на это, больные у него часто умирали. Поэтому он очень боялся вида

смерти. Однажды, по дороге в клинику, он встретил странствующего монаха и сразу же обратился к нему с вопросом:

— Что есть чань?

Монах произнес:

— Я не знаю, как вам ответить, но одно можно сказать точно: после того как поймешь суть чань, не будешь бояться смерти.

После этого, по совету странствующего монаха, Ван Тянь отправился к наставнику Нань-иню. Найдя наставника, Ван Тянь представился, объяснил мотивы своего посещения и попросил совета.

Наставник Нань-инь ответил:

— Чань легко изучить. Если по профессии вы врач, то старайтесь получше лечить людей — это и будет чань.

Доктор Ван Тянь то ли понял, то ли не понял его, но еще три раза посещал наставника Нань-иня. Наставник всякий раз говорил ему:

— Врач не должен тратить время в монастыре. Скорей иди домой, лечи больных!

Ван Тянь же пребывал в раздумье, не понимая, как такие советы могут уничтожить страх смерти. Поэтому, когда он пришел в храм в четвертый раз, он обиженно спросил наставника:

— Странствующий монах сказал мне, что если познаешь чань, то не будешь бояться смерти. Однако каждый раз, когда я прихожу сюда, вы велите мне идти заботиться о моих больных. Это я и так знаю. Но если это и есть чань, пожалуй, мне не стоит больше приходить сюда за поучением.

Наставник Нань-инь с улыбкой похлопал его по руке и сказал:

— Я был к тебе слишком суров. Загадаю тебе для пробы один гунъань.

Тот гунъань, который Нань-инь загадал Ван Тяню, был: «Чжаочжоу нет». Ван Тянь размышлял над этим «нет» в течение двух лет. Но когда он рассказал наставнику Нань-иню то, что понял, то ответ был: «Ты еще не обрел чань». Ван Тянь не оставил своих попыток и в течение полутора лет продолжал размышлять над гунъанем. Постепенно ум его пробудился, и трудности постепенно исчезли. «Нет» превратилось в истину. Он хорошо лечил, и не знал, что лечит хорошо, и он преодолел страх смерти.

Когда Ван Тянь встретился наконец с наставником Нань-инем, тот только улыбнулся и сказал Ван Тяню:

— Забудь себя, пойми отсутствие Я, это и есть проявление чаньского духа!

Врач Ван Тянь часто видел страдания и смерть и поэтому, «видя смерть других, сам впадал в скорбь, боялся, что очередь скоро дойдет до него». Поэтому Ван Тянь испытывал страх смерти. Наставник Нань-инь заставлял его получше заботиться о больных — это была для Ван Тяня практика чань, потому что какой может быть чань без любви и ответственности? Только когда Ван Тянь понял смысл слова «нет», от представления о наличии ума перешел к пониманию отсутствия ума, от наличия Я — к представлению об отсутствии Я, от рожденности к нерожденности — только после этого Ван Тянь обрел бессмертный мир чань.

Наставник Эшань Цы-чжо обрел печать возможности пробуждения у наставника Юэчуань Чань-хуя. Юэчуань сказал ему:

— Ты — великий сосуд. До сегодняшнего дня ты шел путем успеха, начиная с этого момента никто в Поднебесной не сможет с тобой сравниться. Ты должен искать благо друга и сам разъяснять учение, но не забывай, что бродить среди облаков — главное дело чаньского монаха.

Однажды Эшань услышал, что в Цзянху наставник Байинь начал толковать «Би янь лу». Эшань отправился в Цзянху послушать Байиня, а заодно и предложить свое толкование текста. Откуда ему было знать, что Байинь скажет ему:

— Твое понимание происходит из ложного источника, меня окутали его миазмы!

После этого он выгнал Эшаня. Эшань не сдался, и еще три раза поднимался в зал, и все три раза бывал изгнан. Эшань подумал: «Я же пробужден, как же Байинь не видит этого? Наверное, он меня испытывает».

Подумав так, Эшань встал у ворот Байиня и закричал:

— Все это потому, что я раньше был глуп. Поэтому и осмелился надоедать наставнику. Взываю к милосердию, обещаю опустошить свое сердце и слушать.

Байинь сказал:

— Ты хотя и пришел сюда с огромным сомнением, но здесь, на берегу между жизнью и

смертью, у тебя нет сил. Если хочешь жить счастливо, послушай мой «хлопок одной ладонью»!

После этого Эшань прислуживал Байиню четыре года и в год своего тридцатилетия обрел пробуждение.

Эшань был одним из последних выдающихся учеников Байиня. Он великолепно и искусно применял чаньский стиль Байиня и достиг больших успехов. Однажды, когда Эшань был уже стар, он взял свою циновку и сам расстелил ее перед храмом. Ученики крайне удивились и спросили наставника:

— Учитель! У вас так много учеников, зачем же делать всякую ерунду самому?

На это Эшань ответил:

— Если старики не будут заниматься ерундой, то чем же им заниматься?

— Как чем! Совершенствованием!

Эшань горестно ответил:

— По-вашему, занятия разными мелочами — это не совершенствование? А то, что Будда лечил учеников иглоукалыванием, варил для них лекарства, — по-вашему, это что?

Так его ученики поняли связь чань с жизнью.

Самая большая ошибка заключается в том, что люди разделяют повседневную жизнь и совершенствование. На самом же деле многочисленные примеры, такие как занятия Хуанбо земледелием, производство приправ и чая Вэйшанем, то что Шишуан молот зерно, Линьцзи сажал сосны и работал мотыгой, а Сюэфэн собирал дрова и носил воду, Яншань пас коров, а Дуншань разводил фрукты, Юньмэнь таскал рис, а Сюаньша разводил леса, убеждают нас, что чань находится в средоточии повседневности.

Врач Ван Тянь, видя болезни и смерть других, сам боялся смерти. Наставник Нань-инь заставил его заботиться о больных, так что в конце концов Ван Тянь понял смысл слова «нет» и обрел бессмертный мир чань.

Я НЕ СЛУХОВАЯ ТРУБКА

不是傳聲筒

Некий послушник пришел к наставнику чань Те-чуань и попросил, чтобы тот растолковал ему «Линьци лу». Те-чуань сказал ему:

— Ты ошибся, за разъяснениями «Речей Линьци» тебе следовало бы обратиться к наставнику Хунчуаню из храма Юаньцзюэсы.

Послушник ответил:

— Нет! Я уже слышал толкование наставника Хун-чуаня. Я знаю, что вы являетесь прямым преемником наставника Ди-шуя из храма Тянь-лунсы. Мне непременно хотелось бы услышать ваши объяснения.

Те-чуань еще трижды отказывался, но послушник все не отставал, так что наставнику пришлось отправиться с ним в зал для занятий боевыми искусствами и приступить к упражнениям. Они прекратили тренировку, только когда с них обоих уже градом потек пот. Закончив занятие, Те-чуань вновь повел послушника в зал проповедей и, вытирая пот, с улыбкой обратился к нему:

— Ну как тебе понравилось мое разъяснение «Речей Линьци»?

Послушник крайне удивился — ведь они только тренировались в боевых искусствах, где же сами объяснения? Так что послушник так и не понял, как же ему ответить на вопрос наставника.

Те-чуань вновь спросил:

— Ну как тебе моя лекция?

Послушник растерянно ответил:

— Наставник! По-моему, ваша лекция — это всего лишь занятия с мечом?

Наставник Те-чуань проникновенно ответил:

— Ты знаешь, я ведь адепт пути меча. Хотя я и учился чань у учителя, но это не обычный чань. Прежде всего нужно понимать, что «Речи Линь-цзи» — это не теоретические рассуждения, неприемлимые на практике, и не то, что можно понять из устных объяснений. Что же касается разъяснений наставника Ди-шуя, то у меня их не получить, потому что я не слуховая трубка и не микрофон.

Послушник не согласился с ним и сказал:

— Разве предшествующие патриархи, передавая учение, не становились слуховыми трубками?

Те-чуань на это ответил:

— Передавать учение — это и есть передавать учение, а микрофон — это и есть микрофон.

«Не микрофон» — эти слова означают, что каждый наставник чань обладает собственным путем, а повторять вслед за кем-либо — это не чань, а обезьянничанье. Поэтому все, кто следует пути чань, должны сначала сами понять его, переварить его, впитать его в себя, и только потом выразить учение в словах.

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК 本來面目

Наставник Сяньянь Чжи-сянь был учеником наставника Байчжана. Он в совершенстве знал учение сутр и шастр. Впоследствии Чжи-сянь обучался у своего товарища, наставника Лин-ю. Однажды Лин-ю сказал ему:

— Я слышал, что ты обладаешь большой ученостью, так что я хотел бы спросить тебя: каков был мой изначальный облик, когда отец с матерью еще не родили меня?

Услышав этот вопрос, Чжи-сянь не мог вымолвить ни слова, вернулся к себе в келью и стал листать книги в поисках ответа, но не нашел ничего. Чжи-сянь обратился тогда к Лин-ю:

— Наставник, будьте милосердны, расскажите мне, каков был мой изначальный облик до моего рождения?

Гуйшань Лин-ю резко заявил:

— Я не могу тебе этого сказать — если я скажу тебе, ты об этом пожалеешь, а может быть, и обидишься на меня.

Поняв, что друг ничего ему не скажет, Чжи-сянь от расстройства сжег все свои книги и сутры и отправился на гору Байянь стеречь могилу государственного наставника Хуй-чжуна и каждый день размышлял над этим вопросом, который буквально сжигал его. Однажды, когда он полон траву у могилы, его мотыга неожиданно ударила по камню. Раздался звук удара и, услышав это, тело и ум Чжи-сяня освободились, и он обрел совершенное пробуждение. Чжи-сянь совершил

омовение, возжег благовония и обратился к Гуйшаню:

— Наставник, вы действительно крайне милосердны. Если бы вы тогда мне сказали, то я лишился бы сегодняшней радости.

Другие не могут даровать нам пробуждение, наш дух должен сам искать его.

ТКНИ В ЧАНЬ ПАЛЬЦЕМ

一指禪

Однажды, когда уже сгущались сумерки и накрапывал дождь, в обитель наставника Цзинхуа Цзюй-ди пришла монахиня по имени Ши-цзи. Она не доложила о себе и не сняла шляпы, а, опираясь на посох, прямо направилась в зал для медитаций и трижды обошла вокруг настоятельского места. Затем она сказала:

— Если ты верно мне ответишь, я, пожалуй, сниму свою шляпу.

Она три раза обращалась к нему с вопросами, но наставник Цзюй-ди не понимал, в чем дело, и ни слова не отвечал. Монахиня разгневалась и собиралась уйти, но тут наставник Цзюй-ди устыдился и вежливо сказал ей:

— Уже стемнело, останьтесь на ночь.

Монахиня остановилась и сказала ему:

— Если ты правильно ответишь, то я останусь.

Но наставник так и не понял, как ответить ей правильно.

Через некоторое время храм посетил наставник Тяньлун, и Цзюй-ди попросил его объяснить,

что значили слова монахини Ши-цзи. Тяньлун в ответ поднял перед ним палец. Цзюй-ди обрел пробуждение.

После этого всякий раз, когда у Цзюй-ди просили поучений, он поднимал перед спрашивающим палец, и многие таким образом достигли пробуждения. Поэтому «палец Цзюй-ди» стал достаточно известен.

У Цзюй-ди был послушник, который повторял все за учителем, и кто бы его ни о чем ни спросил, он всегда в ответ поднимал палец. Однажды Цзюй-ди зазвал послушника в зал проповедей и спросил:

— Ты тоже понимаешь Учение Будды?

— Понимаю!

— Ну и что такое Будда?

Послушник очень естественно поднял палец, а Цзюй-ди схватил его за руку и отрезал палец ножом. Послушник раскричался от боли, а наставник заорал на него:

— Ну-ка, еще раз скажи, что такое Будда?

Послушник хотел поднять палец, но пальца не было. Он тут же обрел пробуждение.

«Если правильно ответишь, то я сниму плащ и шляпу», — но на самом деле истину невозможно высказать, слова — это не истина. Цзюй-ди же не отвечал не потому, что не хотел, а потому, что не знал правильного ответа. Как только появляются различия в уме, мы сразу же отдаляемся от чань. Конечно, можно произносить уместные слова по случаю, говорить о внешнем или общаться с другими. Когда Тяньлун поднял палец, Цзюй-ди понял, что истина одна, а не две или три, и в дальнейшем учил именно этому. Послушник же глупо подражал ему, попус-

ту вздымая палец, и чань погружался в мир внешних свойств и неведения. Нож Цзюй-ди отрезал форму, и послушник понял ее отсутствие, осознал отсутствие внешне-го. Таким образом послушник вернулся к чаньскому сознанию и обрел пробуждение.

НЕ СТАНУ СНОВА РИСОВАТЬ

不
復
再
畫

Наставник Юэ-чуань был талантливым художником, но каждый раз перед тем, как приступить к картине, он требовал у покупателя аванса. Если же он не добивался этого, то не приступал к работе. Эта его практика возбуждала в обществе насмешку и пересуды.

Однажды некая девушка попросила наставника Юэ-чуаня помочь ей и нарисовать для нее картину. Наставник спросил ее:

— Каково будет вознаграждение за труды?

— Сколько надо, столько и получишь! — ответила девушка. — Только тебе придется пойти ко мне домой, чтобы все видели, как ты взмахиваешь кистью.

Юэ-чуань согласился и отправился вместе с девушкой. Оказалось, что у нее в доме банкет, и Юэ-чуань при всех написал ей прекрасную картину. Наставник получил свое вознаграждение и уже собрался уходить, как девушка обратилась к гостям:

— Смотрите, этот художник думает только о деньгах. Хотя он и прекрасно рисует, но сердце у него грязное, золото запачкало его красоту. Такую

работу, написанную исключительно из-за грязной жажды наживы, не следует вешать в гостиной, она может украсить только мою юбку.

С этими словами она сняла юбку и попросила Юэ-чуаня нарисовать что-нибудь на обратной стороне. Юэ-чуань спросил:

— А сколько заплатишь?

— Ах, да сколько хочешь!

Юэ-чуань загнул очень высокую цену, но девушка все равно требовала, чтобы он расписал ее юбку. Когда ее требование было выполнено, Юэ-чуань быстро ушел.

Многие удивлялись, почему Юэ-чуань все время требовал денег и шел на любое унижение. Что он мог при этом чувствовать.

Оказывается, в тех местах, где жил наставник Юэ-чуань часто случались бедствия, но богатые отказывались помогать бедным. Поэтому Юэ-чуань создал хранилище, где хранил зерно на случай помощи нуждающимся. Кроме того, его наставник принес обет построить храм, но, к несчастью, не успел выполнить его до смерти, так что Юэ-чуаню приходилось исполнять обет учителя самому.

После того, как Юэ-чуань исполнил свои мечты, он отложил кисть, удалился в горы и с тех пор больше не рисовал. Он говорил:

— Когда рисуешь тигра, то выходит шкура, а не кости; когда рисуешь человека, выходит лицо, а не сердце.

Деньги постыдны, но сердце — чистое.

Те, кто предан чань, не обращают внимания на славу или поношение, как, например, Юэ-чуань, который своим

чистым искусством добывал деньги, чтобы спасти людей. Его картины — это не обычная живопись — это чаньские картины. Он не стремился к богатству, он его отвергал, но многие ли могут понять его чаньские устремления?

ЗАЩИЩАТЬ И СПАСАТЬ ЗЛОДЕЕВ

護
賊
度
賊

Однажды вечером наставник Цань-мэн читал в своей келье, как вдруг услышал, что кто-то перелезает через стену. Он догадался, что это, наверное, вор, и позвал прислужника:

— Возьми деньги и отдай этому приятелю, что лезет через стену.

Послушник вошел в соседнюю келью и громко сказал:

— Незачем ломать стену, бери деньги и все!

Услышав это, вор испугался и удрал.

Цань-мэн принялся ругать послушника:

— Что ты так разорался, это твой рев его напугал. Жаль, убежал и денег не взял. Так холодно сейчас, он, наверное, и не ел ничего. Давай, беги за ним и отдай ему деньги.

Послушнику ничего не оставалось делать, как послушаться учителя и среди ночи отправляться на поиски вора, который спрятался неизвестно где.

Однажды еще был случай: наставница Ань-ян заснула, а вор украл ее единственную рясу, так что ей пришлось завернуться в лист бумаги, чтобы согреться.

Однако вора вспугнул ученик, совершавший ночной обход, вор бросил рясу и убежал, а ученики

подобрали ее и принесли наставнице. Наставница сидела, вся скорчившись, под листом бумаги и никак не могла согреться. Увидев, что принесли ей ученики, она сказала:

— Так разве рясу не украли? Откуда она взялась? Раз уж вор ее украл, пусть она ему и остается. Идите, быстрее верните ее ему!

Ученикам ничего не оставалось делать, и они, затратив много сил, наконец отыскали вора, который уже убежал очень далеко, и настояли на том, чтобы отдать ему рясу, как им приказала наставница. Вор был очень тронут и пришел в храм покаяться наставнице, принял у нее прибежище и с тех пор исправился.

Некоторые полагают, что у чаньских монахов сердца из камня, они идут в одиночку и не беспокоятся о страданиях других людей. Однако из поведения наставника Цань-мэна и наставницы Ань-ян видно их милосердие, самопожертвование и любовь к людям. Разве обычные люди могут в этом с ними сравниться? Настоящие пробужденные, подобно Будде, могут отрезать у себя кусок мяса, чтобы покормить орла, отдать все свое тело, чтобы накормить тигра, они гуманны и храбры, мудры и велики в своих деяниях. Их милосердие безусловно, сострадание изначально — все это благодаря чаньскому пробуждению.

СВОБОДА ДУШИ И ТЕЛА

身
心
自
在

Однажды наставник Линьцзи пребывал в затворничестве в период дождей (с 15-го апреля до 15-го июля, когда не разрешается покидать место обитания), но не выдержал и

прервал затворничество. Линьци отправился на гору Хуанбо к своему учителю, наставнику Хуанбо Си-юню.

Прибыв на место, он обнаружил Хуанбо читающим сутры перед образом Будды. Линьци удивился и сказал:

— Раньше я думал, что мой учитель великий человек, а теперь вижу, что он всего лишь еще один монашек, бубнящий сутры.

Хуанбо не стал ему ничего объяснять и просто оставил Линьци сидеть в храме. Однако Линьци пришел к выводу, что его учитель ищет Будду в словах и образах и пришел от этого в расстройство. Пробыв в монастыре несколько дней, он уже собрался покинуть гору Хуанбо, как наставник сказал ему:

— В период дождей ты покинул убежище — это уже серьезное нарушение. Сезон дождей еще не завершился, куда ты опять собрался?

Линьци ответил:

— Я пришел проведать вас. Это всего лишь краткий визит. Своей цели я достиг, так зачем мне оставаться?

В ответ Хуанбо ударил Линьци и затем выгнал из монастыря.

Линьци отошел уже достаточно далеко, но вдруг решил, что вот так вдруг уходить, пожалуй, не слишком хорошо, и вновь вернулся на гору Хуанбо и попросил, чтобы учитель еще его побил. Однако Хуанбо спрятал руки в рукава и не показывал кулаков.

Когда сезон дождей завершился, Линьци собрался уходить. Хуанбо спросил его:

— Куда ты собираешься?

— Если не в Хэнань, то в Хэбэй.

Услышав это, Хуанбо вновь стал бить Линьци. Линьци левой рукой отбивался, а правой сам нанес удар наставнику Хуанбо. Хуанбо рассмеялся и разрешил Линьци уйти со словами:

— Хорошо! Хорошо! У тебя есть то, откуда ты пришел, есть и то, куда ты идешь. Можешь пойти в Хэнань, а можешь и в Хэбэй.

За те три года, что Линьци пробыл у Хуанбо, он трижды бил своего наставника, а потом еще жаловался наставнику Да-юю, что его самого избивали. Конечно, это очень нехорошо. Да-юй же утешил его: «Старик Хуанбо обладает искренним сердцем. Он ругает, потому что любит. Разве это плохо?» Линьци понял смысл этих слов, и когда он дал сдачи Хуанбо, тот рассмеялся. Это означало, что Линьци понял его мысли и обрел печать сознания. И раз так, то все стороны света ему открыты.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

誰
是
後
人

Наставник Тяньхуан Дао-у в течение пяти лет практиковался под руководством наставника Цзиншаня. По завершении этого срока он отправился странствовать и, прибыв к наставнику Шитоу Си-цяню, задал ему вопрос:

— Чему еще вы можете научить, кроме преодоления, сосредоточения и мудрости?

Шитоу ответил:

— Я здесь никого не связывал и никого ни к чему не принуждал. Ты говоришь о преодолении, что же ты хочешь преодолеть?

Дао-у не был удовлетворен ответом и продолжал:

— Как прикажете понимать ваши слова?

Шитоу вновь спросил его:

— Скажи-ка, понимаешь ли ты, что такое истинная пустота праджни?

Дао-у покивал головой:

— Это я еще давно понял. Пустота не мешает чудесному наличию, чудесное наличие не мешает пустоте.

Шитоу был разочарован:

— Не думал я, что ты тоже пришел оттуда!

Дао-у не согласился:

— Вы говорите, что я «оттуда». Значит, по-вашему, есть и «отсюда». Вы думаете, что там, откуда я пришел, есть мои следы?

Шитоу кивнул:

— Я давно понял, откуда ты пришел.

— На каком основании вы меня унижаете?

Шитоу засмеялся и, ткнув в Дао-у пальцем, сказал:

— Твое тело и есть и основание и доказательство. Разве не отсюда ты пришел?

Дао-у надолго погрузился в раздумье и в конце концов спросил:

— Хоть вы и говорите, но приходят из другого места и уходят тоже в другое место. Я же всего лишь спросил, каким же все-таки образом нам просвещать тех, кто следует за нами?

Вдруг Шитоу закричал:

— Ответь! Кто ж это следует за нами?

При этих словах Дао-у мгновенно обрел пробуждение.

Смысл беседы Шитоу Си-цяня с Тяньхуан Дао-у о том и этом главным образом касался понимания колеса жизни и смерти. «Я знаю, что ты пришел оттуда» означало, что Дао-у пребывал еще в мире заблуждения и иллюзии. Основание — да разве же тело, материя, подверженные воздействию кармы, не являются доказательством? По размышлению Дао-у понял, что еще не достиг освобождения, и поэтому сказал: «Приходят из другого места и уходят в другое место». Он имел в виду, что жизнь и смерть приходят извне, сменяют друг друга непрерывно, так как же их понимать? Поэтому неудивительно, что Шитоу закричал: «Кто идет вслед за нами?»

ПОКА ПОЖИВУ У ВАС

借住與你

Наставник Тяошуй был настоятелем в храме Чаньлиньсы, но часто странствовал по другим местам, ведя жизнь бродячего монаха. Поэтому ученики прозвали его «бродяга Тяошуй».

Однажды в ходе своих странствий Тяошуй добрался до столицы, поселился в соломенной хижине подле амбара какого-то богатея и зарабатывал на жизнь тем, что продавал плетеные туфли. Напротив него жил конюх. Однажды он радостно подбежал к Тяошую и сказал ему:

— Вчера я возил одного деятеля в храм, поклониться Будде, и там отец-странноприимец по-

дарил мне образ Амитофо. Я хочу поднести его вам, чтобы установить с вами благую связь. Можно?

Наставник Тяошуй обрадовался:

— Вот спасибо на добром слове.

Он повесил образ на стену и приписал рядом благодарственную молитву:

— Хотя хижина мала, как птичье гнездо, но поживи пока со мной, Амитофо. Может, потом попаду к тебе, так посижу на лотосовом троне.

Государственный наставник Дадэн, так же как и «бродяга Тяошуй», совершенствовался среди нищих, поскольку в этот период он заразился какой-то болезнью, так что у него болела нога, и он не мог прямо сидеть. Перед смертью он обратился к своей ноге:

— Всю жизнь я слушал тебя, а теперь ты сделай, как я говорю!

С этими словами он согнул больную ногу, сел в позу лотоса и устремился к следующей жизни. Тут прибежал наставник Тяошуй и протянул ему подаренный образ Амитофо со словами:

— Слышал, что вы собрались в Землю Будды. Может, вы незнакомы с тамошним хозяином — Амитофо, так я вам специально его портрет принес, чтобы вы там не запутались. А то вдруг не узнаете — будет очень жалко.

Государственный наставник Да-дэн оттолкнул образок и произнес:

— Оставь себе на память. Чистая земля у меня в сердце, Амитофо — в моей природе. Ты разве не слышал: «Только в сердце Чистая земля, сам в себе Амитофо»?

Услышав эти слова, Тяошуй обрадовался и сказал:

— Так пусть он еще у меня поживет! Мы еще строим Чистую землю в сердце, создаем в себе Амитофо!

Государственный наставник Да-дэн с улыбкой встретил свой конец.

Наставник Тяошуй скрывался среди нищих и зарабатывал на жизнь обувной торговлей. Он повесил у себя образ Амитофо не потому, что хотел ему поклониться, — он просто пустил Будду к себе пожить и сам ожидал от него подношения. Это пример взаимопомощи. Это также значит, что у каждого человека своя Чистая земля и свой Амитофо. Это и продемонстрировал наставник Да-дэн, который нашел прибежище в собственной природе, а не во внешних вещах, и поэтому не принял в подарок образок. Эти два монаха «дышали одним воздухом» и поэтому могли посмеяться друг над другом.

БЕСФАМИЛЬНЫЙ

無
姓
兒

Пятый Патриарх — великий наставник Хун-жэнь до своего обращения в буддизм был лесником на горе Потоушань. Он очень завидовал Четвертому Патриарху Дао-синю и умолял того постричь его в монахи. Дао-синь полагал, что Хун-жэнь уже слишком стар и не может преобразовывать окружающий мир, и поэтому утешал последнего следующими словами:

— Если бы ты смог еще раз вернуться в утробу, я, так уж и быть, подождал бы тебя в мире.

Лесник распрощался с Четвертым Патриархом и вышел на край речного каньона, где и заметил девушку, полоскавшую пряжу. Он обратился к ней с просьбой:

— Девушка! Нельзя ли пожить у тебя некоторое время?

— У меня есть отец и братья, сама я не могу решить, иди, спроси у них.

— Нет, ты сначала согласишься, а потом уж я пойду спрашивать.

Девушка взглянула на него — убогого старика, который просил у нее убежища, и кивнула головой в знак согласия. И что удивительно, вернувшись домой, эта незамужняя девушка понесла. Отец и брат решили, что она опозорила их, и выгнали ее из дома. Девушке пришлось наняться в батрачки. Когда у нее наконец родился мальчик, его бедная мать решила выкинуть этого несчастливого ребенка в реку, но ребенок, против ожидания, всплыл и умолял помочь ему вырасти и стать мужчиной.

Поскольку отец ребенка был неизвестен, жители деревни дали ему прозвище Бесфамильный. К шести-семи годам Бесфамильный стал уже очень умным, сообразительным ребенком и вызывал всеобщую любовь. Однажды в эти места прибыл с проповедями Патриарх Дао-синь. Бесфамильный, увидев его, крепко схватился за его рясу и не выпускал. Он требовал, чтобы Дао-синь постриг его в монахи. Дао-синь взглянул на этого малолетку и, погладив его по головке, сказал:

— Ты же еще мал, куда ж тебе становиться монахом?

Но ребенок горестно, как взрослый, произнес:

— Наставник! Раньше вам не нравилось, что я слишком стар, а сейчас не нравится, что я слишком молод. Так когда же наконец я смогу принять постриг?

Дао-синь вдруг прозрел и стал быстро спрашивать мальчика:

— Как тебя зовут? Откуда ты родом? Где родители?

— Зовут меня Бесфамильный, живу в деревне в десяти ли отсюда.

— У всех есть фамилии, только у тебя нет. Так как же твоя фамилия?

— Моя фамилия — природа Будды, другой фамилии у меня нет!

Услышав это, Дао-синь крайне обрадовался — такой маленький, а уже такой мудрый — настоящий дракон Учения Будды.

Впоследствии Дао-синь передал ему рясу и патру, и этот мальчик стал Пятым Патриархом чань.

Буддизм говорит, что прошлое, настоящее и будущее связаны между собой причинно-следственными связями, все крутится в потоке стремлений и желаний. Судьба Хунжэня показывает, что это не пустые слова. Говорят «слишком стар для монаха» или «слишком молод для монаха» — это все отговорки, но Бесфамильный сделал «природу Будды своей фамилией» и смог стать Патриархом чань.

ОКОВЫ ПРОСТРАНСТВА

鎖
虛
空

Наставник Цзиньби Фэн после пробуждения отбросил все мирские стремления, единственно только не смог отказаться от своей любимой нефритовой чаши, из которой он привык есть. Каждый раз, перед тем как предаться созерцанию, он проверял, надежно ли спрятана его чаша, и после этого спокойно погружался в сосредоточение.

Однажды владыка ада Яньло-ван узнал, что срок жизни Цзиньби Фэна истек и ему предстоит новое рождение. Исходя из этого, он послал нескольких бесенят привести к нему наставника.

Но наставник Фэн давно уже знал, что время его пришло, и решил сыграть с владыкой ада шутку. Он вошел в глубокое сосредоточение и решил выяснить, что на уме у Яньло-вана. Посланные бесенята день за днем ждали, когда наставник выйдет из сосредоточения, чтобы привести его к владыке, но никак не могли этого сделать. Поэтому бесенята решили попросить совета у местного духа земли о том, как бы им вывести наставника из сосредоточения.

Дух земли подумал и сказал:

— Этот Цзиньби Фэн очень любит свою нефритовую чашу, если бы вам удалось ее забрать, то он разволнуется и выйдет из сосредоточения.

Бесенята, выслушав совет, быстренько разыскали чашу наставника и стали ее подбрасывать. Наставник услышал, как они подкидывают его чашу, пришел в возмущение и вышел из своего со-

средоточения с тем, чтобы отнять ее у бесов. Увидев это, бесы обрадовались и захлопали в ладоши.

— Отлично, а сейчас просим вас проследовать за нами к владыке ада.

Услышав это, наставник понял, что одна эта привязанность грозит разрушить труды его бесчисленных жизней, разбил чашу и быстро вновь погрузился в сосредоточение.

После него остались стихи:

Если хочешь поймать Цзиньби Фэна,
То знай, он убежит от оков пространства,
Но если пространство станет оковой,
Тогда лишь ты сможешь его поймать.

После этого он обрел окончательную нирвану.

Наставник Цзиньби Фэн мог сражаться с силами кармы и мог шутить с владыкой ада. Он полагал, что обладает «самостоятельным самадхи», в котором он мог преодолевать ограничения пространства и времени, представления о личности, жизни и смерти, и, следовательно, не получать кармического воздаяния. Но как только у него возникла привязанность к чаше, сразу же проявил себя обыденный ум, и на первый план выступило сансарическое существование. Таким образом и смогли черты его захватить. К счастью, чаньские способности Цзиньби Фэна оказались совершенно выдающимися, и он смог вновь вернуться в самадхи, пребывать в своей природе, лишенной пребывания. Его истинное сознание обрело единство с пространством, и он смог восхвалить себя словами: «Но если пространство станет оковой, тогда лишь ты сможешь меня поймать».

ИСТИННЫЙ ЧЕЛОВЕК БЕЗ МЕСТА

無
位
眞
人

Наставники Яньтоу, Сюэфэн и Цяньшань однажды на дороге встретились с настоящим Дином. Яньтоу спросил его:

— Откуда вы идете?

Дин ответил:

— Я был у Линьцзи.

Яньтоу походя спросил:

— Как поживает наставник Линьцзи?

— Он уже обрел нирвану, — ответил настоящий Дин.

Услышав это, три наставника чрезвычайно огорчились и сказали:

— А мы специально идем поклониться наставнику. Вот ведь неудача — придется уйти, не увидев его. Не могли бы вы сами немного рассказать нам о его учении?

Настоятель Дин сказал:

— Наставник Линьцзи часто учил, что в нашей плоти есть истинный человек, который не имеет местопребывания, но часто входит и выходит через наше зрение, слух, обоняние, осязание, вкус и разум. Другими словами, каждый раз, когда вы думаете, смотрите, слушаете и прочее, вы порождаете активную чувственную жизнь. Если нет этого самопробужденного человека, то нужно лишь открыть око сердца и всмотреться в себя.

Услышав это, наставник Яньтоу непроизвольно высунул язык, а наставник Цяньшань спросил:

— А почему его не называют неистинным человеком без места?

Вдруг настоятель Дин схватил наставника Цяньшаня и крикнул:

— А чем истинный человек без места отличается от неистинного человека без места? Говори! Говори!

Цяньшань не мог ответить, его лицо то зелене-ло, то краснело.

Яньтоу и Сюэфэн поспешили извиниться перед настоятелем:

— Он только приступил к практике, еще не знает, как себя вести, обидел он вас, извините нас!

Настоятель Дин ответил:

— Если бы не ваши извинения, я сегодня убил бы этого новичка!

«Истинный человек без места». В этом сочетании «место» означает пространственное положение, «истинный человек без места» есть абсолютно высший человек, не связанный пространственными ограничениями. Иными словами — это природа Будды. Это наш изначальный облик, преодолевающий пространство и время, который лишь временно оказался заключенным в нашей плоти. В действительности о нем можно говорить и как о «неистинном человеке без места». Настоятель Дин хотел побить наставника Цяньшаня за то, что тот много болтал: ведь истинного человека без места нелегко найти, а как же увидеть неистинного человека без места? Хорошо, что наставник Яньтоу успокоил настоятеля Дина, так что тот не стал выяснять у Цяньшаня разницу между «истинным человеком без места» и «неистинным человеком без места».

Однажды великий литератор Бо Цзюй-и отправился с визитом к наставнику Няого Дао-линю. Прибыв на место, он увидел, что наставник сидит на дереве подле журавлиного гнезда, и сказал:

— Сидеть на дереве очень опасно!

На что Няого ответил:

— Наместник! Ваше место тоже очень опасно!

Бо Цзюй-и не согласился:

— Низшие чиновники почитают высших — какая же в том опасность?

Наставник ответил:

— Дрова и огонь порождают друг друга. Если своеволие не остановить, как же можно говорить о том, что опасности нет?

Наставник имел в виду, что между чиновниками царит соперничество, они предаются порочным мыслям — опасность заключена в этом. Бо Цзюй-и вроде бы понял и сменил тему беседы:

— В чем основной смысл учения Будды?

Няого ответил:

— Не делать зла, стремиться к добру!

Бо Цзюй-и надеялся, что наставник поведаст ему собственное сокровенное учение, а тот отделался общими словами. Поэтому поэт разочарованно произнес:

— Это и трехлетний ребенок знает.

Наставник Няого ответил:

— Трехлетний, может, и знает, а и восьмидесятилетний не может исполнить.

Учение Будды, о котором сказал наставник Няого, кажется очень простым и обыденным, однако много ли людей могут его исполнить? Если все люди смогут очиститься, не делать зла и устремиться к добру, то разве смогут сохраниться ложные воззрения и порочные мысли? И разве наш мир не наполнится радостью и любовью? Выслушав наставника Няого, Бо Цзюй-и полностью отказался от присуших ему ранее самовосхваления и гордыни.

БЛЕСК ИСТИННОГО СОЗНАНИЯ

眞
心
不
昧

Государственный наставник Мэн-чуан из храма Тяньлунсы был учителем семи императоров и в течение долгого времени наслаждался благосклонностью властей, народа и верующих. Однажды по дороге в столицу он заехал в храм Мяосиньсы посетить наставника Гуаньшаня.

Узнав о прибытии Мэн-чуана, Гуаньшань, накинув на себя старую, залатанную рясу, подбежал к воротам приветствовать гостя. Оба они были очень рады встрече. Однако в бедном храме Гуаньшаня не было ничего, чем бы можно было почтить государственного наставника, поэтому Гуаньшань достал из шкатулки немного денег и отправил послушника купить блинов, чтобы угостить государственного наставника. Государственный наставник был очень тронут гостеприимством Гуаньшаня и, нимало не стесняясь, съел все блины и уехал.

Обычно Мэн-чуан въезжал в столицу очень торжественно, в сопровождении большой свиты. Однажды Мэн-чуан проезжал на колеснице храм Мяосиньсы и увидел, что Гуаньшань сам подметает храмовый двор, причем не выбрасывает опавшие листья, а собирает их, чтобы потом топить ими печь.

Увидев это, Мэн-чуан не удержался и сказал сопровождающим:

— Мое учение забрал Гуаньшань!

Каждый раз, когда Гуаньшань отправлялся с визитом к Мэн-чуану, то сначала мыл ноги в небольшом ручье перед храмом, ибо опасался нанести грязи в святилище. Впоследствии Мэн-чуан дал послушникам Тяньлунсы распоряжение положить на берегу ручья ровный камень, чтобы Гуаньшаню было удобней мыть ноги.

Только через долгое время после этого Гуаньшань узнал, что камень положен по распоряжению Мэн-чуана, и воскликнул:

— Государственный наставник и есть государственный наставник. Его твердость в учении крепче и тверже этого камня.

И по сию пору на горе Мяосиньшань сохраняется «камень для мытья ног государственного наставника Гуаньшаня».

Исток учения — в почтении, практика учения — в жизни. Почтение Гуаньшаня было наивысшим. Он сам трудился, подметая храм, и не выбрасывал опавшие листья — он ценил свое достояние и любил природу. Эти несколько медяков из шкатулки были ценнее, чем кусок золота, блины оказались вкуснее роскошных яств. Его

уважение простиралось так далеко, что, даже отправляясь с визитом, он мыл ноги. Поведение наставника Гуаньшаня вызывало у людей почтение, и неудивительно, что наставник Мэн-чуан сказал, что ему самому далеко до Гуаньшаня.

ГРУБО И НЕЖНО

說
粗
說
細

Когда танский император Сюань-цзун¹ еще не вступил на престол, ему часто приходилось скрываться в буддийских монастырях. Одно время он был даже секретарем чаньского наставника Тань-гуаня. Будущему императору очень нравилось чаньское учение об отсутствии опоры на письменные знаки, неприверженности и непосредственном освобождении.

Однажды танский наследник престола жил в монастыре, где настоятелем был Хуанбо. В один из дней принц заметил, что наставник Хуанбо распростерт ниц перед статуей Будды и молится. Он спросил у наставника:

— Настоятель, разве вы не учили нас, что не следует быть приверженным к Будде, Дхарме и Сангхе. Я вижу, что вы так горячо молитесь, — что же все-таки вам нужно?

Хуанбо раскричался на него:

— Не привержен к Будде, Дхарме и Сангхе. Нужно быть истинно приверженным — ты понял?

Сюань-цзун не согласился и насмешливо сказал:

¹ Сюань-цзун — император династии Тан. Правил с 712 по 756 гг., считался покровителем буддизма.

— Раз так, то зачем же вы молитесь?

Услышав это, Хуанбо, не стесняясь, врезал будущему императору. Тот оторопел, а потом сказал:

— А еще монах! Совершенствуется! Как можно быть таким злым?

Наставник Хуанбо вновь дал ему в ухо и сказал:

— Это что такое? Еще тут будешь разводить — грубо, нежно!

Сюань-цзун решил продемонстрировать твердость духа:

— Ты можешь молиться Будде, Дхарме и Сангхе, а я тоже могу говорить о грубости и нежности.

Хуанбо рассмеялся:

— Неплохо! Значит, я могу молиться, а ты можешь жаловаться на грубости.

Хуанбо был уникальным наставником, он широко мыслил, был очень разносторонним. Единственно, он не любил споров и препирательств. Основа его учения была такова: «Будда и живые существа есть единственно ум, и нет иных дхарм. Эти дхармы есть ум, вне ума нет дхарм, ум и есть дхармы. В дхармах нет ума, в уме нет ума и нет отсутствия ума. Если у ума нет ума, то ум становится наличием». Хуанбо воспринял печать сознания от своего наставника и развил чань отсутствия сознания. Не быть приверженным к Будде, Дхарме и Сангхе есть чань отсутствия сознания. Но истинная приверженность есть приверженность к наличию ума. Наличие и отсутствие ума в действительности есть истинный ум. Грубость и нежность есть Будда, Дхарма и Сангха, проистекающие из истинного ума.

ЧИРЕЙ В ФОРМЕ ЛИЦА

人
面
瘡

Когда наставник У-да Чжи-сюань был странствующим монахом, в столице ему встретился больной монах из Западного края, которому никто не помогал. У-да промыл его нарывы, приложил к ним лекарства и заботился о нем, пока тот не выздоровел. После выздоровления этот незнакомец сказал У-да:

— Если когда-нибудь заболеешь, ищи меня под двумя соснами на горе Цзюлуншань в Чжанчжоу в Западном Шу!

Через много лет звезда У-да возшла высоко, танский император И-цзун его весьма уважал и почтил его чином государственного наставника, подарил ему сандаловое кресло. Наставник и сам преисполнился сознанием собственной удачи. Вдруг на колене у него вскочил нарыв, напоминающий по форме лицо — с носом, ртом и глазами, — точно как у людей. Ни один врач не мог излечить государственного наставника и, когда уже надежды совсем не осталось, он вспомнил слова монаха из Западного края. У-да поспешил отправиться на гору Цзюлуншань и, найдя между указанными ему двумя соснами источник, увидел там же и давешнего монаха, который приготовился промыть нарыв со словами:

— Не беспокойся! Этот чистый источник вылечит тебя!

Только У-да собрался промыть нарыв, как тот открыл рот и заговорил:

— Полегче! Ты знаешь, почему у тебя на колене вскочил такой нарыв? Читал в «Истории Западной Хань» о том, как Юань Ан убил Чао Цо? Ты — воплощение Юань Ана, а я и есть погубленный тобой Чао Цо. Уже десять веков я ищу случая отомстить, но ты уже десять столетий монах, чист и исполняешь заповеди, так что мне до тебя не добраться. Только сейчас, когда ты достиг высокого положения, возгордился и утратил путь, я смог приблизиться к тебе. Сейчас милосердный промоет меня водой самадхи и смоет с меня мои преступления, так что мы больше не будем связаны и я не побеспокою тебя.

Слушая нарыв, У-да прямо весь вспотел, рванулся к источнику и стал поливать нарыв водой. Вдруг его пронзила резкая боль, в глазах потемнело. Когда он очнулся, на колене не было нарыва, и незнакомый монах тоже исчез.

Совершенствуясь на пути, необходимо познать собственную природу и сделать ясным ум, но все равно никому не дано избежать воздействия кармы прошлых жизней. Только через благие дела, раскаяние и сострадание можно обрести спасение.

Сам по себе ты можешь уже и не иметь грехов, но воздействие прошлых дел продолжается, и этим нельзя пренебречь. Так называемые проявленная карма, карма рождения и последующая карма непременно скажутся.

Государственному наставнику У-да посчастливилось встретиться с почтенным милосердным, который приложил лекарство, вылечил его болезнь и избавил его от воздействия плохой кармы. Впоследствии У-да составил ритуал раскаяния, очень популярный до настоящего времени: «Хочу повсюду уничтожить старую карму и призываю

избегать новых проступков». Разве можно не бояться воздействия кармы прошлого, настоящего и будущего?

ЕСТЬ И НЕТ

有
與
無

Некто спросил наставника Чжи-цзана:
— Наставник! Существуют ли в действительности рай и ад?

— Да!

— Существуют ли будды и бодхисаттвы?

— Да!

— Существуют ли причина и следствие, действие и воздаяние?

— Да!

И так на любой вопрос Чжи-цзан отвечал:

— Да! Да!

У верующего возникли сомнения, и он сказал:

— Учитель! Вы ошиблись!

— Это где же я ошибся?

— Я спрашивал наставника Цзиншаня. Он на все отвечает: «Нет!»

— Как же так «нет»?

— Я спрашивал его о рае и аде, буддах и бодхисаттвах, причинах и следствиях, и он сказал, что ничего нет. А вы говорите, что есть. Почему?

— А, вот оно что! Ну-ка, я спрошу: У тебя есть жена?

— Да.

— А дети есть?

— Есть.

— А деньги, золото?

— Есть.

— А у наставника Цзиншаня есть жена?

— Нет.

— А дети у него есть?

— Нет.

— А деньги у него есть?

— Нет.

— Поэтому-то Цзиншань и говорил тебе «нет», а я говорю тебе «да» — ведь у тебя есть жена и дети.

Разве в этой беседе «да» и «нет» действительно так уж отличаются друг от друга? На самом деле это одно и то же, наличие и отсутствие — это две стороны одного и того же. Дао-Путь различен в зависимости от того, кто его постигает. Наставники иногда говорят «да», иногда — «нет». Это происходит исключительно из-за того, что мы с разных точек зрения пытаемся получить ответ на различные вопросы.

ГДЕ НАХОДИТСЯ ДАО?

道
在
何
處

Монах спросил наставника Вэй-куаня:

— Где находится Дао?

— Под носом.

— А что ж я его не вижу?

— У тебя есть Я, поэтому и не видишь.

— У меня есть Я, поэтому я и не вижу. А вы видите?

— Есть Я, есть Ты. Есть их круговорот. Поэтому Дао невидимо.

— Нет Я, нет Ты — кто же стремится увидеть Дао?

И еще спросил наставника:

— Кто предок Будды?

— Боюсь сказать. Ты можешь не поверить.

— Если вы скажете, кто же рискнет не поверить?

— Ну, так это ты и есть!

— Чем докажете?

— Бельмо на глазу как цветок в пустоте. Преодолеешь ложные иллюзии и станешь как Будда.

«Где находится Дао? Кто предок Будды?» Зачем мы отказываемся от того, что близко, и устремляемся вдаль, зачем отказываемся от себя и ищем это у других?

НЕПОДВИЖНОСТЬ УМА 不動心

В одном месте часто происходили бедствия. Буддисты решили не оставаться в стороне и помочь. Они пригласили музыкальный ансамбль, организовали концерт и сумели собрать некоторую сумму денег. Монахи одного из храмов тоже купили билеты и пошли посмотреть представление.

Один новый послушник полагал, что они поступают неправильно, что чаньские монахи не должны посещать музыкальные представления. Поскольку это была их коллективная акция, он не мог вести себя так, как ему хотелось, но тем не менее он закрыл глаза, подобрал полы одежды и не обращал внимания на царившее вокруг веселье.

В середине представления организаторы обратились к зрителям с призывом сделать пожертвования. Этот послушник страшно рассердился и закричал:

— Я даже глаз не открыл, за что это я должен платить?

Услышав его, организатор концерта серьезно произнес:

— Люди тут глазели во все глаза, так с них берем только половину. Ты же смотрел с закрытыми глазами, значит и пожертвовать должен в два раза больше.

Когда мы совершенствуемся, ни в коем случае нельзя закрывать глаза и думать, что если ничего не видеть и не слышать, то ничего и не будет. В действительности важно смотреть сердцем и размышлять. Поэтому, когда мы что-нибудь смотрим или слушаем, главное сохранять неподвижность ума. Это и будет истинное совершенствование.

ТЫ И ЕСТЬ БУДДА

你
就
是
佛

Наставник Лин-сюнь отправился с визитом к наставнику Гуй-цзуну.

Лин-сюнь обратился к Гуй-цзуну с вопросом:

— Наставник! Что такое Будда?

Наставник Гуй-цзун в затруднении помотрел на него:

— Это! Трудно сказать. Боюсь не поверишь.

— Наставник! Я пришел к вам с искренним желанием познать Путь. Как я могу не верить вашим словам?

Гуй-цзун покачал головой:

— Ну ладно. Раз ты согласен поверить, то подойди ко мне поближе, я тебе скажу.

После этих слов Гуй-цзун прошептал Лин-сюню в самое ухо:

— Ты и есть Будда.

Лин-сюнь оторопел и вдруг рассмеялся:

— Я и есть Будда. Ха-ха! Я и есть Будда!

Этот гуньань учит нас, что Путь не обязательно искать где-то в туманных даях, за пределами своего сознания. Путь пребывает в сердце каждого человека. Если мы стремимся к учению за пределами нашего ума, то это как искать очки у себя на носу или принимать корягу за рыбу. Каждый человек при рождении уже обладает природой Будды. «Будда в твоём духе, не ищи его вдали, а дух в твоём сердце». Не следует пренебрегать своим духом, нужно отыскать сокровище собственной природы у себя в сердце.

ГДЕ НЕТ БУДДЫ?

那里没有佛

Некий наставник однажды вместе с остальными монахами читал сутры в святилище. Вдруг он встал и плюнул на образ Будды. Монах, наблюдавший за порядком, разругал его:

— Разве так можно! Где это видано: плевать на Будду!

Плюнувший же еще раз откашлялся и спросил стража:

— Скажи-ка мне, где во вселенной нет Будды? Я хочу еще раз сплунуть, скажи пожалуйста, куда мне плюнуть, чтобы не попасть в Будду?

Этот плеватель уже понял, что «природа Будды объемлет мир, дхармакая повсюду во вселенной». Разве же не плевать в Будду — признак уважения? На самом деле это показывает, что еще ничего не знаешь о Будде. Ведь Будда повсюду, он объемлет весь мир, поэтому тот наставник и спросил: «Скажи мне, где нет Будды?» Разве есть ответ на этот вопрос? Если не можешь ответить, то, значит, еще не пробужден. Но пробужденный может правильно отреагировать на подобный вопрос, в чем и проявятся его одухотворенная мудрость и чаньские способности.

Откуда ты пришел?

你
從
那
里
來

Когда Хуй-нэн первый раз пришел к Пятому Патриарху Хун-жэню, тот спросил его:

— Откуда ты пришел?

— Из Линнаня.

— Линнань — это страна дикарей. У дикарей нет природы Будды.

Хуй-нэн ответил:

— У людей есть Север и Юг. А разве для природы Будды существуют Север и Юг?

После этой важной беседы Хуй-нэн стал предметом особой заботы Пятого Патриарха и впоследствии стал его преемником. Позднее Хуй-нэн часто встречал этим же вопросом многих новых учеников. Приведу четыре примера:

1. К Шестому Патриарху (Хуй-нэну) прибыл Шэнь-хуй. Хуй-нэн спросил его:

— Откуда ты пришел?

— Ниоткуда.

Этот ответ весьма обрадовал Шестого Патриарха.

2. Наньюэ Хуай-жан прибыл к Хуй-нэну в возрасте двадцати трех лет. Хуй-нэн спросил его:

- Откуда ты пришел?
- От наставника Аня.
- Ну, и что принес собой?

Наньюэ не смог ответить на этот вопрос и поэтому оставался у Хуй-нэна около десяти лет и только в возрасте тридцати трех лет достиг пробуждения.

3. Циньюань Син-сы прибыл к Хуй-нэну, и тот спросил его:

- Что ты делал перед тем, как прийти сюда?
- Даже благородным истинам не следовал.

Смысл этого ответа в том, что Син-сы не хотел даже быть патриархом учения — так что же ему в таком случае делать? Этот ответ тоже порадовал Хуй-нэна.

4. Наставник Наньян Хуй-чжун, который был одно время государственным наставником, также прибыл к Хуй-нэну. Увидев его, Шестой Патриарх спросил:

- Откуда ты пришел?
- Хуй-чжун ответил:
- Да тут, неподалеку.

В свое время вопросом: «Откуда ты пришел?» — Пятый Патриарх открыл чаньские способности Хуй-нэна. Поэтому сам он, когда стал Шестым Патриархом, тоже проверял приходивших к нему с помощью этого вопроса. Он стремился к тому, чтобы его собеседник задумался о глубочайших основаниях собственного бытия, погрузился в поиск своего истинного облика.

Заронить сомнение — это очень частый прием при встрече послушника в чаньском монастыре: в цепи следующих друг за другом вопросов и ответов последователи чань могут усмотреть сияние своей истинной природы, узнать свой изначальный облик.

Ноги учителя

師
父
腿
子

В одном старом храме жил некий чаньский монах с двумя учениками. Этот монах страдал ревматизмом. Ему было трудно ходить, так что каждый день его ученики по очереди массировали ему ноги, чтобы уменьшить боль. Всякий раз, когда старший ученик массировал ему правую ногу, наставник говорил:

— Твой приятель массирует мне левую ногу, и мне очень приятно. Ты должен массировать так же, как он.

Старший ученик очень расстраивался, слыша эти слова. Всякий раз, когда младший ученик массировал ему левую ногу, наставник говорил:

— Твой приятель очень здорово массирует мне правую ногу. Иди — поучись у него.

Младший ученик тоже весьма огорчался от этих слов.

Однажды, когда младшего ученика не было в храме, старший ученик пришел массировать ноги учителя. Он все время размышлял о тех похвалах, которые учитель расточал его соученику, и чем больше он об этом думал, тем больше злился. В конце концов он решил отрубить левую ногу учи-

теля, с тем чтобы его младшему собрату больше нечего было массировать.

На следующий день младший ученик увидел, что левая нога учителя отрублена и ему нечего массировать. Тогда он отрубил учителю правую ногу, которую массировал его старший собрат.

Из-за гнева и зависти ученики отрубили учителю ноги и превратили наставника в безногого инвалида. И сейчас есть у нас те, кто не может перенести чужого успеха. Я злюсь на тебя, ты завидуешь мне, и в итоге страдает все общество и каждый член этого общества.

ОДУШЕВЛЕННОЕ И НЕОДУШЕВЛЕННОЕ

有情
與
無情

Наставник Хуйтан Цзу-синь по прозвищу Драгоценное пробуждение происходил из провинции Гуандун. Он был последователем наставника Хуанлун Хуй-наня и близко дружил с известным литератором Хуан Шань-гу¹. Однажды Хуан Шань-гу пришел к нему поговорить о пути чань, и Хуйтан спросил его:

— Конфуций кое-что скрывал от учеников. Я думаю, что это сродни чаньской практике умолчания. А ты как полагаешь?

Хуан Шань-гу ответил:

— Я в этом не очень разбираюсь.

¹ Известный сунский поэт и каллиграф Хуан Тин-сянь (1045—1105).

Они отправились на прогулку в горы и увидели, что горы и долины полны цветов, чей аромат наполнял воздух благоуханием.

Хуйтан спросил:

— Ну как? Чувствуешь запах?

— Чувствую. Какой аромат!

Хуйтан, имея в виду что-то другое, произнес:

— Видишь, я ничего от тебя не скрью.

Хуан Шань-гу ничего не понял. Когда они завершили прогулку и вернулись к обеду, Хуан Шань-гу спросил:

— Наставник! В сутре сказано: «Имеющий чувства и не имеющий чувств одинаково обладают мудростью». Это верно?

Хуйтан ответил:

— Вообще-то это верно. Но когда эти слова произносишь ты, они становятся ложными.

— Это почему?

Хуйтан ничего не ответил. В это время собака улеглась под столом в обеденном зале. Хуйтан слегка ткнул ее палочками для еды, собака твякнула и убежала. После этого Хуйтан ударил палочками по столу, и только после этого произнес:

— Собака — одушевленное существо, если ее ударишь, она убежит. А стол — неодушевленная вещь, как его ни бей, с ним ничего не станется. Разве имеющее чувства и не имеющее чувств — одно и то же?

Хуан Шань-гу не знал, что ответить, а наставник продолжал:

— У горы есть дух, у реки тоже есть дух, и у цветка есть дух, и у дерева. Вся природа, горы,

реки, земля — все это неисчерпаемые чудесные проявления. Даже нежные ростки бамбука не что иное, как мудрость, ароматные цветы — чудесная истина. Поэтому одушевленное и неодушевленное обладают полнотой мудрости.

Хуан Шань-гу засомневался в словах наставника, они показались ему противоречивыми. Наставник же подытожил:

— Если начнешь различать, то это не путь чань. Разве можно думать, что мир — это не то же самое, что ты сам?

Только после этого Хуан Шань-гу обрел понимание.

В течение жизни мы сталкиваемся с массой разнообразных явлений, рассуждаем в соответствии с ситуацией, спотыкаемся и нагибаем голову. Так одушевленное реагирует на неодушевленное. В Чистой земле цветы, деревья и воды проповедуют учение — таким образом неодушевленное учит одушевленное. Взглянешь на текущий поток — и осознаешь быструю смену света и тени, увидишь, как опадают лепестки с цветов, — и осознаешь непостоянство жизни. Поэтому мы не должны рассматривать себя отдельно от остального мира, противопоставлять одушевленное и неодушевленное. Необходимо пребывать в гармонии, поддерживать друг друга. Поскольку все в мире есть влияние внутренней истинной природы, аромат цветов и пение птиц ничего не скрывают от нас. Так разве же мы не сможем открыть око мудрости, чтобы увидеть все это?

ВЕЛИКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

大
機
大
用

Однажды Байчжан Хуай-хай прибыл с визитом к Ма-цзу Дао-и и встал рядом с ним. Ма-цзу повернулся и увидел висящую в углу плетку-мухогонку. Хуай-хай проследил за его взглядом и сказал:

— Так и надо пользоваться, так не надо пользоваться!

Ма-цзу Дао-и спросил:

— Как ты собираешься привлекать учеников?

Хуай-хай взял плетку и держал ее вертикально перед собой.

Ма-цзу сказал:

— Так и надо делать, так не надо делать!

Хуай-хай повесил плетку на место.

Ма-цзу вдруг заорал, да так, что Хуай-хай оглох на три дня.

Однажды Байчжан Хуай-хай сказал своим ученикам:

— Великое учение — это не мелочь. Однажды я на три дня оглох от воплей великого наставника Ма-цзу.

Услышав эти слова наставника, Хуанбо Сиюнь произвольно высунул язык.

Байчжан спросил:

— Разве ты не собираешься продолжить учение Ма-цзу?

Хуанбо ответил:

— Сегодня вы задали этот гунъань с тем, чтобы мы увидели великие способности наставника Ма-цзу. Но все-таки я его еще не понял. Если я продолжу его учение таким образом, то всех учеников распугаю.

Байчжан сказал:

— Верно! Верно! Ты думаешь так же, как я. Только если твое понимание превосходит понимание учителя, ты способен продолжить традицию. А ты кое в чем превзошел меня.

Выслушав его, Хуанбо с почтением поклонился.

Впоследствии Гуйшань спросил Яншаня:

— Байчжан учился у Ма-цзу. Каковы были далекие устремления двух почтенных наставников?

Яншань ответил:

— Проявить великие возможности и великие действия.

Гуйшань спросил:

— У Ма-цзу было восемьдесят четыре ученика. Кто из них обладал великими возможностями и великими действиями?

— Байчжан обладал великими возможностями, Хуанбо обладал великим действием. Остальные прославляли путь.

Великие возможности чань заключены в возможности непосредственно реализовать истинное сознание, познать собственную природу и стать Буддой. Нам в жизни необходимы свобода, полнота, совершенство и радость.

Дух и плоть должны быть едины, ум и объекты должны быть тождественны. Следовать Пути Будды и не становиться Буддой, следовать Пути живых существ и не становиться живым существом, учить пробуждению — это и есть чань.

Однажды холодной зимой в двери хижины наставника Жун-си постучался нищий и, плача горькими слезами, обратился к наставнику:

— Наставник! Мои жена и дети уже несколько дней не ели. Я изо всех сил стараюсь накормить и обогреть их, но мне никак не удается. А тут еще снегопад — у меня старая болезнь обострилась, у меня действительно нет сил. Если так дальше пойдет, жена и дети умрут с голоду. Наставник, помогите, пожалуйста!

Наставник Жун-си выслушал его и проникся сочувствием, однако ни денег, ни еды у него не оказалось, как же помочь? Наставник не мог придумать ничего иного, как взять золотую фольгу, которую он приготовил для украшения статуи Будды, и отдать ее нищему со словами:

— Иди, быстрее обменяй ее на деньги.

Присутствовавшие при этом ученики были поражены решением Жун-си. На лицах у них выразилось неодобрение, и они стали возражать:

— Эта фольга для украшения Будды, как вы могли вот так просто отдать ее кому ни попадя?

Наставник радостно сказал им:

— Вы, похоже, не понимаете смысла моих действий. Но я так поступил исключительно для вящей славы Будды!

Ученики не поняли его и гневно обратились к наставнику:

— Наставник! Вы так поступили для славы Будды. Так не более бы славным было продать

его статую, а вырученные деньги употребить на даяние?

Наставник ответил:

— Я почитаю Будду и верю в него. Пусть даже я попаду в ад, я все равно буду так поступать.

Ученики все никак не успокаивались:

— Отдал кому-то золотую фольгу Будды. Разве же это почитание Будды?

Наставник наконец не выдержал и закричал:

— Будда отрезал у себя кусок мяса, чтобы накормить орла, отдал свое тело на съедение тиграм. Будда ничего не жалел для живых существ, вы можете это представить?

Только тут ученики поняли великое милосердие наставника Жун-си, осознали, что его поступки полностью соответствуют духу буддизма.

Будда имеет тридцать два признака и восемьдесят украшений, которые он заслужил накоплением заслуг милосердия. Безусловное сострадание, прирожденное милосердие подразумевают, что для блага живых существ можно пожертвовать всем: деньгами, имуществом, землей, домом, телом, жизнью. Так что же в сравнении с этим золотая фольга? Действия наставника Жун-си — это проявление милосердия Будды. Неважно, кем ты приходишься человеку, какая тебе от него польза, прирожденное сострадание побуждает тебя отдать все. Будда в наших сердцах, зачем же мы отвергаем его из-за золотой фольги?

БУДДЫ НЕ ОБМАНЫВАЮТ

諸佛不欺

Когда наставник Хуанбо принял постриг, он был уверен, что должен «отбросить родственные чувства и достичь надеяния, только так можно отплатить за милость». Поэтому в течение тридцати лет он вел чаньскую жизнь, никогда не заходил домой, не навещал родственников. Но в глубине души он все равно скучал по старой матери. Однажды, когда ему исполнилось уже пятьдесят лет, в своих странствиях он непроизвольно оказался на дороге к дому.

Мать Хуанбо тоже скучала по своему сыну-монаху, но не давала ему о себе знать, только плакала целыми днями, так что в конце концов ослепла. Ожидая сына, мать построила у дороги чайный домик, где не только принимала странствующих монахов, но даже и приводила их в дом, где омывала им ноги в знак почтения. Для этого была еще одна причина: она была слепа, а на левой ноге у наставника Хуанбо была мозоль, и она надеялась, что когда-нибудь омоет ноги своему любимому сыну и узнает его по этой мозоли. В тот день Хуанбо тоже воспользовался гостеприимством матери, позволил ей омыть свои ноги и рассказал ей о том, как Будда принял постриг и ушел в монахи. Он надеялся, что у его матери появится вера, и она успокоится. Но он дал ей омыть только правую ногу, не показав левую.

Хуанбо два раза подряд приходил домой, и хотя ему было тяжело, он, каждый раз преодолевая себя, вновь уходил странствовать.

Соседи не удержались и в конце концов сказали матери, что этот монах, который рассказывал ей о монашестве Будды, и есть ее сын, по которому она так скучала. Услышав это, мать как сумасшедшая закричала:

— То-то его голос так похож на голос моего сына!

И она бросилась за ним вслед и добежала до берега реки. Но ей не повезло: наставник Хуанбо уже взошел на корабль, и корабль отплыл от берега. Мать прыгнула в реку и, к несчастью, утонула.

Хуанбо, стоя на противоположном берегу, увидел, как тонет его мать, разрыдался и горестно сказал:

— Если сын стал монахом, его родичи в девяти коленах попадают в рай. Если они не попадут на Небо, то Будда лжет.

Наставник Хуанбо вновь сел на корабль, вернулся и предал мать огненному погребению. Он произнес гатху:

— Мать долгие годы была в заблуждении, но ныне цветы распустились в лесу пробуждения. Она достойна вверить свою жизнь милосердной Гуань-инь.

Когда наставник произносил эти слова, все жители деревни увидели, как его мать из костра возносится в небо.

Наставник Хуанбо Си-юнь происходил из провинции Фуцзянь, принял дхарму в Цзянь у наставника Байчжана Хуай-хая. Однако, он также учился в Аньхое у наставника Наньцюаня Пу-юаня. Наставник Хуанбо не был непочтительным сыном. Сыновняя почтительность бывает трех

видов: 1) малая почтительность — материальная поддержка и забота; 2) средняя почтительность — прославление и восхваление предков и родителей; 3) великая почтительность — спасение души родителей и предков. Наставник спас мать — это высочайшее проявление великой почтительности.

ЧУДЕСНАЯ ФУНКЦИЯ ВОПЛЕЙ 喝

Некий послушник очень хотел изучить чань-скую практику криков и ударов посохом. К сожалению, ему некого было об этом спросить. Однажды к ним в монастырь приехал наставник У-сян. Послушник почтительно обратился к нему:

— Наставник! Как мне изучить путь вопля?

Наставник ответил:

— Иди к своему наставнику и спроси: «Когда должно в кои веки что делать?» Что бы он ни ответил, ты в это время заори: «А-а-а!» — и все.

Хотя У-сян и сообщил послушнику такой хороший способ, однако послушник с трудом запомнил сочетание «в кои веки», и он заменил это словами «лен-конопель». После этого он набрался смелости и обратился к наставнику:

— Наставник! Когда должно лен-конопель что делать?

Наставник выслушал его и, сдерживая смех, сказал:

— Лен-конопель? Поджарить можно, или сварить.

喝
之
妙
用

Тут послушник громко закричал:

— А-а-а-а!

Получилось очень мило, и сам послушник тоже имел необычайно гордый вид. Наставник мгновенно переменял тему:

— Послушник! Ты не поперхнулся?

— Нет! Нет! Не поперхнулся, ведь это не настоящий лен-конопель!

Тут все, бывшие в зале, громко рассмеялись.

Крики Линьцзи и удары посохом Дэшаня — это одно из выражений чаньской техники, очень многим удавалось от крика или удара обрести пробуждение. Так что Линьцзи и Дэшань — самые большие специалисты по ударам и крикам среди чаньских монахов.

Крик подразумевает единичность и чистоту, это просто звук восклицания, его смысл и его роль в пробуждении трудно выразить. Из-за крика рушатся камни и падает небо, и хотя крик вроде бы ни с чем конкретно не связан, многие обретали совершенное и полное пробуждение именно благодаря крику.

Но крик — это не просто ни к чему не обязывающий визг — он проникает на Небо и охватывает Землю, раскалывает мир иллюзий и достигает сердца Будды. Послушник же только притворялся, что и вызвало смех окружающих. Поэтому чань — это не искусство подражания и попуайства, необходимо прозреть Путь из глубины сердца.

ВКУС ЧАНЬ 禪味

В период династии Тан жил монах Лайцзань. Убежищем ему была пещера на горе Наньюэ в провинции Хунань. Этот монах сочинил стихотворение, выражавшее его чувства:

Дела мира велики и обширны,
Они больше, чем холм или гора.
Лежу на циновке из лиан,
Голову склонил на камень.
Не поклонялся Сыну Неба,
Пожелаю ли участи князя?
Не раздумываю о жизни и смерти,
Что же еще меня взволнует?

Случилось так, что это стихотворение достигло слуха императора Дэ-цзуна¹, который пожелал встретиться с этим монахом и узнать, кто он таков. Поэтому он послал чиновника привести Лай-цзаня ко двору. Посланец получил императорское повеление и отправился разыскивать пещеру Лай-цзаня. Когда он вошел в жилище монаха, тот как раз стряпал в пещере обед. Чиновник воскликнул:

— Императорский указ! Становись на колени и принимай!

Но наставник Лай-цзань притворился глухим и не обратил на посланца никакого внимания.

Посланец пригляделся и увидел, что наставник топит очаг коровьим навозом, а на огне стоит сосуд из земляной тыквы. Чем дольше наставник грел сосуд, тем ярче горел огонь. Дым и огонь наполнили пещеру, так что все внутри и снаружи было окутано черным туманом, и у наставника потекли слезы и сопли из носа. Посланец не удержался и воскликнул:

— Наставник! У вас из носа течет! Подотрите.

Наставник ответил, не повернув головы:

— У меня нет времени вытирать сопли ради каких-то мирян.

¹ Дэ - цзун — танский император, правил с 780 по 785 гг.

После этого наставник снял с огня горячую тыкву и начал есть ее содержимое, приговаривая:

— Вкуснятина! Вкуснятина!

Посланец пригляделся и замер от удивления: наставник ел камни. Лай-цзань протянул несколько камней посланцу со словами:

— Ешь, пока горячее. Три мира есть лишь ум, все вещи — лишь восприятие. Бедность, богатство, знатность, подлость, сырое, вареное, твердое, мягкое — не следует противопоставлять их в сознании и в восприятии.

Посланец посмотрел на эти удивительные дела и на монаха, который учил чему-то непонятному, и не осмелился ничего ответить. Ему только пришлось быстро вернуться ко двору и доложить всю правду императору. Император Дэ-цзун расстроганно воскликнул:

— Такой монах — счастье для всей страны!

Некоторые из монахов живут с людьми, некоторые предаются отшельничеству. Те, кто живут с людьми, стараются принести им пользу и работают на благо общества, отшельники скрываются в горах и пещерах и совершенствуются на пути. Некоторые из монахов лишь телесно пребывают среди людей, душой же они — отшельники, некоторые отшельники душой, наоборот, в миру. Те, кто подобен Лай-цзаню, полагают, что императорская милость все равно что любовь владыки ада, пришедшего за душой умирающего. Дорогие подарки и подношения для них лишь ненужное и утомительное бремя. О таких монахах можно сказать, что они превзошли мир.

При династии Сун жил некий военачальник по имени Цао Хань. После подавления разбойников на Юге он возвращался в столицу и по дороге заехал в храм Юаньтунсы на горе Лушань. Монахи, зная, что дисциплина в отряде Цао Ханя плохая, заранее разбежались и спрятались. В храме остался только настоятель, наставник Юань-дэ, который восседал в зале Учения. Цао Хань обратился к нему, но наставник не обратил на него внимания, даже головы не повернул. Цао Хань, полагавший себя могучим героем, был очень уязвлен этим и гневно обратился к наставнику:

— Как ты смеешь вести себя столь непочтительно? Разве ты не знаешь, что перед тобой великий военачальник, который, не моргнув глазом, убивает всех на своем пути?

Выслушав его, наставник сказал:

— Военачальник разорался перед статуей Будды, разве он не боится причин, следствий и воздаяния?

Цао Хань опять заорал:

— Какие причины-следствия, воздаяния-невоздаяния. Ты что, смерти не боишься?

Наставник Юань-дэ тоже возвысил голос:

— А ты разве не знаешь, что перед тобой чаньский монах, который не боится смерти?

Цао Хань удивился смелости наставника и склонился перед его твердостью.

— А что, в таком большом храме остался всего один монах? А остальные где? — спросил он.

— Только ударь в колокол, они тут же соберутся.

Цао Хань тут же принялся бить в колокол. Он бил довольно долго, но никто так и не появился. Он был огорчен и спросил наставника Юань-дэ:

— Что же никто не идет на колокол?

— Потому что когда ты бьешь, тобой движет дух убийства. Попробуй, произнеси: «Славься учитель Будда Шакьямуни» — и ударь еще раз.

Помолившись, Цао Хань вновь ударил в колокол, он бил и молился, молился и бил. Вскоре в храме собрались все попрятавшиеся монахи. Цао Хань необычайно вежливо обратился к наставнику:

— Наставник, как ваше прозвание?

— Меня называют наставник Юань-дэ.

Цао Хань вскрикнул и повалился на колени:

— А, так это вы прославленный добродетелью и высокими устремлениями наставник Юань-дэ. Пожалуйста, научите меня, как достичь победы в войне?

Наставник Юань-дэ сурово ответил:

— Не знаю!

С древних времен находились добродетельные люди, которые в годину смут защищали святые места, погибали вместе со своими святилищами. Это были мудрые, милосердные и храбрые люди, подобные наставнику Юань-дэ. Не бояться оружия — это храбрость, заставлять людей молиться — это милосердие, говорить в соответствии с моментом — это мудрость. В особенности ответить «не знаю» на вопрос о достижении победы в войне есть высшее выражение мудрости, гуманности и добродетели. Это проявление чаньского сознания.

ОТСУТСТВИЕ БОЛЕЗНЕЙ 不病的體

Наставник Дуншань Лян-цзе происходил из провинции Чжецзян и имел мирскую фамилию Юй. В двадцать один год он принял полные обеты и проходил обучение у наставников Наньцюаня, Лин-ю, Юньяня и других. Затем, увидев тень на воде он обрел пробуждение. В своих странствиях Лян-цзе обошел Цзянси, Аньхой, Хубэй, Хунань и в конце концов на десять лет поселился на горе Дуншань в храме Путисы в провинции Цзянси. Учеников у него было весьма много, но больше всех он отличал наставников Юньцзюй Дао-ина и Цаошаня Бэньци. В возрасте шестидесяти трех лет Дуншань приблизился к нирване, и Цаошань спросил его:

— В вашем теле, наставник, поселилась болезнь. Скажите, есть ли не больное тело?

Дуншань ответил:

— Есть!

— Можно ли в нем увидеть наставника?

— Я сейчас на него смотрю.

Цаошань не понял:

— Не знаю, как же вы на него смотрите?

Дуншань наставительно произнес:

— Когда я смотрю, то не вижу болезни!

Смысл этого в том, что материальное тело больно, и это всем видно и понятно. Дхармовое же тело свободно от болезни, но его нельзя увидеть и познать.

Через некоторое время наставник Дуншань почувствовал себя плохо и начал омовение, надел

рясу и ударил в колокол с тем, чтобы проститься с учениками. Потом он сел выпрямившись и более не дышал. Ученики, увидев это, не удержались и зарыдали, некоторые даже стали обвинять Цаошаня, что он подгонял наставника умереть. В этот момент наставник Дуншань вдруг открыл глаза и обратился к плакальщикам:

— Монахи не привержены к вещам, это истинный путь. Что же вы плачете?

Затем он велел устроить «праздничный обед дураков». Ученики знали, что по завершении обеда они расстанутся с учителем и по мере сил растягивали его. Так что праздник длился семь дней. Дуншань во всем принимал участие наравне с учениками. Когда обед завершился, Дуншань обратился к ученикам:

— Не надо рыдать обо мне. Пусть мне будет поспокойнее. И запомните, когда человек приближается к концу, ни в коем случае нельзя плакать и причитать. Отныне вашим благим другом является Цаошань!

Сказав это, наставник Дуншань вернулся в комнату настоятеля, сел прямо и отошел.

В последние годы наставник Дуншань Лян-цзе проповедовал на горе Дуншань. У Цаошаня Бэнь-цзи на горе Цишуй (Цаошань) было не менее тысячи двухсот учеников. Цаошань хотел укрепить свою организацию и создать собственное направление. Цаошань был преемником Дуншаня, однако эта линия не продолжилась, и в третьем поколении учение перешло к направлению Юньцзюй Дао-ина. Однако для школы Цаодун Цаошань необычайно важен.

Что касается болезней, то естественно, что физическое тело рождается, живет, болеет и умирает. Но истинное дхар-

мовое тело не подвержено рождению, смерти, старости и болезни. Дхармовое тело есть истинная природа физического тела, эти два тела находятся в единстве. Как можно через физическое тело прозреть его истинную природу — дхармовое тело? Созерцаем!

НЕ ОСТАВИТЬ СОМНЕНИЙ 不給人懷

Мирская фамилия наставника Хэлиня Сюань-су была Ма. Современники прозвали его Ма-су. Впоследствии, в подражание Ма-цзу Дао-и его тоже прозвали Ма-цзу. Из этого видно, что его слава была почти такой же, как у Ма-цзу Дао-и.

不
給
人
懷

Один мясник очень много слышал о славе и добродетели Хэлиня, поэтому он специально приготовил прекрасный обед и от всей души просил наставника Хэлиня пожаловать на банкет. Наставник спокойно отправился на банкет, чем вызвал недоумение всех в храме. Видя неодобрительную реакцию монахов, наставник Хэлинь спокойно сказал:

— Природа Будды равна у всех, присуща и дураку и мудрецу. Он отложит мясницкий нож и станет Буддой. Его можно спасти, и я его спасу. Что же тут удивительного?

Сказав так, наставник, нимало не беспокоясь, принял подношение от мясника, а вернувшись с пира, заперся в своей келье и ни с кем не говорил. Некий послушник несколько раз стучался к нему в дверь. Наставник спросил:

— Кто там?

— Наставник, это я.

Хэлинь ответил:

— Не говори, что это ты. Пусть даже и сам Будда пожалует, все равно не пущу.

Послушник не понял:

— А Будду-то почему не пустите?

Хэлинь ответил:

— Тут даже для Будды места мало. Ему не поместиться будет.

Послушник сказал:

— Ну ладно, объясните мне, зачем Патриарх пришел с Запада, так я и заходить не буду.

Наставник Хэлинь очень сострадательно ответил:

— Патриарх пришел с Запада для того, чтобы отблагодарить мясника за подношение.

Послушник вновь спросил:

— И ради этого он пришел с Запада? Как-то это сомнительно.

Наставник Хэлинь ответил:

— В сомнительном не сомневайся, в очевидном не будь уверен. У нас тут нет сомневающихся, хочешь сомневаться, давай иди сомневайся куда-нибудь еще. Ведь я не утверждаю несомнительные вещи и не сомневаюсь в необоснованных вещах.

Послушник задумался, поклонился закрытым дверям и ушел.

Обычные люди не верят другим и не верят сами себе, испытывают сомнение во всем, полагают правильным ни в чем не соглашаться. Профессия мясника — убивать, но он искренне совершает подношение, и в этом определенно проявилась его природа Будды. Так разве может пробуж-

денный отказаться от встречи с природой Будды? Наставник Хэлинь не пустил послушника в келью. Главное, чего он хотел, было не допустить в людях сомнений. Ведь чаньские монахи каждый день постигают смысл прихода патриарха с Запада, и если нет милосердия, нет мудрости искусных средств, то как же можно достичь успеха в созерцании?

**Великий учитель
Син-юнь**

ЧАНЬСКИЕ БЕСЕДЫ

литературно-художественное издание

ISBN 5-85803-108-0

Набор — *Е. А. Торчинов, К. Ю. Солонин*

Редактор, корректор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Л. Гохман*

Художник — *З. Резкий*

Выпускающий — *Д. А. Ильин*

Издательство

«Петербургское Востоковедение»

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Для корреспонденции:

198152, Санкт-Петербург, а/я 111

ЛР № 065555 от 5.12.1997

Подписано в печать 23.03.1998

Формат 70x100 1/32

Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная

Объем 12 п. л. Тираж 1 000 экз.

Заказ № 689

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ

Санкт-Петербургская типография «НАУКА» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ

Е. А. Торчинов. РЕЛИГИИ МИРА: Опыт за пределами. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. ISBN 5-85803-078-5

Настоящая книга является первой в отечественной, а в значительной степени и в мировой науке попыткой представить религию в качестве целостного психологического феномена.

Автор развивает и обосновывает принципиально новый психологический подход к истолкованию феномена религии, исходя из понятия глубинного религиозного опыта как особой психологической реальности и активно используя разработки представителей трансперсональной психологии (С. Гроф и его школа).

Во введении рассматривается структура религиозного опыта и его типы, вопрос о взаимодействии религии с другими формами духовной культуры (мифология, философия, наука). Первая—третья части посвящены рассмотрению конкретно-исторических форм религиозной практики изменения сознания (психотехники) с целью приобретения глубинного

(трансперсонального) опыта. Рассматриваются формы шаманской психотехники, мистериальные культы древнего Средиземноморья, сложнейшие формы психотехники, разработанные в религиях Востока — даосизме, индуизме, буддизме. Особая глава посвящена «библейским религиям откровений» — иудаизму, христианству и исламу. Особый интерес представляет глава «Каббала и Восток», в которой проводятся параллели между иудейским мистицизмом (каббала) и религиозно-философскими учениями индо-буддийской и дальневосточной традиций.

**ОПТОВЫЕ ЗАКУПКИ «РЕЛИГИЙ МИРА»:
ФИРМА «КСП» (095) 283 48 66**

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ КНИГА:

Линь-цзи И-сюань. ЗАПИСИ БЕСЕД ЛИНЬ-ЦЗИ (Линь цзи лу)

Настоящий том объединяет два важных памятника китайской письменной культуры — так называемые *юйлу*, записи бесед величайших чаньских наставников: «Линь цзи лу» Линь-цзи И-сюаня (IX в.); «китайского Сократа», по выражению Демьевиля, и «Пан цзюй ши юй лу» Пан Юня. Памятники содержат богатейший материал, позволяющий судить о состоянии чаньской традиции в конце эпохи Тан (618—907), о методе и практике чань в целом и специфической их модификации у данных авторов. Говоря о своеобразии практики Линь-цзи, стоит упомянуть хотя бы комплекс своеобразных технических приемов, призванных пробудить интуицию (ведь только с помощью интуиции, согласно чань, может быть постигнута истина), среди которых ориентация на шок («шоковая терапия»), вызываемая не только физическим воздействием, но и словом. «Враждебное» отношение чань-буддистов к слову как к средству передачи истины по иронии судьбы не помешало им оказаться чуть ли не единственными передатчиками разговорного языка эпохи, насыщенного старыми идиомами, простонародными выражениями, вульгаризмами, употребление которых отвергалось учеными-литераторами. И потому чаньский текст чрезвычайно труден для перевода: он таит в себе массу загадок, требует многочисленных примечаний-комментариев.

Комментированный перевод памятников, выполненный **И. С. Гуревич**, сопровождается очерком исторической грамматики китайского языка эпохи Тан на материале чаньских *юйлу*.

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ КНИГА:

Гэ Хун. МУДРЕЦ, ОБЪЕМЛЮЩИЙ ПЕРВОЗДАННУЮ ПУСТОТУ (Баопу-цзы) Эзотерический раздел (нэй пянь)

Трактат выдающегося даосского философа, алхимика, медика и историка Гэ Хуна «Баопу-цзы», написанный около 320 г., представляет собой своеобразную энциклопедию раннесредневекового даосизма. Учение о Дао-Пути вселенной и путях его обретения, алхимия и магия, медицина и астрология, учение о бессмертных небожителях и рецепты

изготовления эликсира вечной жизни — вот только некоторые из тем, подробно рассматриваемых Гэ Хуном в его «алхимическом апокалипсисе», как назвал трактат «Баопу-цзы» великий российский китаевед академик В. М. Алексеев.

Трактат Гэ Хуна уже давно привлекал внимание отечественных исследователей. Еще в 20-е годы над ним начал работать выдающийся синолог Ю. К. Щуцкий, однако его трудам не суждено было завершиться. И только теперь российский читатель получает

возможность познакомиться с этим удивительным текстом, в котором переплетаются описания магических грибов и рассуждения о даосизме и конфуцианстве, рецепты трансмутации металлов и увлекательные новеллы о бессмертных, философские размышления и рекомендации по дыхательной практике и сексуальной гигиене.

Перевод представляет значительный интерес для востоковедов, культурологов, религиоведов, историков науки, медиков и всех интересующихся духовной культурой Китая.

Первый полный перевод трактата «Баопу-цзы» на русский язык выполнен

Е. А. Торчиновым.

ВЫШЛА КНИГА:

Хирага Гэннай (1729—1780) был одним из самых эрудированных представителей своего времени. Он прекрасно знал не только японскую и китайскую классическую литературу, но также проявлял интерес к западной науке и способствовал ее распространению в Японии. Широкую известность принесла ему повесть «Необычайные похождения Сидокэна» («Фурю Сидокэн-дэн»), рассказывающая об удивительных приключениях героя, при помощи волшебного веера побывавшего в

самых разных государствах с самыми разными и диковинными обычаями. Эти приключения едва не закончились гибелью Сидокэна — потерявшего свой веер, а с ним и способность перемещений в пространстве — на Острове Женщин, в публичном доме, где он изнемогал от исполнения мужских обязанностей... Только вмешательство небожителя спасло незадачливого путешественника, навсегда излечив его от пристрастия к посещению «веселых кварталов».

Это своего рода японский аналог «Приключений Гулливера» Дж. Свифта или же «Кандида» Вольтера, где фантастический сюжет используется для зашпигованной критики современного автору общества. Повесть пронизана тонким юмором, иронией и весьма живописна. Настоящее издание, богато иллюстрированное оригинальными японскими гравюрами и их стилизациями, является первой на русском языке публикацией «Необычайных походов Сидокэна».

Все книги нашего издательства вы можете заказать наложенным платежом по адресу: 198152, Санкт-Петербург, а/я 111, а также: через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги. 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., д. 28; Оптовые закупки книги Хирага Гэнная: ИТД «ЛЕТНИЙ САД» (812) 232 21 04; (095) 255 01 98

ВЫШЛА КНИГА:

КИТАЙСКАЯ ГЕОМАНТИЯ. Сост., вст. статья, пер., примеч. и указ. М. Е. Ермакова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. ISBN 5-85803-083-1. 224 с.

Геопатогенные зоны. Земные и космические излучения. Биосфера. Биоритмы. Биолокация. Культура жилища. Окружающая среда. Гармония с природой...

Эти понятия, лишь недавно вошедшие в современный лексикон, были предугаданы китайской цивилизацией столетия назад. Первые западные исследователи называли новое для себя культурное явление китайской геомантией. Теперь в науке принято собственно китайское обозначение — *фэншуй*, т. е. «ветры и потоки».

Как ни относиться к китайской геомантии — как к оккультной науке, квазинауке, паранауке, системе древних суеверий, или же науке третьего тысячелетия, — она явно и зримо присутствует в современном облике китайского мира.

Настоящая книга ставит перед собой задачу подготовить российского читателя к восприятию китайской геомантии на лучших образцах мировой синологии, выгодно отличающихся от многих незрелых и поверхностных опытов последнего времени. В книге представлены переводы из сочинений Э. Айтеля, Иоганна де Гроота, Джозефа Нидэма.

Книга представляет собой первый на русском языке грамотно подобранный компендиум основных сведений о фэншуй.

ОПТОВЫЕ ЗАКУПКИ «КИТАЙСКОЙ ГЕОМАНТИИ»:
ИТД «ЛЕТНИЙ САД» (812) 232 21 04; (095) 255 01 98

При издательстве работает
ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КЛУБ

Более подробную информацию
вы можете получить, написав нам по адресу:

198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111